

ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Смоленск. Новый прядильный цех льнокомбината имени А. А. Андреева. Монтаж кольцепрядильных машин.
Фото Б. Вдовенко.

На первой странице обложки: Молодые металлурги, выпускники Московского института стали имени И. В. Сталина (слева направо): Евгения Бычкова, Борис Петров и Аркадий Фролов. В разные концы страны разъедутся они: Е. Бычкова — в Ленинград, Б. Петров — в Сталинград, А. Фролов — на Украину.

Фото И. Романова и Е. Умнова.

На последней странице обложки: Прибыли свежие газеты! Библиотекарь культполитэкспедиции на пароходе «Иосиф Сталин» Н. Н. Безверхова раздает рыбакам только что вышедший номер печатной многотиражки «За стахановский лов».

Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 24 (1357)
14 ИЮНЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Веселое пионерское лето

Нет, пожалуй, более радостной картины, нежели шагающий по улицам пионерский отряд. Как не остановиться и не взглянуть на этих маленьких граждан нашей страны, отбивающих четкий шаг под барабанную дробь:

Мы молодо и весело
идем!
идем!
идем!

Уверенно идут они по родной своей земле, потому что сам народ охраняет их счастье и покой. Многомиллионная советская семья горячо заботится о судьбе подрастающего поколения.

Лето — лучшая пора в жизни наших школьников. Сбывается многое из того, о чем мечтают они, исполняются их заветные желания. На морских берегах и речных просторах, в лесах и рощах отдохнут и закалятся дети. Загородные лагери и городские площадки, туристские базы, стадионы, парки, водные станции гостеприимно открывают ворота перед школьниками.

Нынешним летом только в профсоюзных пионерских лагерях — а их открыто около 7 тысяч — отдохнут 2 миллиона 750 тысяч детей. Шахтеры и нефтяники, металлурги и машиностроители, рабочие, колхозники, служащие озабочены тем, чтобы создать самые лучшие условия для отдыха детей. Десятки тысяч школьников побывают в пионерских лагерях Кузбасса. Пятьсот детей в одну смену примет новый лагерь, выстроенный в лесу, вблизи больших озер и реки Медведицы, для детей строителей Сталинградской ГЭС. По стране заканчивается строительство стационарных лагерей более чем на 20 тысяч ребят в одну смену. Тридцать лагерей для детей колхозников будет работать в одной лишь Карагандинской области.

Загородные лагери — не единственное место отдыха детворы. В городских лагерях, на площадках проведут летний период сотни тысяч школьников. В Москве, Ленинграде, Ереване, Новосибирске накоплен в минувшие годы большой опыт организации отдыха детей в городах. Только в Новосибирске свыше 30 тысяч школьников интересно и с пользой для своего здоровья будут отдыхать и развлекаться, не выезжая за город. В Риге, на берегу озера Кишу, окруженного соснами и липами, открыт детский парк «Солнечный сад». Двадцать экскурсионно-туристских баз создано на Украине. Сталинградские школьники совершат походы по историческим местам, будут путешествовать по Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина, около трех тысяч детей примет участие в звездной эстафете по большим и малым рекам области.

Взвились флаги над пионерскими лагерями. Скоро сдадут экзамены и сядут на поезда и пароходы, отправятся в путешествия пешком и на лодках старшеклассники. Весело проведут свой отдых наши дети!



На снимках: ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.
В пионерском лагере «Лесные поляны» под Звенигородом. Московская область.

Фото Е. Умнова.



В СТЕПИ

З. ХИРЕН

1

В понимании Михаила Ивановича Мирошниченко, работающего пятый год на электрическом тракторе, степь уже не степь, если над ней не протянута высоковольтная линия электропередачи, если на горизонте, как маяки, не стоят понизительные подстанции, если над крышей кабины нет стрелы, регулирующей движение кабеля, который то наматывается на барабан, то вновь стелется по земле.

Взявшись за перила на тракторе, Михаил Иванович быстро поднимается к себе в кабину и, прежде чем нажать кнопку двигателя, высовывается из окна и кричит прицепщику:

— Смотри же, Витя, не спи!

Витя Пилипей, круглолицый, румяный паренек с удивительно белыми зубами, с лихо выбивающимся из-под фуражки вихром черных волос,— и вдруг он заснет! Ведь сам Мирошниченко еще вчера сказал: «Ты, Витя, не хлопец, а уголь: все время горишь».

— Давайте лучше я поведу, — звенит голос Вити.

Мирошниченко смеется:

— Работу кончим, бери ключи, подтягивай гайки, а пока смотри за кабелем.

— Ну вот, опять вы за свое...— обижается Витя. — Одного своего Довгаля и признаете.

Николай Довгаль — такой же прицепщик, как и Витя. Тоже смуглый, смешливый, но уж очень обстоятельный, до всего допытывается. Пришел в первый раз — при виде понизительной подстанции дрожал, а теперь на ходу с плуга в кабину переберется. Мирошниченко ему даже трактор доверяет водить. А Вите отказал в этом:

— Еще молод.

Кроме прицепщиков, был у Михаила Ивановича напарник Олекса Модлый, да учиться ушел. Вот и мечтает Витя занять его место.

Поудобнее усевшись на мягком сиденье, Михаил Иванович снимает черную кепку. Ветер воспользовался этим и тотчас же стал трепать волосы. Мирошниченко смешно хмурит густые рыжие брови.

Слышится мягкий гул мотора. Над кабиной вздрагивает стрела. Трактор плавно трогается с места, потянув за собой пятикорпусный плуг.

Украинская степь, несмотря на ранний час, уже деятельна, оживленна, весела. Обнажаются все новые и новые пласты чернозема. На густых озимых поблескивает роса. Где-то за холмом, выбрасывая клубы пара, промчался паровоз, гудком прорезав утреннюю тишину. Вдали виднеется еще совсем юный, едва одевшийся в свежую листву лес.

В нескольких километрах отсюда катит свои воды сравнительно спокойная река Рось. Первые лучи солнца упали на огромные темно-красные валуны, разбросанные по ее берегам. Слава у этой реки громкая. На ней бился с польской шляхтой Богдан Хмельницкий, неподалеку родился Тарас Шевченко. Позднее он вспомнил Рось в поэме «Гайдамаки». Зимой 1944 года советские войска здесь устроили «новый Сталинград», окружив и уничтожив десять вражеских дивизий и одну бригаду. Эта же знаменитая река сыграла немаловажную роль и в жизни колхозника Михаила Ивановича Мирошниченко.

Три гидроэлектростанции, сооруженные на Роси после минувшей войны, образовали мощную сельскую энергосистему, позволившую электрифицировать не только жилища колхозников, фермы, сельские улицы, тока, но и пахоту. Именно это обстоятельство и послужило причиной того, что Корсунь-Шевченковская МТС направила на Урал своих людей освоить на заводе новые электрические тракторы.

Послали туда и Мирошниченко, вернее, не послали, а он сам напросился. Мирошниченко успел только одно лето поработать штурвальным на комбайне, трактора не знал, а на Урал отбирали самых опытных трактористов. Значит, о посылке его и речи не было. Но Мирошниченко сам пришел к директору и попросил:

— Пошлите!

— А комбайн как же?! — удивился тот.

— Теперь зима, — ответил Михаил Иванович, — с комбайном за это время ничего не случится, а я вот стану трактористом.

Директору не понравилось, что парень так легко относится к своей основной профессии.

— Вы не подойдете, — сказал он ему. — Туда нужны опытные люди.

Но Мирошниченко еще и еще раз обращался к директору, и наконец тот уступил.

Хотя Михаила Ивановича все и считали очень веселым парнем, но в вагон он пришел хмурый и почти до самого Свердловска не проронил ни слова. Подействовало на него то, что директор перед самым отъездом еще раз напомнил:

— Ты все же немного поторопился. Тебе будет трудно. Для старого тракториста трактор — привычное дело. Приедет на Урал, электрику посмотрит — и будь здоров, а тебе не только электрику, тебе весь трактор, от первого до последнего болтика, изучать надо.

Приехали на Урал. Оказалось, что электрический трактор, о котором было столько разговоров, еще не готов. Предложили ребятам остаться на заводе, познакомили их с чертежами. Трактор рождался на глазах курсантов. Учение получилось, правда, не совсем обычное, но зато полезное. Все детали изучили досконально, и тут, между прочим, Мирошниченко проявил больше внимания и способностей, чем другие.

Наконец наступил день, когда машины, предназначавшиеся для Корсунь-Шевченковской МТС, были готовы. Свой трактор Мирошниченко получил прямо, можно сказать, «из печки, горяченьким», видел, как его монтировали, собирали,— словом, знал его от первого до последнего болтика.

Пока трактористы были на Урале, дома у них, в Корсунь-Шевченковском, шли приготовления к электрификации полей. Дело новое, невиданное. И интерес к нему был у всех огромный. Приехали инженеры, электротехники, агрономы. Вместе с работниками МТС и колхозниками искали наиболее подходящую площадь для эксплуатации электротракторов. Хотя эта площадь ничем особенным не отличалась, но как только на ней появились колышки, все стали ее называть электрической трассой. Конечно, оказалась там и сельская детвора, ну, и Витя Пилипей. На станцию стали прибывать первые вагоны леса. То были столбы для высоковольтной линии электропередачи. Вслед за ними пришли провода, изоляторы, крючья. Совпало все это с распутицей — машины на дорогах буксовали, даже подводам с трудом удавалось проехать. Витя вместе с другими помогал доставлять оборудование на трассу.

Вернувшись с Урала, хлопцы просто не узнали своих полей. Еще недавно они рисовали мелом на классной доске, как должна происходить электропахота, а тут чуть ли не на сотню километров тянулись провода, стояли понизительные подстанции.

Вскоре в беленьком домике ГЭС, что стоит в районном центре — Корсунь-Шевченковском, — на берегу реки Рось, дежурный включил ток. Ток пошел от генераторов на воздушную линию и далее в степь, на электротракторы.

Десять электротракторов тронулись в путь. Толпы колхозников шли за каждым из них, приглядываясь к необычной технике. На первом же повороте промерили глубину пахоты. Глубина была хорошая.

2

Если б можно было одним взглядом охватить всю эту равнину, перед нами возникло бы огромное, насыщенное самой современной техникой предприятие, где в каждый гектар земли вложили свой труд, помимо колхозников и работников МТС, ученые, конструкторы, инженеры, химики, электротехники, прокатчики, кузнецы, слесари, токари.

В Корсунь-Шевченковском наступило такое время, когда колхозник, решивший стать трактористом, имеет возможность сесть и на электрический трактор.

Понятно, что судьбу урожая еще долго будут решать обычные тракторы. Сейчас накапливается опыт применения электротракторов, еще многое нужно сделать, чтобы конструкция их стала более совершенной. Но народ уже с жаром берется за новое дело. И тут сказываются любовь к технике, доверие к ней, способность наших колхозников быстро овладевать новыми сложными машинами. К тому же электрический трактор обладает множеством таких качеств, которые не могут не заинтересовать, не понравиться. Начать хотя бы с того,

что больше не надо заботиться о подвозке горючего и воды. Электричество принесло в степь своеобразную тишину. Приятно, что трактор легко запускается. На тепловом, например, осенью подолгу приходится разогревать двигатель, а тут он легко в любое время года запускается почти мгновенно. «Нажал кнопку,— говорит Мирошниченко,— и поехал».

В кабине не пахнет гарью и керосином. Но этого мало. Дошли до трактористов слухи, что со временем на каждый трактор поставят телефон и можно будет говорить с диспетчером МТС, что конструкторы уже думают над созданием таких условий труда, при которых работать можно даже в воскресном костюме. Повсюду будет чистота.

Всем понравилась равномерность глубины пахоты. Электротракторы выдерживали двойную нагрузку. При подготовке почвы для плодопитомника глубина пахоты достигла 45 сантиметров. Новые тракторы хорошо справлялись с культивацией, севом, с землеройными работами.

Каждый день приносит новое. Разветвленные высоковольтные линии позволили расширить применение электричества во всех областях сельского хозяйства. В районе есть колхозы, у которых до пятидесяти электромоторов. Сэкономлено тут за эти годы немало горючего. В более короткие сроки стали справляться с севом, уборкой, молотьбой. Но, конечно, первым долгом все интересуются тем, как электричество влияет на повышение урожайности. Работники МТС вместе с колхозниками установили, что поля, обработанные электротракторами, дают больше хлеба, а особенно сахарной свеклы.

Все это замечательно. Но поговоришь с Мирошниченко, с его товарищами — а сельских электриков теперь в районе целый отряд,— и оказывается, что их-то все это еще не совсем устраивает.

— Мало берем от электричества, — говорят они.

Жалуются на то, что кабель выходит быстро из строя и он слишком короток; электротрактор самостоятельно не может передвигаться с поля на поле, и приходится в этих случаях вызывать на помощь тепловой трактор, а тот не всегда оказывается под рукой — пропадает много времени на ожидание. Пока еще довольно сложно электрооборудование. Но товарищи уверяют, что все это поправимо: многое тут зависит от работников науки и промышленности. Решение некоторых задач подсказывают сами же электротрактористы. А отряд их растет и растет. Посылает колхоз в поле прицепщика, а он просит, чтобы его обязательно взяли на электрический трактор. В районе есть школа механизаторов, но Мирошниченко, например, готовит из своих прицепщиков трактористов, сам с ними занимается; он словно предугадал некоторые перемены, которые скоро произойдут в конструкции электрического трактора. Предполагается, что в новом типе машины все будет автоматизировано, надобность в прицепщиках исчезнет, и тогда-то нынешние ученики Михаила Ивановича наверняка сами сядут за тракторы.

3

В синей кофточке, в клетчатом платке, в сапогах, неловко усаживается на велосипед Галя Назаренко, новый агроном, прибывший недавно из Киева. Пожилой бригадир, которому она задала головомойку, с улыбкой провожает девушку. Было время, когда она у него в бригаде руководила звеном. Мать ее, Василина, и теперь там работает.

Галя никак не привыкнет к своей новой должности. Вот и вчера на партийном собрании: все уже выступили, а она молчит. Вспомнил о ней председатель.

— Где-то наш агроном?

— Здесь я,— ответила она.

— Здесь, так чего же молчишь? Чего слова не просишь?

Пришлось ей выступить. Многим досталось: покритиковала и председателя, сказала и о том, что техника ныне на поле первоклассная, а мыслят некоторые бригадиры еще очень узко, не заботятся о том, чтобы создать все условия для ее полного использования.

Собрание происходило вчера. А вот сегодня, что ты поделаешь, опять трактор стал. Тракторист, прицепщик, девчата, еще недавно стоявшие на подножке сеялки,— все уселись в круг и, как тут говорят, «загорают». Что произошло? Оказывается, семена вышли, а о запасе бригадир не позаботился. Пришлось послать ездового в село за семенами. Народ нервничает, возмущается нераспорядительностью бригадира. А тут и ездовой куда-то запропастился. Бранят и его. То и дело кто-нибудь выбегает на дорогу и смотрит, не появится ли он.

Но вот наконец-то... Вытянув шеи, покорно плетутся по раскисшей полевой дороге волы. Скрипит воз. Забравшись на гору мешков, восседает ездовой. Скорее от скуки, чем по необходимости, он размахивает коротким батожком и время от времени цокает языком.

— Ни печали, ни воздыхания,— встречает его разгневанный тракторист. — Надулся, как индюк. Вся степь остановилась, а ты, бисова душа, спортом занимаешься, на волах гонки устроил...

— Разве ж я знаю? — невозмутимо отвечает ездовой.— Ну, приехал в село; там говорят, кладовщик обедать ушел... Постоял я со своими воликами, постоял да думаю: давай и я себе пообедаю, вот и вся справа.

Ездового никто не слушает. Быстро сгружают мешки, засыпают сеялку, и трактор трогается.

Здесь, где столько замечательной техники, столько электричества, столько прекрасных специалистов, сценка с волами выглядит архаичной, но все же она имела место. И это всех возмущает, все со злостью в течение дня о ней говорят, бранят ездового, хотя прекрасно знают: не он тут главный виновник. Причина в том, что некоторые колхозные руководители не понимают еще того, что новая техника требует нового отношения к делу.



Михаил Иванович возле своего электротрактора.
Фото Н. Козловского.

4

В полдень на проселочной дороге показалась машина директора МТС. Ребята, собравшиеся на смену, громко кричат:

— Смотрите, «в курсе дела» едет!

«В курсе дела» — это Федя, шофер директора МТС. Прозвали его так потому, что он всегда набит новостями, и пока директор обходит поля, Федя охотно все выкладывает приятелям. Директор об этом знает, сердится, требует, чтобы Федя везде следовал за ним, но Федя — в шоферском деле уже не новичок и всегда найдет причину остаться около своего вездехода.

— Хай сам себе «манервирует»,— говорит Федя, когда директор уходит,— а я уж тут постою...

Директор МТС Алексей Гаврилович Яровой — невысокого роста человек лет сорока пяти, плотный, в сапогах с короткими голенищами. Он руководит освоением электротракторов с того дня, как новые машины появились в степи. Человек он горячий, к трактористам наведывается не только днем, но и ночью, как здесь говорят, «по тревоге». Когда его разозлят, кричит:

— Я не из хромоникелевой стали сделан, я тоже живой человек!

Федя все это шутя называет: «Директор «манервирует»...»

Но сейчас Яровой спокоен. Выйдя из машины, он направляется к трактору Мирошниченко. Трактор вовсю пашет. Но что такое? В это же время сам Мирошниченко преспокойненько сидит на бугорке и обедает. Рядом с ним расположился Витя, и Михаил Иванович, не торопясь, спрашивает у него:

— Так, говоришь, прямо из печки борщ?

— Прямо из печки, Михаил Иванович, — отвечает паренек.

— Ну, так бери ложку, будем вместе хлебать.

— Так я ж, Михаил Иванович, пообедал.

— Ничего, можно еще разок... Ну, а Володя как? — допытывается Мирошниченко, поставив в сторону глечик и принимаясь за второе.

Володя — только недавно появившийся на свет сынишка Мирошниченко.

— Так я ж вам, Михаил Иванович, говорил: их дома не было.

— Кого их? — спрашивает Мирошниченко.— Володи?

— Да нет же, вашей жинки, Нади.

— Эх ты, электрик!..— смеется Мирошниченко и протягивает руку к бутылке с молоком.

Директор не отрывает глаз от трактора, который пашет и пашет, и никак не поймет, кто же там в кабине сидит.

— Кто там на тракторе у тебя? — спрашивает он наконец у Мирошниченко.— Ты ведь пока один?

— Почему это один?! — удивляется Мирошниченко.— А напарник мой?

— Так ты ж его на курсы отпустил.

— И вы уж о том, Алексей Гаврилович, слыхали? Не иначе как бригадир по радио передал.

Наступает пауза.

— Так кто же? — допытывается директор.

— Кто? Довгаль Николай, вот кто. Недурный тракторист, Алексей Гаврилович, не жалуюсь.

— Я и сам вижу, что недурный. Но когда это он успел?

— Довгаля я уж давно имел на примете, потому и отпустил так легко Модлого. А вот еще один электротракторист подрастает,— указывает Мирошниченко на Витю.

От смущения Витя нахлобучил на самые глаза фуражку.

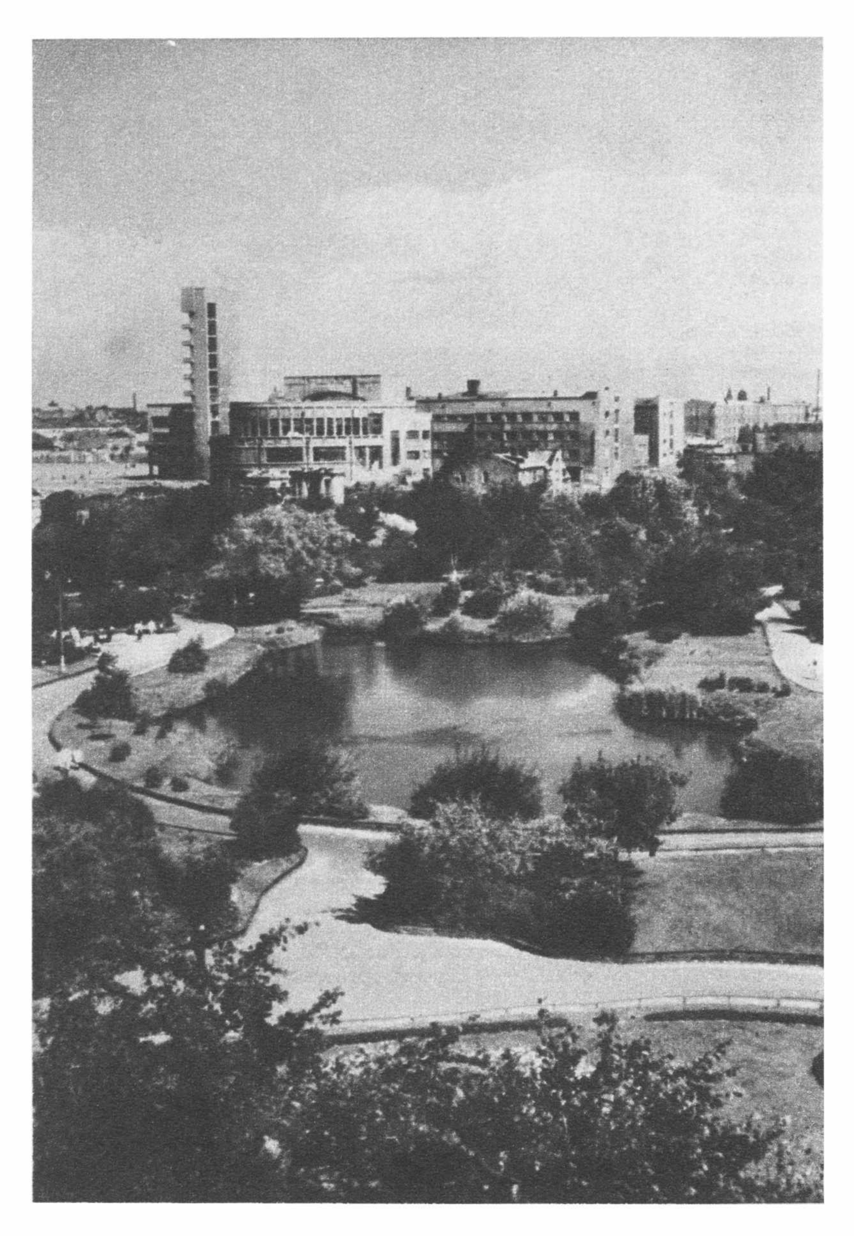
— Не робей,— смеется Мирошниченко,— нажмешь и ты кнопку!

* * *

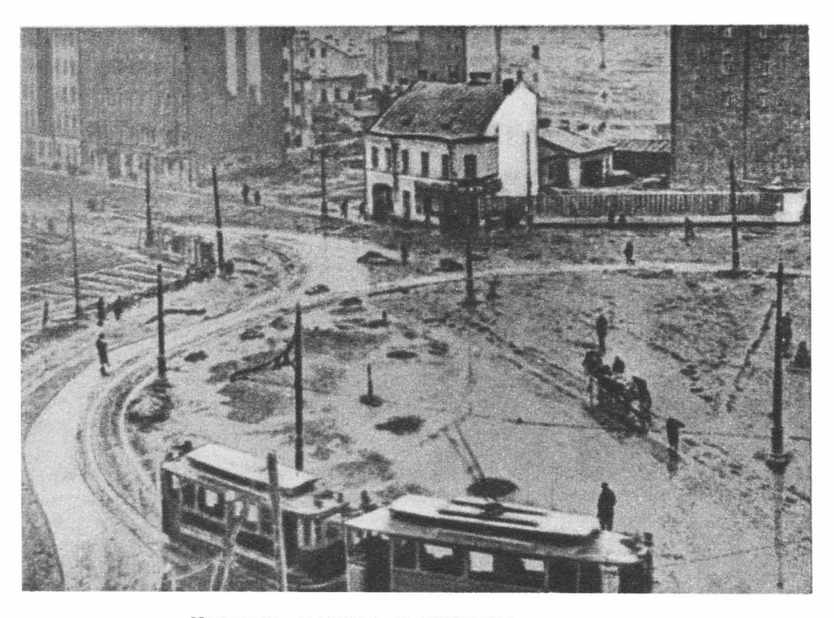
К пейзажу колхозных полей Корсунь-Шевченковского района прибавилась еще одна деталь. В степи — электрические тракторы. Осуществляется то, о чем на берегу маленькой сибирской речки Шушь при свете керосиновой лампы писал двадцатисемилетний Владимир Ильич Ленин, уже тогда проявивший интерес к применению электричества в обработке полей.

ВОТ ЭТА УЛИЦА...

Борис ЧИРКОВ



Сад имени 9 января на проспекте Стачек.
Фото Н. Янова



Нарвская площадь в прошлом.
Репродукция с литографии.

Ночь еще не кончилась, темно; с черного неба на черную землю моросит мелкая водяная пыль. Спит столица Российской империи. Спят Невский проспект и Миллионная улица, площади, переулки, линии и роты.

И вдруг возникает какой-то хриплый шум. Постепенно он разрастается, становится громче и резче — это заводской гудок. Точно разбуженные его ревом, к нему присоединяют свои голоса и другие фабрики и заводы. Влажный воздух начинает как бы шевелиться от гуденья, и тогда в туманной мгле загораются тусклые желтые огоньки.

Теперь можно разглядеть силуэты деревянных домишек в узких улочках. Видно, как поблескивают лужи на дорогах. А вот показались и люди; медленно бредут они, с трудом вытаскивая ноги из густой грязи. Они движутся редкими цепочками, маленькие ручейки выливаются на Петергофское шоссе, а отсюда широкий поток направляется к заводским воротам...

Нарвская застава начала свой трудовой день. Рассветает, идут часы за часами. Приходит вечер, снова опускается тьма на город. И только тогда раскрываются ворота заводов, выпуская на волю рабочий люд. Людской поток постепенно мельчает, растекаясь по переулкам. Еще медленнее и тяжелее шагают утомленные непосильным трудом люди.

Даже песня была сложена:

Измученный, истерзанный
Наш брат мастеровой
Идет, как тень загробная,
С работы трудовой...

* * *

...Картина минувшего времени встала у нас перед глазами, когда, сидя в парткоме Кировского завода, мы слушали рассказы старых путиловцев.

Пожилые люди серьезно, поделовому, относятся к нашей встрече, видимо, отбирая в памяти только то, в достоверности чего они вполне уверены.

Первым начал рассказывать Соболев Василий Иванович:

— Я за Нарвскую заставу приехал в 1907 году из деревни. Отец у меня работал здесь, на заводе. Ну, как тогда рабочий класс жил? Кругом только деревянные домишки были, а комнаты в них, как клетушки, маленькие. В каждой — три — четыре семейных жильца. Пологами друг от друга отгораживались. Назывались угловыми жильцами.

Сам хозяин квартиры ютился обыкновенно с семьей на кухне. На то и существовал, что с квартирантов получал.

Освещались мы, конечно, керосином; канализации не было. Водопровод был на улице, но у водоразборной будки грязи по пояс.

Извозчики дальше Нарвских ворот не ехали: боялись, что завязнут вместе с лошадью и не выберутся...

Начиная от арки, тянулись пустыри, деревни, кое-где стояли отдельные дома.

Семья у отца была большая — шесть человек, матери потом пришлось в деревню уехать... А в 1924 году вернулась она в Ленинград, уже ко мне. Вот посадил я ее в машину и привез к арке, а за аркой прежде речка Таракановка протекала, в ней всегда полно дохлых кошек было. Мать, конечно, хорошо это место помнила. Ну, а к этому времени Таракановку уже засыпали, площадь устроили. Мать мне и говорит:

— Куда это ты меня привез, Вася?

— Как куда,— отвечаю, — за Нарвскую заставу!

— Ну, если бы ты не сын мой,— говорит,— ни за что не поверила бы...

Потом приехали ко мне на квартиру, я тогда уже получил отдельную; мать осмотрела ее и говорит:

— Вася, а твоя ли это квартира? Не смейся ты надо мной, ведь я же мать твоя!..

А у меня паркет, понимаете, светло. Ей не верилось, что простой рабочий может так жить!

Ну, а теперь я получил квартиру еще лучше. С прошлым сравнить — так это день и ночь!

Нас было шесть братьев, ни один не кончил ничего, кроме сельской школы. Простых дробей не знали, думали, дробь — это та, что для охоты. А мои шестеро детей — все с высшим образованием. Сам я из простого слесаря стал начальником отдела подготовки кадров.

При советской власти получил среднее техническое образование, и только война помешала закончить высшее...

Василий Иванович откинулся на спинку дивана.

— А сколько вам лет, товарищ Соболев?

— Шестьдесят четыре года только!

Мы обращаемся к другому собеседнику.

— Михаил Павлов Решетов! — отрекомендовался плотный, седоватый человек в синей прозодежде.

— Семьдесят годов ему...— весело сказал кто-то из присутствовавших.

Михаил Павлович разгладил выхоленные, пышные усы и, укоризненно взглянув в сторону говорившего, произнес:

— Никак нет, семьдесят будет только в декабре!..— и затем продолжал, повернувшись в нашу сторону: — Я пятьдесят семь лет на заводе. Пришел сюда тринадцатилетним мальчишкой. Рабочие номерки поначалу собирал в большую кружку и развешивал по цехам на доски. Кружка такая с пуд была весом, а то и поболе. Потом стал учеником слесаря...

Вот вы спрашиваете, какие удобства у нас в квартире тогда были? Воду прежде по домам в бочках развозили, так если у возчика совести не было, он жирную воду людям привозил — до будки-то далеко ехать, из заводских кранов отработанную воду и наберет.

Потом переселился отец с нами на Счастливую улицу. Была здесь такая! Ничем не отличалась она от других, разве что мостовая камнем была вымощена. Вот по-

этому, наверно, и звалась она Счастливой...

Где она теперь, эта улица? А сожгли ее, сами рабочие сожгли при наступлении Юденича. Чтобы артиллерии нашей дать хороший обзор при стрельбе. Что ж поделаешь, раз нужно было!..

Потом старый путиловец Блинов рассказывал нам о событиях 9 января 1905 года и об июльских днях 1917 года.

Затем говорил Александр Карпович Мирошников о том, как они вчетвером жили в одной комнате с двумя кроватями.

— Работали в разных сменах и спали по очереди... Сравнить старое время и теперешнее — сказка!.. На завод, бывало, идешь — темно. Возвращаешься — опять темно, и домой тоже в темноту приходишь... От такой жизни мы так дружно и действовали в семнадцатом-то году. Сколько дружин тогда от нас в Красную Гвардию ушло!.. Как, бывало, заслышим в то время заводской гудок — все бежим на завод, тысячи людей!..

Мы смотрели на этих пожилых людей, долгие годы вместе трудившихся на знаменитом русском заводе, и нам невольно припомнилась судьба трех молодых питерских рабочих, история которых была когда-то рассказана в кинотрилогии о большевике Максиме. Вспомнилась и любимая песенка этих парней о голубом шаре:

Где эта улица,
Где этот дом,
Где эта барышня,
Что я влюблен?..

И верно, где же эта улица? И нам захотелось взглянуть хотя бы на то место, где она проходила прежде.

Мы прошли через арку триумфальных ворот у Нарвской заставы, и перед нами протянулся широкий асфальтированный проспект, по сторонам которого возвышались большие каменные здания.

Дворец культуры имени Горького, построенный в тридцатых годах и производивший прежде такое внушительное впечатление, теперь никак не выделяется среди таких же больших домов, вставших с ним по соседству.

На целые километры легла эта новая замечательная магистраль. Мы едем мимо школ, магазинов, кинотеатров и жилых домов. Мимо красивой, просторной площади имени Кирова, где стоит монумент любимцу ленинградских рабочих. Мы миновали сад имени 9 января, обнесенный великолепной чугунной решеткой, перенесенной сюда от Зимнего дворца.

Мы едем и едем и все не находим следов прошлого.

— Проспект Стачек, — говорит один из наших спутников,— прежде здесь было Петергофское шоссе, а еще раньше Петергофская перспектива. Повсюду вокруг ютились деревушки, поселки... По этой дороге в 1814 году возвращались после победы над Наполеоном русские войска. В их честь и построены триумфальные Нарвские ворота...

И мы подумали, что эта улица, идущая из города к морю, к широким его просторам, и есть подлинно Счастливая улица, построенная и населенная действительно счастливыми людьми.

Много новых городов выросло у нас в стране, множество новых улиц проложено в старых городах. Но именно здесь, за Нарвской заставой, изменения, происшедшие в нашей жизни за 35 лет, особенно наглядны. Верно, потому, что эти места были свидетелями долгой борьбы рабочего люда за свое справедливое дело. Верно, потому, что история и современность оставили здесь глубокие следы, потому, что в радости и горе, в любом новом начинании ленинградцев всегда слышен голос рабочих из-за Нарвской заставы.

Где же следы прошлого, о котором рассказывали нам старики-путиловцы? Не видно их нигде. Может, они скрываются в переулках, что выходят на эту могучую дорогу? И мы заглядываем в них, сворачивая в сторону. Перед нами новые, благоустроенные дома, асфальтированные, обсаженные деревьями тротуары. Большей частью это уже обжитые кварталы, но кое-где они еще достраиваются.



В семье Соболевых. Первый слева — Василий Иванович Соболев.
Фото А. Голубева.

— Строительство идет у нас в больших масштабах, — говорит наш спутник,— десятки тысяч квадратных метров жилой площади ежегодно получают в пользование трудящиеся нашего района. В одном только 1951 году сдано в эксплуатацию около ста жилых домов.

Едем дальше. Бывшая деревня Автово. Не в каждом большом городе есть такие ансамбли зданий, как те, что выстроились здесь.

И лишь обогнув эти дома, мы видим, что город наконец кончился. Перед нами расстилается ровная болотистая низменность. Кое-где торчат на ней редкие, одинокие деревья, еще более подчеркивая ее унылость. Несколько старых деревянных домиков стоит в стороне от дороги.

Вот так, пожалуй, и выглядел весь район — это остатки Ямской слободы.

Машина бежит дальше по шоссе, в которое переходит проспект Стачек, и там, где кончается черта города, стоит обелиск, воздвигнутый в честь победы в Великой Отечественной войне. Здесь же, на бетонной площадке, установлен танк, грозно выставивший дуло своей пушки. А в километре отсюда, на развилке дорог, еще обелиск; это передний край нашей обороны во время блокады Ленинграда.

С небольшой возвышенности вы опять видите пустую равнину. Но и сюда придет жизнь большого города. Наш спутник широким взмахом руки очерчивает перед нами чуть ли не весь горизонт. Здесь будет парк, большой парк для ленинградцев. От Угольной гавани и почти до Петродворца, по всему берегу залива!..

Жизнь, какая это великолепная вещь — жизнь! Как смело и разумно распоряжаются ею наши советские люди, как вольно и могуче идет она!

Ленинград. Проспект имени Сталина.
Фото П. Федорова (ТАСС).

ПОКОРЕНИЕ БОЛОТ

В. ПОНОМАРЕВ

Фото автора.

Так выглядят пинские болота ранней весной.

По дороге

Теплый апрельский день. Самолет летит из Минска на юг. С высоты земля кажется аккуратно прибранной заботливыми человеческими руками. Четкие, правильные межи делят большие массивы колхозных угодий. Земля то покрыта бледнозеленым пухом поднимающейся озими, то чернеет после пахоты, то, уже засеянная, подсохшая и посветлевшая, ждет всходов.

Но картина постепенно меняется. Все большее пространство занимают леса да желтые пески, все чаще сверкают зеркала дремлющих озер и заводей, на отмелях и у берегов буреющих темной болотистой водой. Меняется и погода. Небо заволакивает серая, тягучая пелена, которая опускается до самой земли. Кое-где виднеются села и обработанные поля, но они теряются в необозримых болотах.

Мы приблизились к Полесью, тому обширному краю болот и топей в бассейне реки Припяти, где за тысячелетия скопились неисчерпаемые природные богатства.

...Меньше чем через час самолет был уже в Пинске, центре области, около трех четвертей которой занято болотами и трясинами. «Газик» мчит нас в Телеханский район, который и поныне считается чуть ли не самым глухим на Пинщине.

Прямая песчаная дорога почти все время пролегает по насыпям над непролазными болотами. Стоячая вода скрыла землю и возвышающиеся на кочках-островках кустарники. Голые прутья прошлогоднего тростника грустно замерли в каком-то оцепенении, словно боясь оступиться в гиблую кислую заводь. Пейзаж этот, неприглядность которого усугубляет серый, пасмурный день, настолько однообразен и постоянен, что как-то не верится, что весна и здесь зацветет зеленью, зашумит листвой. Так тянется километр за километром. Иной раз промелькнет на возвышении бор, а потом опять те же болота.

Отрадно встретить на таком пути село, раскинувшееся на просторе полей. Хочется поговорить с местными людьми, послушать рассказы о их борьбе с немилостивой природой.

Рассказ старожила

Мы встретились с местным старожилом, старшим районным мелиоратором Александром Романовичем Викторóвичем.

Всего пятнадцать лет назад, во времена панской Польши, здесь царили феодальные порядки.

Многое из его повествования поначалу казалось невероятным:

— О нашем прошлом хорошо сказал Янка Купала: «Полешуки мы, а не человеки». И действительно, мы не чувствовали себя людьми. Кругом лес, а срубишь палку, помещик велит пальцы мять в дверях или налить в ноздри уксус. Секли до полусмерти. Давно тут у нас провели Огинский канал, теперь заросший. Гнали по нему лес, сплавляли баржи со скотом, а куда, неизвестно. Весь мир отделяли от нас болота, над которыми с весны повисали застилавшие небо тучи мошкары. С арендованного клочка земли две трети урожая нужно было отдавать пану. О бедности в этих краях можно судить хотя бы по тому, что во многих деревнях несколько поколений венчалось в одних и тех же сапогах. Фабричной одежды и в помине не было. Да вот и я сам



←
Мелиораторы во время отдыха.

до прихода советской власти не имел сапог.

Чем жили? Сеном промышляли. Ходили за много верст в такую глушь, куда даже помещик не пошлет людей. Чтобы не потонуть, привязывали к ногам доски, напоминающие лыжи, и косили. Потом выволакивали траву и продавали ее. Человек пробирался в такие гиблые места, где даже кабаны и лоси вязли. Помню, году в двадцать восьмом у деревни Турная, где ныне колхоз имени Калинина, показался лось. Голодные люди погнали его в соседнюю трясину. Там он и увяз. Мясо разделили. Видите, охотились, как в доисторические времена.

О возможности осушения болот, — продолжал Викторо́вич, — мы впервые узнали в тридцатых годах, когда помещики решили добраться до новых лесных массивов, расположенных среди болот. Я сам был среди первых, кто нанялся рыть канавы. Работа адова! Весь день в воде, тяжелая болотная земля казалась свинцовой. Тогда натер мозоли, которые по сей день никак не сойдут. Мелиоративные работы свалились на наши плечи новым бедствием.

Настоящее наступление на болото началось здесь после войны, когда советское правительство прислало сюда мощную мелиоративную технику. О размахе осушительных работ говорит хотя бы такой факт. В нынешнем году в колхозах Телеханского района посевные площади за счет освоения болот расширятся на двадцать пять процентов.

Александр Романович развернул карту района и стал показывать, что сделано и делается. С юношеским увлечением говорил он о ближайших годах, когда преобразуется облик его родной земли:

— Опыт показал, что урожайность сельскохозяйственных культур на торфяниках в два—три раза выше, чем на обыкновенных почвах. У нас будет не только хлеб и картофель: арбузы и виноград будем выращивать!

Первая борозда на Золотухе

Утром мы пришли на земли колхоза имени Жданова. Болота здесь стали осушать со дня организации колхоза, в пятидесятом году. К нынешней весне посевная площадь артели возросла вдвое. Только в эту посевную кампанию клин яровых расширяется на 630 гектаров, которые принесут свой первый дар покорителям болот.

Идем к одному из участков этой нетронутой земли, где минувшей осенью канавокопатели мелиоративного отряда Телеханской МТС проложили ровные стоки. Когда по упруго-пружинистой почве шагаешь вдоль бровки канавы, высокие резиновые сапоги, которые крепятся к поясному ремню, кажутся лишними. А стоит лишь отойти от бровки, увязнешь по колено. Но на другой стороне канавы почва тверже и суше: кажется, что ступаешь по тугой подушке.

Вот уже ясно слышится гул мощных моторов. Машины готовы к пахоте.

Наконец тракторы тронулись, и с высоких лемехов болотных плугов поползла, выворачиваясь, жирная торфянистая почва.

Среди тех, кто пришел посмотреть первую борозду на новой земле, был один из организаторов колхоза, ныне старший конюх артели Семен Николаевич Ярута.

— Конец былой Золотухе! — радостно сказал он.

Кругом были ржавые болота, но этот район даже среди них выглядел особенно ужасно, так что казалось, будто его окрестили названием болезни. Все живое, попадая сюда, гибло...

Семен Николаевич прошелся вдоль борозды, поднял ком земли и стал по крестьянской привычке растирать ее между пальцами. К нему приблизился заместитель директора Ивановской машинно-мелиоративной станции Владимир Иосифович Базаковский:

— Что же, старина, новое имя надо давать теперь этой земле.

— А по мне, пускай остается Золотухой. Только в ином качестве. Золотуха — золото: добрались мы до «золотого дна»!

Когда трактор проходил мимо, Базаковский вскочил в кабину. Спустя минуту оттуда выглянул руководитель тракторной бригады Ивановской МТС комсомолец Федор Бондарчук и, перекрывая гул машины, молодым, звучным голосом крикнул товарищу — трактористу из Телеханской МТС:

— Может, соревнование заведем?

...Тракторист окинул взором широкие полосы отвоеванной земли. Они окаймляли квадраты былого болота, которые отныне будут приносить людям только радость.

Шумно стало на Полесье!

В Пинск возвращались той же дорогой. В эти весенние дни сонная болотная тишь была разбужена: посевная шла полным ходом. А на диких топях и урочищах ревели экскаваторы и тягачи — наступление на болота разворачивалось широким фронтом.

И тут мы увидели, как полесские мелиораторы овладевают все новыми и новыми тайниками «золотого дна», которое тянется по ровной низине бассейна Припяти на миллионы гектаров.

Первыми врываются канавокопатели — машины, напоминающие огромные плуги. Увлекаемые мощными, с широкими гусеницами тракторами, они глубоко врезаются в болотную толщу и, словно катеры воду, раздвигают почву, оставляя за собой ровные, чистые канавы, края которых подобны застывшим волнам. Властно бороздя трясину вдоль и поперек, большие и малые канавокопатели покрывают болота сетью осушительных траншей. Теперь даже при незначительном уклоне почвенные воды стекают в большой канал, который роют экскаваторы, или прямо в один из многочисленных притоков Припяти. Когда земля подсыхает, вступают в действие кусторезы, срезающие заросли, кочки и даже мелкие деревья, приглаживающие поверхность, точно утюги, на которые они чемто похожи. Потом выходят корчевальные механизмы.

После уборки сучьев и коряг болота, поделенные на ровные участки, принимают опрятный вид. Но не всегда можно сразу же поднимать целину. Открытых стоков порой недостаточно для удаления всей лишней влаги. Тогда на помощь приходят дренажные машины, прокладывающие подземные трубы, по которым вода стекает в канавы.



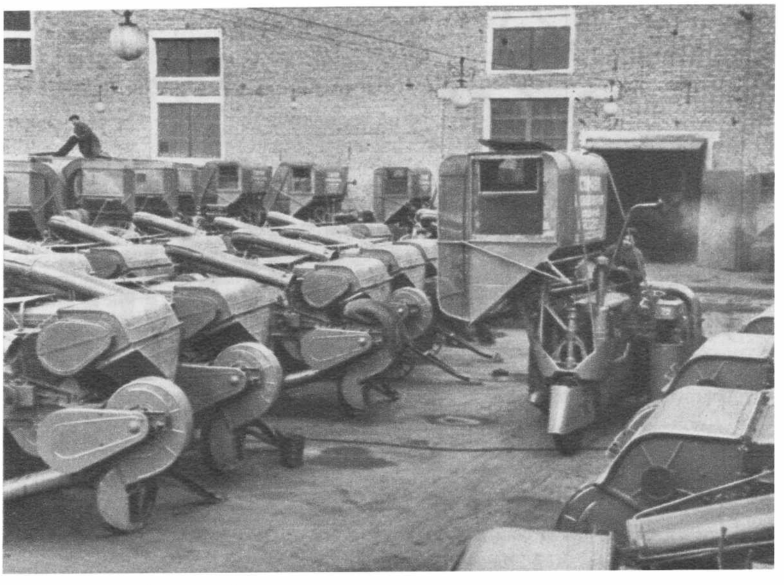
— Добрались мы до золотого дна,— говорит один из организаторов колхоза, С. Н. Ярута (справа), В. И. Базаковскому.

Мелиораторы не ограничиваются отводом воды: торфяники, лишенные грунтовой влаги, становятся бесплодными и превращаются в пустыри. Поэтому создается множество шлюзов, чтобы поддерживать нужный уровень подпочвенных вод.

Лишь после этого выходят на новые просторы плуги. Окончательно исчезают последние следы болот. Открываются взору тучные почвы, готовые щедро отплатить людям за свое возрождение.

...Опять мелькают однообразные километры. Опять по обе стороны болота. Но те же полесские пейзажи уже не кажутся столь грустными. Где ни остановись, повсюду слышится гул моторов, возвещающий торжество труда советского человека.

МАШИНЫ ИДУТ НА СЕЛО



Хлопкоуборочные машины на заводском дворе.

Фото А. Гостева.

Для машиностроителей ташкентского завода имени Ворошилова лето 1953 года связано с важным событием: большой конвейер сборочного цеха начал серийный выпуск хлопкоуборочной машины новой модели — «СХМ-48-М».

Из ворот цеха, попыхивая дымком, медленно выезжает светлосерая машина. Она разворачивается на площади перед цехом и занимает место в строю других таких же хлопкоуборочных комбайнов. Здесь они ждут приемщика, а затем им выпишут путевки в одну из МТС республики.

Конструкторы модели «СХМ-48-М» учли многочисленные замечания водителей. Общее количество изменений, внесенных в прежнюю модель, достигает полутора тысяч. Установлен особый пневматический подборщик. Он собирает из борозд опадающий на землю хлопок, что значительно сокращает потери при уборке.

«Сев начался — готовь машины к уборке»,— говорят в колхозах. Эту поговорку хорошо знают и машиностроители. С завода отправляют на станцию Ташкент для отгрузки во все концы республики хлопкоуборочные и полевые хлопкоочистительные машины «УПХ-1». Они не только очищают сырец после машинного сбора, но и упаковывают его в мешки.

Новые машины идут на село.

Н. СОЛОВЬЕВА



Встретились друзья-однокурсники. На снимке (слева направо): И. Кудзин (Орел), В. Снедков (Слюдянка), профессор Г. Демьянов (Краснодар), И. Грандилевский (Шахты), С. Криваткин (Сормово), Б. Писаревский (Елец).
Фото Дм. Бальтерманца.

Друзья-однокурсники

Это было сорок лет назад, в 1913 году.

Выпуск медицинского факультета Московского университета был особенно многочисленным. Большая группа молодых людей, получив долгожданные дипломы, в которых указывалось, что им присвоено звание лекарей, разъезжалась по стране.

Последний студенческий сбор. Горячие призывы служить народу, бороться с тьмой и невежеством, достойно выполнять благородный долг врача. Выпускники трогательно прощались друг с другом и клялись в вечной дружбе.

— Никогда не забудем нашего дружного курса! Будем встречаться в Москве каждые пять лет!

Так и решили на сходке.

Друзья стали земскими врачами, экстернами в больницах, сверхштатными ассистентами в клиниках, они самоотверженно вступали в борьбу с эпидемиями. А через год, когда грянула война, молодые врачи надели шинели и отправились на фронт.

Шли годы... Друзья-однокурсники регулярно встречались в Москве. С каждым разом их становилось все меньше, они теряли друг друга из виду.

Но вот приближался 1953 год — сорокалетие выпуска. Организационная комиссия, избранная на последнем студенческом сборе, занялась розыском однокурсников, чтобы достойно отметить памятную дату.

Полетели запросы к знакомым, в адресные бюро, в органы здравоохранения.

Откликнулось около ста человек. Они прислали свои фотографии, письма, рассказывающие о их жизненном пути. Письма шли из Сибири и Казахстана, из железнодорожных амбулаторий и заводских поликлиник, с институтских кафедр и из районных больниц.

Врачи верно служили народу, строили больницы, спасали жизни людей, воспитывали молодые кадры, двигали вперед медицинскую науку. Есть среди них профессора, доценты, заслуженные врачи республики. Уже и дети многих из них окончили университеты и институты, сами стали врачами, архитекторами, инженерами, иные — докторами и кандидатами наук.

Богатая, интересная жизнь! Как же не радоваться этой необычной встрече, которая произошла недавно в столичном Доме ученых! Однокурсники расстались юношами, а сошлись убеленные сединами. Собралось 68 человек. Многие приехали в Москву издалека ради того, чтобы пробыть вечер — другой в кругу однокашников, вспомнить студенческие годы, побеседовать о минувшем.

Было шумно и весело. Входивших в зал встречали радостными возгласами, называли старыми студенческими именами. Порой не узнавали друг друга, долго всматривались в лица.

— Подожди, дай вспомнить! Ну, конечно, глаза остались такими же. Сергей!

— А ты Гайк Мхитарян? Верно? Сразу узнал!

Заслуженный врач Армянской ССР Гайк Петрович Мхитарян приехал на эту встречу из Ленинакана вместе с дочерью, преподавательницей русского языка в институте, и сыном-инженером.

Из Краснодара прибыл к условленному сроку заведующий кафедрой инфекционных болезней Кубанского медицинского института профессор Г. С. Демьянов. Уроженец Кубани, он сразу же после окончания университета вернулся в родные места, долго работал участковым врачом в кубанских станицах, затем был избран старшим ассистентом клиники и уже 25 лет заведует кафедрой в институте. У него 40 научных трудов.

Демьянов ходит по залу, пытливо всматриваясь в лица. Нет, не всех он узнает. Да и что удивительного: прошло столько лет!

— Снедков? — неуверенно обращается он к пожилому мужчине.

— Верно! — отвечает тот.— Виталий Снедков!

— Из каких краев? Не москвич ли?

— Нет, сибиряком стал. Приехал со станции Слюдянка. Есть такая на Восточно-Сибирской железной дороге. Заведую больницей с 1927 года. На войне был.

— Доволен жизнью?

— Полюбил я Сибирь. Работа большая, интересная. Дважды побывал в научных командировках. Организовал научный кружок врачей. Так что, видишь, и мы от жизни не отстаем...

— Позволь, а это Кудзин? Я слышал, что его в 1914 году за агитацию среди крестьян забрали в солдаты.

— Иван Иванович! — позвали они.

Подошел Иван Иванович Кудзин, врач из Орла. Да, его действительно в 1914 году «сдали» в солдаты, освобожден он был после долгих мытарств. Зато в гражданскую войну Кудзин сам пошел в Красную Армию, участвовал в разгроме банд Мамонтова и Антонова. С тех пор и осел в Орле. И не раскаивается.

— Хороший город — Орел!

— А я вот не променяю ни на какой город свое Сормово,— перебивает его врач С. Криваткин.— Живу там с 1928 года. У нас открылось физио-терапевтическое отделение, выстроили заводскую и поселковую амбулатории.

У Криваткина двое детей: сын — инженер-конструктор на Сормовском заводе, дочь кончает среднюю школу.

В зал вошла женщина с гладко причесанными поседевшими волосами. Все взоры обратились к ней. Среди выпускников факультета было всего пять женщин. Эта — одна из них, дочь московского профессора. Н. А. Плетнева теперь сама стала профессором и заведует кафедрой глазной клиники 2-го Московского медицинского института. Около 40 научных работ написала она, в том числе учебник «Глазные болезни».

Друзья-однокурсники внесли немалый вклад в медицинскую науку. Ко дню встречи они собрали научные труды, изданные ими за четыре десятилетия. Книги и журналы едва умещаются на двух стендах.

Вокруг однокашников, ставших видными профессорами, собирается тесный кружок. Особенно осаждают Всеволода Эрастовича Салищева, заведующего госпитально-хирургической клиникой 1-го Московского медицинского института.

— А помнишь, Всеволод... — и воспоминания сыплются одно за другим.

В. Э. Салищев — сын известного ученого, пионера клинической медицины в Сибири Эраста Гавриловича Салищева, ученик замечательных русских хирургов И. К. Спижарного и Н. Н. Бурденко. Им написано 50 научных работ, посвященных главным образом вопросам хирургии.

Встретились в этом зале два хирурга: профессор В. Э. Салищев и его однокурсник заслуженный врач РСФСР Иван Арсентьевич Николаев из Малоярославца. И хотя живут они в разных городах, но в их творческом пути есть много общего. Иван Арсентьевич тоже опубликовал ряд работ по хирургии и часто выступает с научными докладами. За 40 лет он сделал более 30 тысяч операций, из них не менее 7 тысяч полостных, дважды с успехом оперировал сердце.

Все оживленнее становится в зале. Приехали врачи из Ивантеевки и Ярославля, Шахт и Павлово-Посада. Все получают альбомы с фотографиями однокурсников и описанием их врачебной, научной и общественной деятельности за сорок лет. Один из организаторов встречи, доктор медицинских наук Я. Ф. Зильберг, в короткой речи сказал о том, как выпускники 1913 года выполнили свой долг перед народом.

— Наш курс,— заключил профессор Салищев,— с пользой применил знания, полученные в университете, высоко держит благородное звание врача.

— Доживем и до того радостного часа, когда будем вместе праздновать пятидесятилетие нашего выпуска! — крикнул кто-то с места, и это вызвало шумные аплодисменты.

Потом друзья сели за праздничный стол, и не было конца заздравным тостам, песням. Не забыли и старых студенческих песен, которые певали они сорок лет назад в университете...

Я. МИЛЕЦКИЙ



Ю. С. Подлясский. КЛЕВЕР УБИРАЮТ.

«Огонек». 1953.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.



С. Н. Шильников. СТУДЕНТЫ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

ЗДЕСЬ БЫВАЛ ГОРЬКИЙ

Четверть века назад в Ленинград приехал Алексей Максимович Горький. Быстро узнали об этом в городе. Все стремились повидать любимого писателя, повсюду ждали его, как дорогого гостя.

В первый же день пребывания в Ленинграде Алексей Максимович отправился в Московско-Нарвский, ныне Кировский район. Там, на проспекте Стачек, заметно выделялось новое четырехэтажное школьное здание, окруженное молодым садиком.

Школьники, для которых приезд Горького был полной неожиданностью, восторженно встретили великого писателя и ни на шаг не отступали от него. Горький переходил из класса в класс, осмотрел огромный актовый зал, физкультурные залы, кабинеты, обсерваторию, библиотеку, столовую. То была первая новая советская школа, воздвигнутая в Ленинграде после Октября.

Алексею Максимовичу дали ученическую, в коленкоровом переплете тетрадь. Присев за стол в комнате директора школы, он крупным почерком написал:

«Прекрасное впечатление вызывает эта школа. И хорошо убедиться в том, что рабочий класс не щадит сил и средств для того, чтоб дети ныне служит в рядах Советской Армии. Имя политрука Бориса Рохлина, окончившего эту же школу, героически погибшего на фронте, навечно занесено в списки воинской части, в рядах которой он служил.

...Тихо в классах в эти июньские дни. Идут экзамены. Здесь учится теперь 1 300 девочек. Это больше, чем в дореволюционное время было учащихся во всем районе.

Побывав в школе у Нарвских ворот, А. М. Горький в тот же день поехал на Балтийский завод, а вечером присутствовал на торжественном собрании молодежи.

— Я дожил до большого дня,— сказал Алексей Максимович на собрании.— Я все больше убеждаюсь, что вы действительно победите, что вы большая сила!

Год спустя Горький снова приехал в Ленинград. На этот раз Алексей Максимович побывал на новом хлебозаводе, который называли «хлебопеком-гигантом».

Алексей Максимович подробно расспрашивал рабочих об условиях труда, о технике производства. Он рассказывал, в каких тяжелых условиях ему приходилось работать мальчишкой в хлебопекарне.



Этот цех Ленинградского хлебозавода имени Бадаева осматривал Алексей Максимович Горький.

Фото Л. Коровина.

выросли действительно «новыми» людьми».

Эта тетрадь хранится в школе, как драгоценная реликвия.

Недавно школа, которую посетил А. М. Горький, отмечала свое двадцатипятилетие. Юбиляры вспомнили горьковские слова о воспитании новых людей. Назывались имена многих питомцев, вышедших из стен этого здания, патриотов социалистической родины — новаторов производства, инженеров, ученых, композиторов, геологов, архитекторов...

Воспитанники школы братья Николай и Федор Фоменковы с первых дней Великой Отечественной войны ушли на фронт. Николай погиб смертью храбрых, а Федор, Герой Советского Союза, по-

Вечером, встретившись в клубе с инженерами и техниками, Горький делился своими впечатлениями:

— ...Люди научились работать с увлечением, с энтузиазмом. Я смотрел новый хлебозавод, смотрел и озирался на прошлое время. Если бы прежде мне, булочнику, сказали, что будет построен такой завод, я бы полюбовался этой фантазией, но не поверил. А таких явлений в нашей действительности — много.

Прощаясь, Горький оставил в книге запись:

«Этот завод — самое изумительное из всего, что я видел в Ленинграде. Ничто не говорит так красноречиво о революции быта».

К. ЧЕРЕВКОВ



На трассе сталинградского газопровода.

Фото А. Брянцева.

Сталинградцы получат газ

Машина, подминая землю гусеницами, движется по степи. Ковши врезаются в слежавшийся суглинок, грунт течет по транспортеру и сбрасывается в отвал. Экскаватор оставляет за собой траншею для газопровода. Все новые звенья труб присоединяются к стальной нитке магистрали.

На участке протяженностью в десятки километров развернулись работы по сооружению сталинградского газопровода. Трасса стройки пересекает реки, овраги, балки, проходит по малонаселенным местам. Труд облегчают многочисленные механизмы: траншейные экскаваторы, бульдозеры, трубоукладчики, изоляционные машины.

Тем временем на подступах к городу и на его улицах заканчиваются приготовления к приему газа. Уже монтируется аппаратура в квартирах.

Нынешним летом первыми в Сталинграде получат природный газ жители Советской улицы. К концу года в городе будет газифицировано около трех тысяч квартир на улицах Мира, Ленина и других.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Центр технической пропаганды

В годы буржуазной власти этот район старой Риги называли «Рижским Сити». Здесь нарождались и лопались банки, возникали и рушились тресты, продавали зарубежным капиталистам богатства вод, недр и лесов Латвии.

Изменился за годы советской власти облик латвийской столицы. В бывшем здании фондовой биржи разместился рижский Дом науки и техники. Тесно связанные с латвийскими фабриками и заводами, его работники пропагандируют достижения науки и техники в машиностроении, текстильной промышленности, в производстве средств связи.

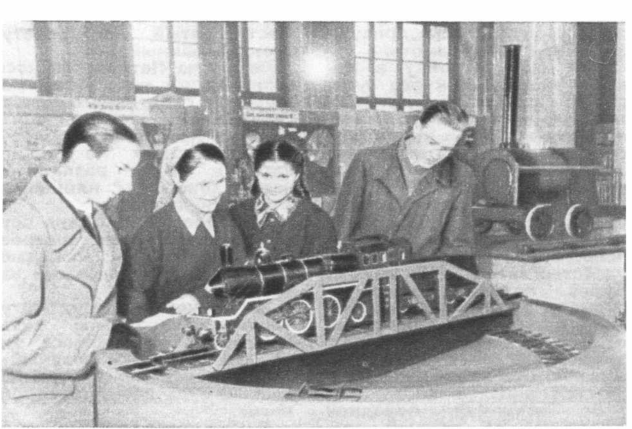
Сотни рабочих рижских заводов приходят сюда на лекции. Недавно организован семинар по силовому резанию металла; в занятиях участвовало около 500 человек.

Лекции, конференции по внедрению передовых методов труда, «четверги» и вечера отдыха неизменно привлекают много людей.

За три года в Доме науки и техники возник постоянный лекторский актив — научные сотрудники институтов Академии наук ЛССР и Латвийского государственного университета, инженеры, техники, рабочие — новаторы рижских предприятий. По приглашению Дома на рижские заводы приезжали передовые рационализаторы страны и ученые. В свою очередь, латвийские рабочие побывали на предприятиях Москвы и Ленинграда; в прошлом году с экскурсиями выезжало около 2 500 человек.

Много новых передовых методов, последних достижений науки внедрено в производство на рижских заводах благодаря деятельности Дома науки и техники.

Н. ХРАБРОВА



Республиканский Дом науки и техники. На выставке работ учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО.

Фото И. Семина.

КОЛХОЗНЫЕ ВОДОЕМЫ



Колхозный рыбовод А. В. Рукас.

Фото Л. Куликова.

Колхозники Полтавщины развивают новую отрасль хозяйства — рыболовство. За последние годы они построили 797 прудов с общей площадью водного зеркала в 1 969 гектаров. В нынешнем году будет закончено еще 210 прудов.

В новых водоемах поселены рыбы. В прудах разводится зеркальный карп — только в мае выпущено 800 тысяч мальков.

Рыболовство становится постоянным занятием в колхозах Ново-Сенжарского и других районов Полтавской области.

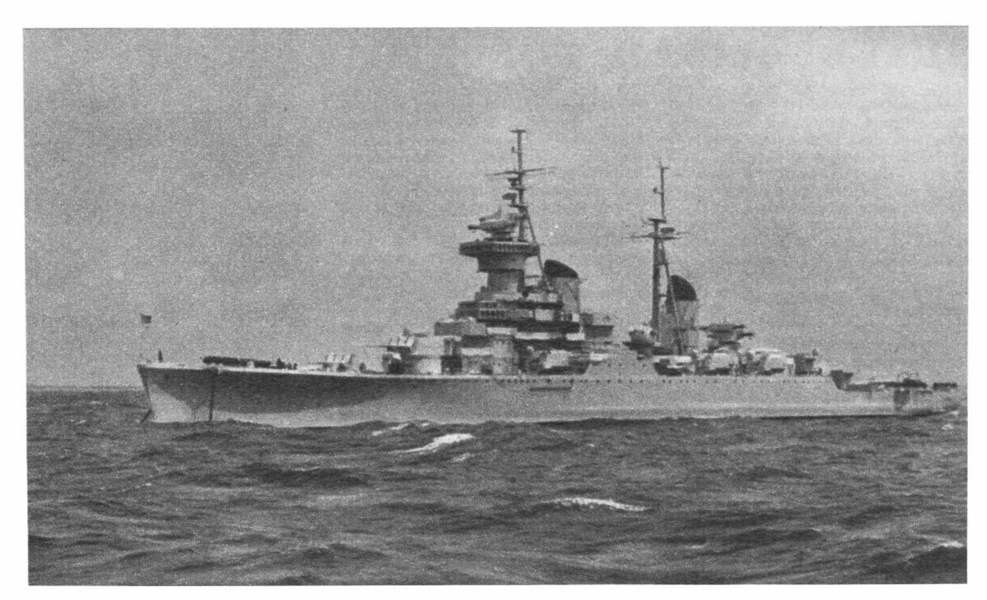
В. ЛОПАТИН





Орден Карла Маркса

В Германской Демократической Республике учрежден орден Карла Маркса. Орденом будут награждаться отдельные лица, коллективы, предприятия, государственные и общественные организации за выдающиеся политические, экономические и культурные заслуги.



15 июня в Спитхеде (Англия) состоится военно-морской парад по случаю коронации королевы Елизаветы II. В параде примут участие, кроме военных кораблей английского флота, также военные корабли других стран.

В ответ на приглашение Британского Правительства Правительство СССР решило направить в Англию для участия в упомянутом параде крейсер «Свердлов».

6 июня крейсер «Свердлов» отбыл в Англию.

На снимке: крейсер «Свердлов» на рейде.

Калуга строится



Новый детский сад в Калуге.

Глядя на клуб работников Управления Московско-Киевской железной дороги в Калуге, не подумаешь, что это здание фактически скомповано из трех. Оно производит впечатление единого строения.

На месте, где находится клуб, был забор, ограждавший пустырь. По его краям, слева и справа, стояли два неказистых жилых дома. Архитектор В. А. Попов удачно «вписал» в середину, между этими двумя домами, фасад клуба.

Остроумно решив задачу, Попов прекрасно использовал свободное пространство в центре города и при небольших затратах преобразил внешность двух заурядных старых «коробок». И вот однажды, когда строители сняли леса, перед калужанами неожиданно предстало новое сооружение.

На конкурсе, организованном Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, В. А. Попову недавно была присуждена почетная грамота.

Еще одну стройку в Калуге жюри конкурса удостоило поощрения: двухэтажное здание детского сада, принадлежащее комбинату синтетических душистых веществ. Это скромное здание не претендует ни на внешний эффект, ни на богатое убранство помещения. Именно за строгую простоту, за ясность формы и внутренние удобства автор проекта И. Г. Буров получил почетную грамоту. Приятное впечатление производит парадный вход здания: скульптурные украшения сразу же подчеркивают, что здесь находится детское учреждение.

Во всем — от парадной лестницы до детской спаленки — ощущается забота о малышах.

С. КАНЕВСКИЙ

Дневник Огонька

Спортивные суда

Утром в кабинете директора Ленинградской судостроительной верфи ВЦСПС раздался прерывистый телефонный сигнал. Звонили с междугородной станции.

— Вас вызывает Одесса,— послышался голос телефонистки.

Добровольное спортивное общество «Водник» интересовалось изготовлением новых судов международного класса для одесских спортсменов.

Немного погодя позвонили из Москвы, пришли телеграммы из Таллина, Мурманска, Ростова-на-Дону.

Водный спорт — любимое занятие советской молодежи. И хотя верфь аккуратно выполняет заказы, спортсмены проявляют нетерпение: в дни подготовки к летним состязаниям они спешат пополнить свои флотилии новыми судами.

На Петровской косе, врезающейся в просторы Финского залива и омываемой Малой Невой и Малой Невкой, где раскинулись цехи верфи, высятся мачты яхт, у причалов рядами выстроились моторные катеры. Много судов и на стапелях верфи; одни только что заложены, другие готовы к спуску на воду.

Слесари В. Александров и Г. Проворов в последний раз осматривают механизмы быстроходного катера. Еще несколько часов — и он, рассекая волны, помчится в первый, пробный рейс.

Несколько лет совместного труда сдружили молодых стахановцев. Этот катер — шестидесятый по счету, смонтированный ими.

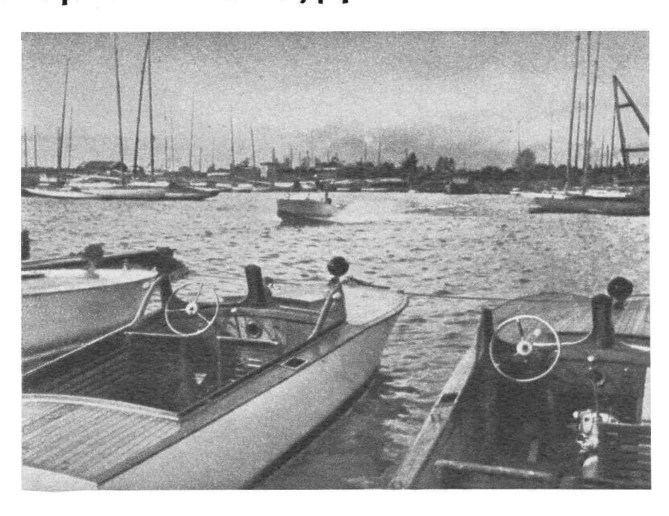
Верфь на Петровской косе возникла из небольшой мастерской спортивного клуба. Теперь это — хорошо оснащенное предприятие, которое выпускает не только катеры, но и различного класса швертботы, клинкеры, байдарки, шлюпки.

На стапелях заложена первая партия новых швертботов класса «М», обладающих высокими ходовыми качествами.

В Москву, Одессу, Ригу, Таллин отправлены яхты международного класса типа «Дракон» и «Звездный». Это новинка. До сих пор подобные суда здесь не строились.

В цехе стоит академическое судно-одиночка «Скиф». Его ширина — всего 25 сантиметров, а длина — 8 метров. Одно из конструктивных новшеств заключается в том, что обшивка сделана из... бумаги, пропитанной специальным водонепроницаемым составом. Эту байдарку может легко поднять один человек: она весит 16 килограммов. Тут же мы видим байдарку «Скиф», обшитую фанерой. Это пока первые опытные образцы.

В нынешнем году верфь на Петровской косе выпустит 900 спортивных судов.



У причалов судостроительной верфи ВЦСПС.
Фото Р. Мазелева и Л. Зиверта.

К. КОНСТАНТИНОВ

Московская целебная вода

В небольшую поликлинику на окраине Москвы приезжают не только жители столицы, но и больные из других городов. Все они с благодарностью отзываются о замечательных целебных свойствах воды, добываемой из московских недр.

— Наш источник неподалеку от поликлиники,— говорит доктор М. Н. Гусарова и приглашает пройти за несколько кварталов.

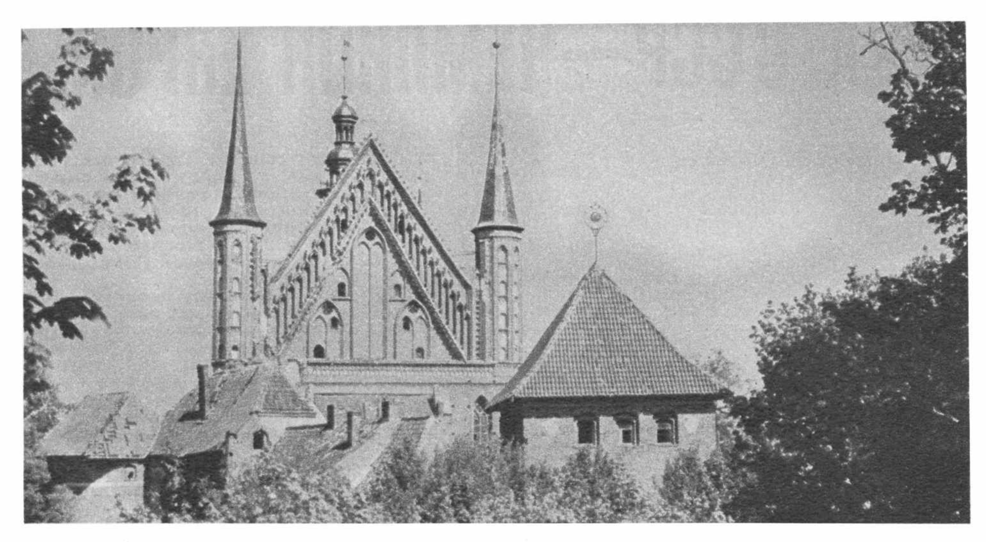
На улице Талалихина, неподалеку от Абельмановской заставы, в одном из дворов высится буровая вышка. Рядом с ней в небольшом домике работают мощные насосы. Целебная минеральная вода откачивается с глубины более километра и по специальным трубам подается в поликлинику.

Целебный источник был открыт еще в довоенные годы геологами, производившими буровые работы. Как показал анализ, вода, содержащаяся в московских недрах, относится к типу крепких рассольных бромных хлоридно-натриевых вод с общей минерализацией 260 граммов в литре.

С 1946 года доктор М. Н. Гусарова использует московскую целебную воду для лечения болезней периферической нервной системы. Доклад М. Н. Гусаровой в Центральном институте курортологии вызвал большой интерес специалистов. За минувшие годы целебные ванны приняло около 6 тысяч человек. В большинстве случаев больные излечились от своих недугов.

По данным геологов, целебная вода, обнаруженная в Ждановском районе, находится в огромных количествах в недрах Москвы и Подмосковья и может быть извлечена на поверхность во многих местах.

С. МЕСЯЦЕВ



Фромборк. В этой башне (три окна справа) жил и работал Николай Коперник.

ГОД КОПЕРНИКА В ПОЛЬШЕ

Война помешала широко отметить исполнившуюся в 1943 году четырехсотую годовщину со дня смерти гениального польского ученого Николая Коперника, создавшего новую теорию мироздания, теорию, с которой, по словам Энгельса, «начинает свое летоисчисление освобождение естествознания от теологии...»

По призыву Всемирного Совета Мира прогрессивное человечество чествует память великого астронома в этом году. В Польской Народной Республике нынешний год провозглашен годом Коперника: 19 февраля исполнилось 480 лет со дня его рождения, а 24 мая — 410 лет со дня смерти.

Торжественное открытие года Коперника состоялось 24 мая в древнем Фромборке. Здесь великий польский ученый провел большую часть своей жизни. Здесь он и погребен под сводами кафедрального собора, каноником которого был вплоть до смерти.

Во Фромборке сохранился древний собор. Народное правительство еще в 1948 году устроило здесь музей Коперника, который в этом году был расширен и пополнен новыми ценными экспонатами. Реставрирована башня, в которой жил Николай Коперник. С открытого балкона этой башни он вел наблюдения за небесными светилами. Здесь он писал свой труд «Об обращении небесных сфер». И здесь же Коперник умер, окруженный друзьями, принесшими ему только что вышедший из печати этот труд.

В день торжеств Фромборк посетили члены Государственного совета, члены правительства во главе с председателем совета министров Болеславом Берутом, представители политических партий, общественных организаций, деятели науки. Горячо откликнулось на торжество население Вармии и Мазур.

Коперниковские дни были отмечены в Торуне, Кракове, Ольштыне и других городах, связанных с жизнью и деятельностью великого ученого, а также в столице Польши — Варшаве.

Польский народ заботливо оберегает все, что связано с именем великого астронома. Заботливо охраняется в Торуне дом № 17 по улице Коперника, в котором он родился и провел юные годы. Именем Коперника здесь назван университет, созданный народным правительством в первый год своего прихода к власти. В музее, в городской и университетской библиотеках хранятся книги и географические атласы, которыми пользовался Николай Коперник, первое издание знаменитого труда «Об обращении небесных сфер» — экземпляр книги, которую, по преданию, на смертном одре держал в своих руках ученый.

Древний Ягеллонский университет в Кракове... Здесь Коперник получил первые научные сведения о строении вселенной. 24 мая 1953 года тут состоялся съезд Польского общества астрономов-любителей, в котором приняло участие около тысячи человек.

Хорошо сохранился и замок в Ольштыне, где Коперник прожил несколько лет, управляя имениями епископата. Что особенно дорого здесь,— это сохранившиеся фрагменты солнечных часов, сделанных собственноручно Коперником. Стоит и башня, из которой астроном руководил отражением атак крестоносцев. В эти годы Коперник проявил себя не только как астроном, но и как патриот-военачальник, медик — врачеватель бедных, экономист, заботившийся о том, чтобы в стране была «здоровая стабилизированная валюта».

Коперник — гордость и слава новой, свободной Польши. Стремления и усилия ее направлены ныне на построение социализма — строя, который обеспечивает расцвет науки и всех творческих сил народа.

Мих. ЯРОВОЙ

Варшава.



24 мая музей Николая Коперника во Фромборке посетил Болеслав Берут.

Славная страница истории

К 250-летию восстания Ракоци в Венгрии

Много горя изведал венгерский народ на протяжении своей истории. На смену турецкому игу, длившемуся полтора столетия, пришло владычество Габсбургов. Венгрия стала австрийской колонией. «Австрийские войска дочиста ограбили страну»,— свидетельствует один из современников.

В песне, дошедшей до нас, горестно и гневно рассказывает народ о своих страданиях:

Корма нет, и лошадь
в клячу превратилась,
На седле давно уж стерлись
украшенья.
А на дом посмотришь —
крыша провалилась —
Всюду запустенье, всюду
разрушенье.

Хлеб доеден, мяса ж вовсе
не бывало, —
И в желудке пусто,
и в кармане пусто:
Денег от работы достается
мало,
А сказать по правде —
их совсем не стало.

Перевод М. Исаковского.



Ференц Ракоци.

В стране нарастало недовольство — предвестник крестьянского восстания и национально - освободительной войны.

В 1703 году Габсбурги стали насильно угонять венгерских крепостных парней в австрийскую солдатчину. И тут первыми взялись за оружие крепостные с верховьев Тиссы. Во главе повстанцев стал Тамаш Эссе. Он отправил послов к Ференцу Ракоци, проживавшему тогда в польской эмиграции, с тем, чтобы Ракоци принял на себя руководство освободительной борьбой.

Ференц Ракоци (1676 — 1735) был отпрыском семьи крупных феодалов, из которой вышел ряд бойцов за национальную независимость Венгрии. Габсбурги еще ребенком увезли Ференца в Австрию и отдали на воспитание иезуитам. «Святые» отцы приложили все усилия к тому, чтобы мальчик забыл родной язык и родной народ. Но труды их оказались напрасными: Ракоци сохранил верность своей отчизне. Вернувшись в Венгрию, он начал подготавливать антигабсбургское восстание. В 1701 году его снова увезли в Австрию, на этот раз — в тюрьму. Чтоб избегнуть плахи, Ракоци бежал в Польшу.

Двести пятьдесят лет тому назад, 14 июня 1703 года, Ференц Ракоци встретился на границе Венгрии с крестьянским вожаком Тамашем Эссе и возглавил отряды восставших крестьян. В своем воззвании Ракоци провозгласил: «Каждый истинный мадьяр... должен взяться за оружие... выступить против державы, творящей неслыханный произвол и увозящей наш хлеб... За нашу родину, нацию... свободу... за искоренение нищеты бедняков».

Тысячи венгерских, украинских, словацких и румынских крепостных, вооруженных саблями, вилами, косами, стали под стяг Ракоци. На первых порах дворянство растерялось. «Оно, — писал Ракоци в своих «Мемуарах»,— в равной мере боялось и народа и Габсбургов. Но когда вооруженный народ заполнил всю Венгрию, то и дворянство пришло в мой стан...»

Борьба ширилась. Куруцы (так назывались повстанцы) уже осенью 1703 года стояли под стенами Буды и Пешта, и к 1704 году из Венгрии были изгнаны все габсбургские наемники. Повсюду звучала боевая песня:

Мы покажем иноземцам,
Мы докажем им в бою
Силу нашего народа,
Честь солдатскую свою.

Перевод М. Исаковского.

Венгрия была освобождена от чужеземных захватчиков, но крестьянство, составлявшее костяк освободительной армии, попрежнему томилось в рабстве. Ракоци стремился создать постоянную национальную армию, пытался сплотить население страны; его политика свидетельствовала о стремлении переустроить Венгрию на новых началах. И все-таки уже в 1704 году под давлением дворянства он стал карать крестьян, отказывавшихся от выполнения феодальных повинностей. Между крестьянством и дворянством образовывалась пропасть, а сам Ракоци оказался между двух огней.

Крупные венгерские феодалы стали на сторону Габсбургов. В 1708 году они заключили с династией договор, выговорив себе земли повстанцев, которые будут конфискованы после подавления восстания Ракоци.

Ракоци обратился за помощью к Петру I, и русский царь послал ему в подмогу артиллерию и артиллеристов. В 1711 году после переговоров с русским послом Долгоруким Ракоци решил лично встретиться с Петром, поручив руководство армией одному из своих генералов. Генерал, воспользовавшись отсутствием Ракоци, предательски сложил оружие. Национально - освободительная борьба потерпела поражение.

Освободительная борьба Ференца Ракоци и Тамаша Эссе — одна из ярких глав венгерской истории.

«Цели, за которые тщетно бились куруцы Ракоци, гонведы Кошута, красноармейцы революции 1919 года, история сделала теперь достижимыми», — сказал Матиас Ракоши.

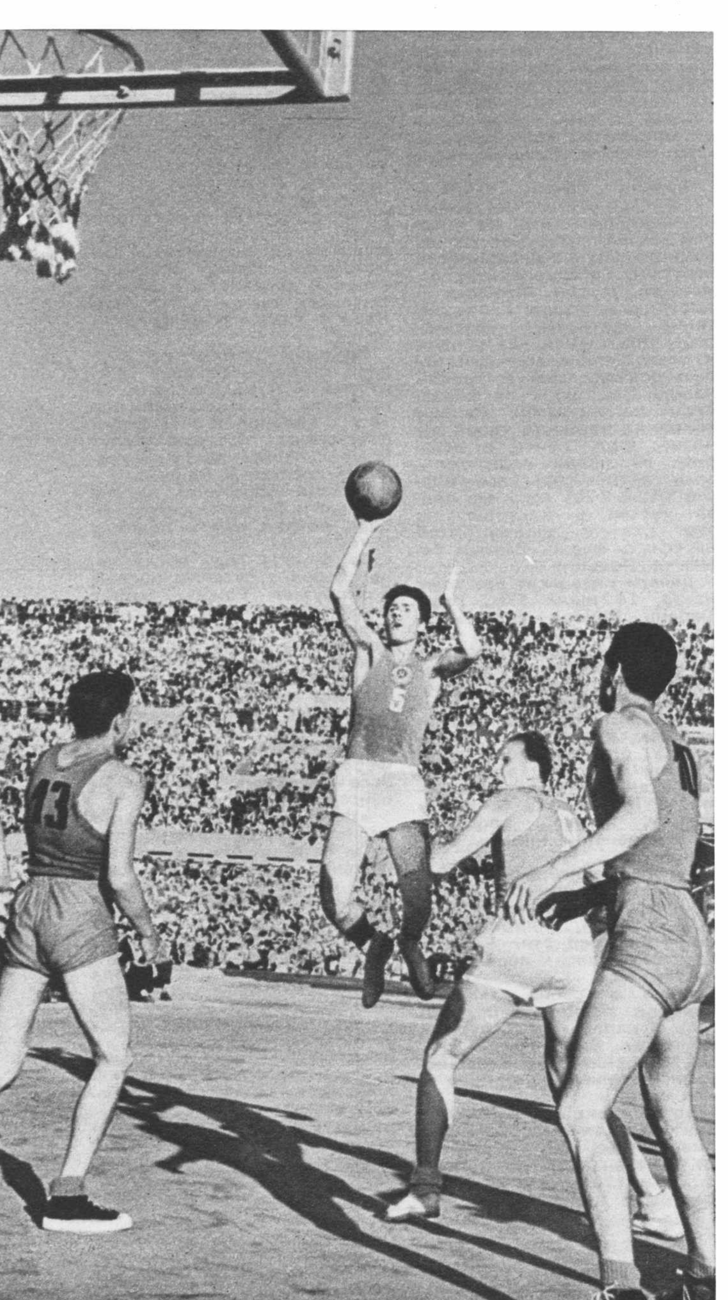
В нынешнем году венгерский народ отмечает 250-летнюю годовщину с начала национально-освободительной борьбы, возглавленной Ференцем Ракоци. Вот уже 9 лет венгерский народ в прочном единении со знаменосцем прогрессивного человечества Советским Союзом осуществляет мечту куруцев Ракоци, гонведов Кошута, красноармейцев 1919 года: строит новую, свободную, независимую, Венгрию.

Анатоль ГИДАШ

БАСКЕТБОЛЬНАЯ КОМАНДА СССР—ЧЕМПИОН ЕВРОПЫ



Команда Советского Союза — чемпион Европы по баскетболу. О. Коркия (первый за знаменем), А. Лауретенас, А. Конев, Г. Силиньш, Ю. Озеров, И. Куллам, Х. Круус, С. Бутаутас, В. Власов, Л. Решетников, Ю. Лагунавичус, К. Петкявичус, А. Моисеев, А. Алачачян.



Все иностранные гости: спортсмены шестнадцати стран, тренеры, судьи,— съехавшиеся в Москву на первенство Европы по баскетболу, отмечали удивительную объективность московских зрителей, их глубокое понимание игры. Конечно,— что там скрывать — все мы желали победы своей, советской команде, но это пристрастие отнюдь не ослепляло людей, заполнявших трибуны московского стадиона «Динамо». Какие бы команды ни выходили на площадку, если они играли красиво, дружно, напористо,— их порыв поддерживали аплодисментами. Это дружеское отношение зрителей к спортсменам восторгало бельгийцев и египтян, французов и итальянцев, шведов и финнов... И чувствуя симпатии огромной массы простых советских людей, они делали все возможное, чтобы играть лучше. Нам кажется, что московские болельщики внесли немалую лепту в успех европейского чемпионата: они способствовали высокому уровню многих встреч.

И когда 3 июня, за день до окончания первенства, всем стало ясно, что команда СССР, не проигравшая ни одной встречи, снова, в третий раз, получит золотые медали чемпиона Европы, интерес москвичей к происходящей борьбе не только не уменьшился, а еще больше возрос.

Кто займет второе и третье места? Вот что больше всего волновало теперь зрителей. Ко 2 июня три команды — Венгрии, Франции и Израиля — имели наибольшие шансы занять призовые места. После трех поражений, принесших одинаково большое огорчение как самой команде, так и ее московским болельщикам, команда Чехословакии 31 мая добилась первой победы — над французами, и теперь все ждали, какие коррективы внесет эта сильная команда в положение претендентов на призы. Вот чем объяснялся особый интерес к двум встречам этого дня: Израиль — Франция и Чехословакия — Венгрия.

Трудно, очень трудно команде, накануне потерпевшей второе поражение, играть с противником, идущим без поражений. Но команда Франции показала себя волевым, дружным коллективом. Вся первая половина ее игры с командой государства Израиль прошла в упорном единоборстве и закончилась с преимуществом французов всего в четыре очка. Выйдя на площадку после перерыва, французы сразу начали бурно атаковать и закончили встречу победой.

Когда на площадке появились рослые, как на подбор, игроки Чехословакии и Венгрии, на трибунах вспыхнули горячие споры: кто победит? Голоса разделились: слишком равноценны силы этих двух команд. У чехов отличный «боевой список», а венгры в Москве неожиданно стали грозой для всех «ветеранов».

— Победит, конечно, сильнейший,— заключая спор, глубокомысленно заметил один из болельщиков.— Одно могу предсказать: разрыв в очках будет минимальный.

Так оно и было. Игра закончилась со счетом 44 : 39 в пользу Чехословакии. Команда Венгрии проиграла единственно из-за того, что на этот раз плохо реализовала штрафные броски.

На следующий день, 3 июня, когда команда СССР, буквально разгромив команду государства Израиль (счет был 75 : 25), окончательно закрепила за собой победу в чемпионате, судьба второго места стала еще более неясной. Венгры проиграли французам. Закончив первую половину с разрывом всего в четыре очка в пользу команды Франции, венгерские баскетболисты в начале второй половины выравняли счет. Казалось, что сейчас они перейдут в наступление, но нет: все меньше удачных прорывов, все меньше удачных бросков — и вот еще одно поражение, поражение тем более серьезное, что чехи, выиграв у Италии, имеют теперь такое же количество очков (9).

Таким образом, перед последним, решающим днем первенства Венгрия выпустила вперед Францию (10 очков). Казалось, что французам обеспечено второе место: ведь им осталось сыграть с командой Италии, выступающей гораздо слабее их.

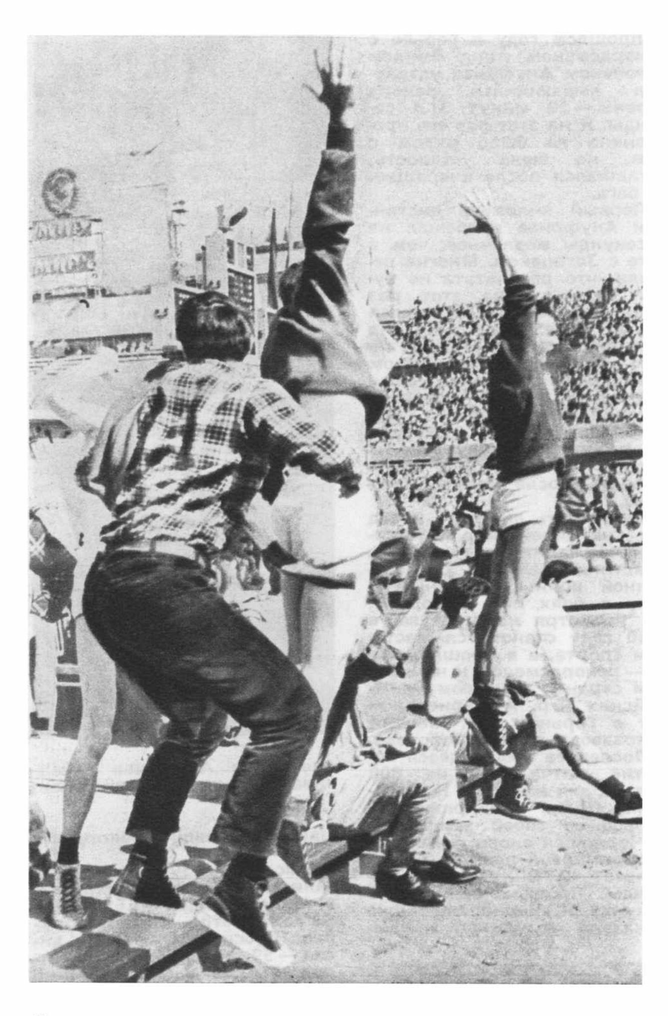
Казалось... Но распространенное изречение футбольных болельщиков: «Мяч круглый» — применимо и для баскетбола. Мяч все чаще попадает в корзину французов. Последние минуты... Французы теряют свое преимущество, и к концу игры счет 48 : 48. По правилам полагаются дополнительные пять минут. И эти пять минут принесли победу Италии.

Горячей овацией встретили трибуны неожиданную, но заслуженную победу итальянцев.

← Гуннар Силиньш бьет по кольцу.

Генеральный секретарь Международной федерации баскетбола г-н В. Джонс поздравляет с победой тренера команды СССР К. Травина.





Так встречают запасные игроки Италии победу своей команды над баскетболистами Франции.

Окрыленной начала команда Чехословакии свою игру с египтянами, с каждой минутой увеличивая счет: победа давала шансы на третье место, если венгры в предстоящей им встрече с командой государства Израиль выиграют с небольшим разрывом в очках. Чехи выиграли с результатом 87 : 33.

Не менее интересные события разыгрывались в это время и под северной трибуной стадиона. Там, у стола, в своей комнате, собралась вся венгерская команда с карандашами в руках. Спортсмены решали несложную, но очень важную арифметическую задачу: с каким разрывом в очках они должны выиграть у команды государства Израиль, чтобы обогнать французов и чехов и занять второе, почетное место?

Подсчет показывал, что к финальному свистку им нужно иметь на 37 очков больше, чем у их противников. На бумаге эта задача была легко решена, но ее надо было решить и на баскетбольной площадке. Удастся ли?..

К тому моменту, когда команды Венгрии и государства Израиль выстроились перед трибунами, болельщики тоже произвели этот подсчет, и цифра «37» перекатывалась по рядам. Удастся ли? Этот вопрос волнует всех. Со щита не сводят глаз игроки Франции, чешские баскетболисты. Весь огромный стадион в эти минуты вместе с венграми. А те с первых же минут игры устремляются в атаку. Бросок следует за броском. Мгновенно меняясь, электрические цифры — 2... 4... 6... 8... 10 — вспыхивают на щите. Команда Израиля пытается сократить разрыв, но к концу первой половины игры счет 43 : 14.

Командой Венгрии отвоевано 29 очков, но впереди еще двадцать минут игры. Удастся ли завершить так успешно начатое дело? Венграм это блестяще удалось. План перевыполнен: результат встречи 66 : 20, девять очков даже лишних. И когда истекла последняя минута игры, когда наконец определились призеры первенства, трибуны стоя приветствовали замечательную победу молодой команды Венгрии. А сами победители, не в силах сдержать своих чувств, расцеловали друг друга и, бросившись к своему тренеру Яношу Падеру, стали качать его.

Мы попросили Яноша Падера рассказать нам о его команде и о своих московских впечатлениях.

— Я не ошибусь, если начну свой рассказ с Пала Богара, — сказал он. — Это капитан нашей команды, инженер по профессии. Очень скромный, очень усердный спортсмен. В прошлом году он окончил университет на «отлично».

Я очень рад, что наша команда заняла второе место. Еще сегодня утром мы были немного расстроены. Мы хорошо начали соревнования, но после проигрыша чешским и французским баскетболистам не то чтобы потеряли веру в победу, но както чувствовали себя усталыми. Мы понимали, что от этого последнего матча, который состоялся сегодня, зависит многое. Испытывался моральный дух команды: наша воля, наша спаянность. И вот все нас поздравляют. Успех команды особенно важен потому, что это лучший результат в истории венгерского баскетбола.

Вся наша команда состоит из молодых игроков. Тибор Мезефи считается у нас стариком. А ему всего 26 лет.

— Чему научились ваши игроки во время соревнований?

— Уже на Олимпийских играх в Хельсинки мы встречались с советской командой и тогда многому научились. После каждой встречи с советскими баскетболистами мы становились опытнее и сильнее. Мы сделали для себя вывод: надо учиться у советских спортсменов.

Я в первый раз приехал в Москву,— продолжал Янош Падер,— и, надо сказать, нигде не видел такого огромного количества зрителей, так прекрасно разбирающихся в тонкостях баскетбола.

Мы чувствуем, нашу команду москвичи полюбили. Надо ли вам говорить, что венгры с любовью и глубокой благодарностью относятся к советскому народу. Мы укрепляли и укрепляем дружбу с Советским Союзом, а здесь, на стадионе, мы эту дружбу особенно ощутили.

Никогда наша команда не получала столько сердечных и добрых приветствий.

Я бы хотел, чтобы в конце нашего интервью вы написали, что венгерские баскетболисты радуются успеху советской команды. Она заслужила этот успех, и мы искренне ее поздравляем.



Венгерские спортсмены после победы над командой государства Израиль качают своего тренера.

⋆ ⋆ ⋆

В 8 часов вечера команды — участницы первенства — выстроились перед западной трибуной стадиона. На правом фланге стояли победители VIII чемпионата Европы по баскетболу — советские спортсмены. Им вручается первый приз: кубок, золотые медали и дипломы.

Десять встреч — десять побед! Каждый из четырнадцати игроков команды внес свой вклад в победу, но особенно удачно выступали в этих ответственных состязаниях Отар Коркия и Гуннар Силиньш, принесшие своей команде каждый свыше ста очков. Отлично показали себя Ильмар Куллам, Степас Бутаутас, Анатолий Конев. Они все и составляли первую боевую пятерку.

Вслед за советской командой второй приз — кубок, серебряные медали и дипломы — получают баскетболисты Венгрии. Третье призовое место завоевала команда Франции. Четвертое место заняли баскетболисты Чехословакии.

В. ВИКТОРОВ,
О. ШМЕЛЕВ

Фото Л. Доренского (ТАСС), А. Бурдукова, А. Бочинина.



Команда Франции, занявшая третье место.



Ильмар Куллам, Юрий Озеров и Гуннар Силиньш читают диплом.

ПЕРВАЯ ПРОБА СИЛ

Матч трех городов по легкой атлетике



Владимир Кузнецов устанавливает новый всесоюзный рекорд.

Сильнейшие легкоатлеты Киева и Ленинграда 6 и 7 июня выступили на московском стадионе «Динамо», соревнуясь со столичными бегунами, прыгунами и метателями. Традиционный матч трех городов — одно из крупнейших состязаний сезона. В каждом виде легкой атлетики два лучших спортсмена защищали честь своего города. Уже прошли забеги на сто метров, кончили соревноваться метательницы диска, прыгуны в длину, когда на зеленое поле вышли шесть сильнейших метателей копья. Перед ними на другом конце поля виднеется красный флажок — заветная цель каждого из них, рекорд страны! Участник этих соревнований киевлянин Виктор Цибуленко в 1950 году метнул копье на 73 метра 37 сантиметров.

После первой попытки лучший результат у ленинградца А. Горшкова — 69 метров 58 сантиметров. Но вот с копьем в руке выходит на старт Владимир Кузнецов, 23-летний ленинградец. Длинный стремительный разбег, копье отведено далеко назад...

Среди копьеметателей принято говорить: метатель копья похож на бомбу, которая долго шипит, но быстро взрывается. И вот зрители увидели этот «взрыв». Длинный разбег завершается мгновенным рывком. Копье в воздухе. Множество глаз следит за его быстрым полетом. И вдруг все увидели, как оно вонзилось в землю далеко за красным флажком. Новый рекорд! И пока товарищи горячо поздравляют молодого атлета, идет процесс официальной регистрации рекорда. Судьи тянут по полю стальную рулетку. Копье взвешивается; его вес 800 граммов, а длина 2 метра 60 сантиметров, как это и установлено правилами. И вот диктор торжественно сообщает: Владимир Кузнецов метнул копье на 76 метров 20 сантиметров. Это не только всесоюзный рекорд, но и лучшее достижение в мире за все послевоенные годы. Он почти на 2,5 метра превышает результат победителя Олимпийских игр в Хельсинки Кеннета Янга (США). До мирового рекорда осталось два с половиной метра.

В тот момент, когда стадион горячими аплодисментами встречал сообщение о рекорде Кузнецова, был дан старт забегу на 5 тысяч метров. В числе его участников мы увидели Александра Ануфриева, известного горьковского бегуна, выступавшего вне конкурса. В прошлом году в борьбе с Ануфриевым москвич Владимир Казанцев установил рекорд страны — 14 минут 8,8 секунды. Сейчас Казанцева нет среди участников, но вскоре после старта становится ясным, что заочная борьба между ними продолжается. Темп исключительно высок. Диктор объявляет, что первая тысяча метров пройдена Ануфриевым быстрее Казанцева на 3 секунды. 3 тысячи метров — за 8 минут 14 секунд! На 4,4 секунды лучше рекорда Казанцева в беге на 3 тысячи метров! График бега Ануфриева ясен всем сидящим на трибуне. Его цель — рекорд. Он бежит так, как бежал в 1944 году рекордсмен мира Гундар Хэгг, единственный человек, которому удалось пробежать 5 тысяч метров меньше чем за 14 минут.

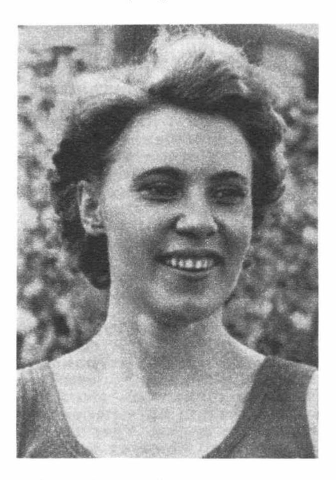
Бег Ануфриева поражает своей легкостью и силой. Его движения стремительны, но экономны. Лишь молодой ленинградский бегун В. Куц отважился принять этот темп, однако уже после второго километра Ануфриев борется лишь с двумя противниками — пространством и временем. Но сколько у него союзников! Тысячи людей на трибунах возгласами и аплодисментами поддерживают его усилия. Последний, решающий километр, последнее напряжение. Всем ясно: всесоюзный рекорд побит! Но удастся ли бегуну побить рекорд Хэгга? Финишная прямая. Ануфриев обгоняет на целый круг отставших от него бегунов. Они тоже желают ему успеха. Один из них усиливает темп и, обернувшись, машет ему рукой. Ануфриев рвет финишную ленту. Стадион замирает, все ждут сообщения диктора. Судьи через лупу рассматривают циферблаты секундомеров. Но вот один из них идет к диктору, и через секунду все узнают: новый рекорд СССР — 13 минут 58,8 секунды. Ануфриев — второй человек в мире, которому удалось пробежать 5 тысяч метров менее чем за 14 минут. Теперь всего 0,6 секунды отделяют его от мирового рекорда. А ведь спортивный сезон еще впереди!

На следующий день мы снова увидели замечательного советского бегуна на старте. На этот раз он участвовал в беге на 10 тысяч метров. В прошлом году в борьбе с рекордсменом мира Эмилем Затопеком Ануфриев установил выдающийся рекорд страны — 29 минут 31,4 секунды. И на этот раз его противника не было рядом с ним, но была усталость, оставшаяся после вчерашнего бега.

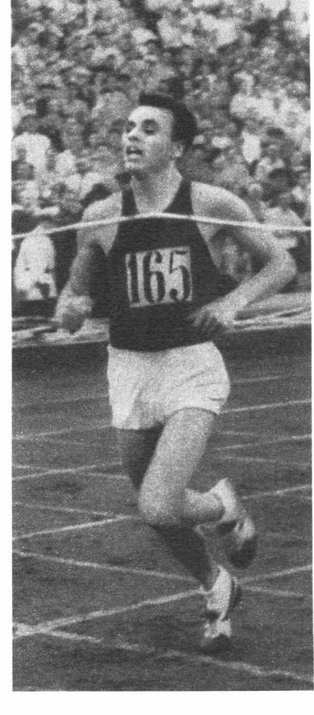
Первый километр дистанции Ануфриев пробежал на 4 секунды медленнее, чем в беге с Затопеком. Многие решили, что результата не будет. Однако и на этот раз Александр Ануфриев остался верен себе. Он выполнял свой план: пробежать дистанцию в более равномерном темпе и за счет этого вновь улучшить рекорд страны. Ануфриев заканчивает бег, установив новый рекорд — 29 минут 23,2 секунды. Теперь он занял второе место в мире после Эмиля Затопека.

Лишь пять лет тому назад 22-летний Александр Ануфриев начал заниматься спортом. Участник Великой Отечественной войны, раненный в ногу в боях под Выборгом, он, несмотря на это, уже в 1950 году становится мастером спорта, а в прошлом году — рекордсменом и чемпионом страны, призером Олимпийских игр. Ануфриев живет в Горьком. Он рабочий Автозавода имени Молотова.

Последнее выдающееся событие матча — бег на 800 метров для женщин. Н. Отколенко (Киев) в напряженной борьбе со своей землячкой Н. Чернощек вновь улучшила свой мировой рекорд. Ее результат — 2 минуты 8,2 секунды. Проигравшая ей 0,1 секунду Н. Чернощек также показала результат, превышающий прежний рекорд мира.



Нина Отколенко после установления мирового рекорда на 800 метров.



Александр Ануфриев заканчивает бег на 5 тысяч метров.

Высокие результаты показали Отто Григалка (Москва) в толкании ядра — 16 метров 54 сантиметра, Нина Пономарева (Москва) в метании диска — 52 метра 15 сантиметров, Галина Зыбина (Ленинград) в толкании ядра — 15 метров 08 сантиметров, Петр Денисенко (Киев) в прыжках с шестом — 4 метра 30 сантиметров и молодой ленинградский прыгун в высоту Борис Столяров — 194 сантиметра.

Итоги матча говорят о том, что, несмотря на отдельные высокие результаты, общий уровень подготовки легкоатлетов остается еще недостаточно высоким. Так, из 174 результатов, показанных в различных видах легкой атлетики участниками матча, лишь 6 соответствуют норме мастера спорта и 88 — норме первого разряда.

Команда Москвы без особого труда заняла первое место, опередив команды Ленинграда и Киева.

Мастер спорта Г. КОРОБКОВ

Фото А. Бочинина и М. Баташова.

Начинается многодневная велогонка

18 июня в Москве дается старт большой, многодневной велосипедной гонке по маршруту Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва.

В послевоенные годы велосипедные соревнования такого масштаба в нашей стране проводятся впервые. Длина дистанции равна примерно 2 500 километрам.

История многодневных велосипедных гонок в советские годы начинается с 1937 года, когда была организована гонка, дистанция которой превышала 2 тысячи километров. Это состязание было известно под названием первого советского велотура. Из Москвы гонщики следовали через Тулу и Орел на Киев, затем через Чернигов и Гомель на Минск, а оттуда через Смоленск и Юхнов к Москве.

Спустя год состоялся второй советский велотур. Дистанция его в сравнении с 1937 годом увеличилась. В Москве гонщики стартовали на Киев, далее трасса шла на Минск и Ленинград, и по шоссе Ленинград — Москва участники возвращались в столицу. Протяженность всего маршрута достигала 3 100 километров.

В советских велотурах выросла группа замечательных шоссейников и кроссменов: Сергей Вершинин, Владимир Букреев, Федор Тарачков, Борис Большаков, Владимир Яловой, Николай Тарханов и другие.

С 1938 года многодневные гонки у нас не проводились. Эти интересные соревнования возобновились только два года назад, когда состоялась велосипедная гонка Москва — Харьков — Москва.

Многодневные соревнования велосипедистов на дистанцию 1 400 километров отличались от довоенных велотуров. Первое и главное отличие — это дорога. Участники «харьковской» гонки шли по асфальтированному полотну автострады. Это позволило тяжелые трехслойные деревянные колеса заменить легчайшими дюралюминиевыми, а тяжелые шины-однотрубки — легкими шоссейными, вес которых не превышал 300 граммов. Это резко увеличило скорость прохождения дистанции.

Новые условия диктовали и новую тактику. Если в довоенных велотурах сильнейшие гонщики могли оторваться от основной группы на первом же плохом участке дороги, то на асфальте это сделать не так легко. Пришлось разнообразить тактику и действовать коллективно, всей командой.

В гонке 1951 года основная борьба за личное первенство и учрежденный журналом «Огонек» приз велась между армейцем В. Черновым и динамовцем П. Давидяном. Молодой, очень способный велосипедист Чернов, которого тренирует С. Вершинин, удачно сочетает в себе два качества: он выносливый стайер и обладает замечательным броском на финише. Это и помогло ему победить более опытного спортсмена Давидяна.

В командном зачете лучшее время было у велосипедистов ВВС.

Проводилась гонка Москва — Харьков — Москва и в прошлом году. На этот раз победу одержал представитель команды общества «Динамо» К. Паршайтис. Он завоевал и приз журнала «Огонек». Динамовцы первенствовали в командном зачете.

В предстоящей гонке велосипедистам-шоссейникам предстоит более серьезное испытание, чем в предыдущие годы. Дистанция гонки увеличилась на тысячу километров и кроме того усложнилась. На участке пути Харьков — Киев, например, есть множество затяжных и крутых подъемов. К тому же на трассе встретятся участки плохой дороги, на которых «паркетным» гонщикам, не умеющим ходить кроссовые дистанции, придется туго.

Наиболее сильной командой, на наш взгляд, нужно считать коллектив Центрального дома Советской Армии, имеющий в своем составе таких гонщиков, как В. Чернов, Е. Клевцов, Р. Чижиков, В. Крючков, В. Вершинин (младший брат победителя велотура 1937 года), Е. Немытов и другие.

Опасный конкурент армейцев — команда общества «Калев», представленная такими гонщиками, как Н. Матвеев, Р. Тамм, Х. Руубель.

В отличие от прошлых гонок велосипедисты профсоюзов в велотуре 1953 года выступят не объединенной командой, а в составе отдельных обществ.

Усиленно готовится к гонке и команда общества «Динамо» во главе с К. Паршайтисом и П. Давидяном.

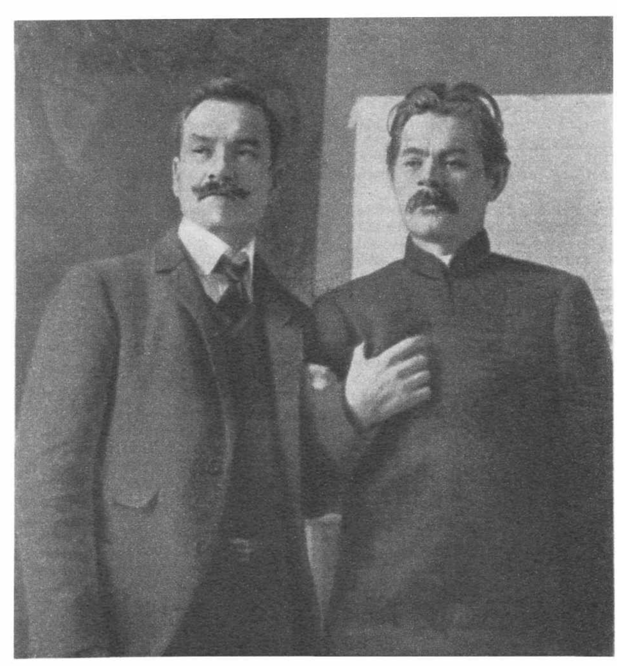
Предстоит упорная и интересная борьба.

Мастер спорта В. ДАРЕДЖИЕВ

Дневник ОГОНЬКА

РЕДКИЕ СНИМКИ А. М. ГОРЬКОГО

18 июня исполняется 17 лет со дня смерти великого советского писателя Алексея Максимовича Горького.
На этой странице мы публикуем редкие фотографии из фондов Музея А. М. Горького.



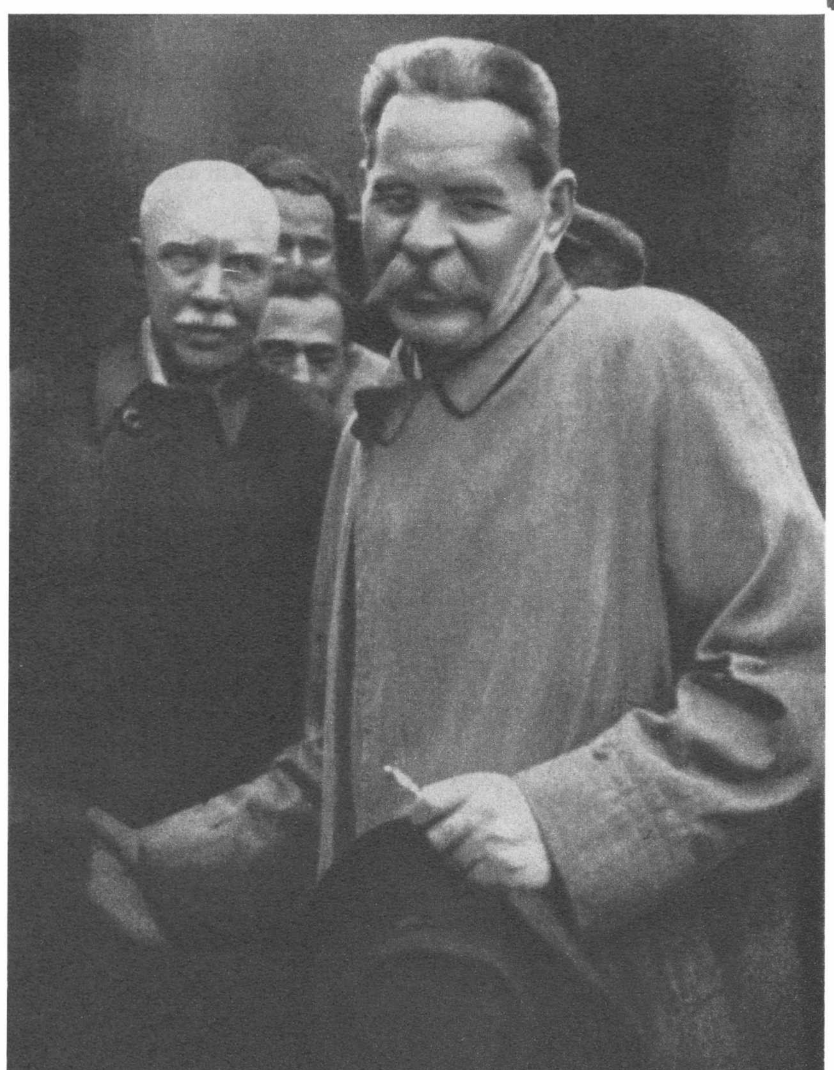
В самом начале 1906 года, вынужденный после подавления декабрьского вооруженного восстания покинуть Россию, Горький приехал в Финляндию, в Гельсингфорс. Прогрессивная общественность страны, в особенности передовая финская молодежь, устроила Горькому торжественную встречу.

К Алексею Максимовичу пришел и известный художник Аксель Галлен-Каллела (1865—1931). Свидетель этой встречи, писатель С. Г. Скиталец вспоминает, что растроганный Горький сказал: «...Я никогда не забуду Финляндию и ее народа, ее художников и счастливейших для меня дней, пережитых в Финляндии... Я никогда не забуду его, Акселя, прекрасного художника, пламенного, любящего свою родину и свободу!»

На снимке: **А. М. Горький и А. Галлен-Каллела в Гельсингфорсе.** 1906 год.



А. М. Горький с сыном Максимом.
Нижний-Новгород. 1902 год.





А. М. Горький с внучками. 1931 год.

←
Приезд А. М. Горького в СССР. А. М. Горький и А. С. Серафимович на Белорусско-Балтийском вокзале. 28 мая 1928 года.

ВЕЛИКИЙ КИТАЙСКИЙ ПОЭТ ЦЮЙ ЮАНЬ

Китайский народ по праву гордится прекрасной поэзией, создававшейся им на протяжении многих веков. Он чтит своих великих поэтов, и прежде всего Цюй Юаня. История не оставила нам имен творцов китайской поэзии, живших до Цюй Юаня. Мы знаем лишь «Шицзин» — книгу песен, большая часть которых представляет собою народные песни, продолжающие и поныне волновать своею искренностью и безыскусственностью. По преданию, эти песни разных времен были впервые собраны Конфуцием в V веке до нашей эры.

Цюй Юань жил в княжестве Чу в IV — III веках до нашей эры, в эпоху «борющихся царств» — время перехода Китая от рабовладельческого общества к феодальному. Это была пора роста торговли, развития городов, выделения новой силы — купечества. Усилилось влияние ученой бюрократии, охотно обслуживавшей княжеские дворы. Тогда, как и позже в разные времена китайской истории, особенно тяжелым было положение крестьян, обремененных налогами и поборами,— платили и князю, и «духам», и на всяческие жертвоприношения. Шла непрерывная борьба между классами угнетателей и угнетенных внутри княжеств, не прекращались и войны между отдельными княжествами за господствующее положение.

Цюй Юань был одним из представителей ученой бюрократии. Сведения о жизни поэта нам оставил великий китайский историк, автор «Исторических записей» Сыма Цянь, живший во II веке до нашей эры. Сыма Цянь рисует образ человека сильного духом, благородного по своим устремлениям, наделенного редкими талантами поэта и государственного деятеля. Цюй Юань принадлежал к тем, кто стремился к мирному сотрудничеству княжеств, и когда государство Цинь попыталось подчинить себе остальные, посеяв раздор среди них, он резко восстал против этого. Во всех его делах, как говорит историк и как свидетельствуют стихи поэта, им руководила мысль о благе народа.

Цюй Юань был приближенным князя Чу — Хуай-вана. «Во дворце он с князем обсуждал государственные дела, издавал приказы и указы, а за пределами дворца имел поручение по приему послов и беседам с приезжавшими удельными князьями»,— читаем мы у Сыма Цяня.



Последовательно проводимая Цюй Юанем политика мира и защиты интересов страны не находила сочувствия в княжеском окружении. Раздражала приближенных князя и яркая оригинальность поэта, его явное духовное превосходство над ними. Оклеветанного Цюй Юаня отрешили от должности и изгнали из пределов страны. Цюй Юань был свидетелем падения родного ему княжества Чу. Удрученный крушением надежд, лишенный возможности служить своему народу, измученный душевными страданиями, он покончил с собой, бросившись в реку Мило.

Каждый год пятого мая китайцы отмечают день смерти народного поэта.

Истоки творчества Цюй Юаня в «Шицзине» — песням, запечатлевших тяжкий труд, радости и печали простых людей. Центральное место в поэтическом наследии Цюй Юаня занимает созданная им в последние годы жизни поэма «Скорбь изгнанника». Она написана рукою зрелого мастера, в ней проявляется благородная душа большого человека, встревоженного бедствиями страны. «Я, печалясь о бедах народа, тяжко вздыхаю и слезы лью»,— говорит он в поэме. «Цюй Юань был патриотом, что ясно видно и из творчества его и из поступков»,— пишет Го Мо-жо в своем исследовании «Цюй Юань». Касаясь поэмы «Скорбь изгнанника», писатель Вэнь И-до в статье «Народный поэт Цюй Юань» отмечает, что успех «Скорби изгнанника» «есть успех не только художественный, но и политический...»

В лирических стихах Цюй Юаня звучит печаль о неудачно сложившейся жизни, но печаль эта не обезоруживает, а зовет к борьбе, к труду, в ней скрыта великая жизнеутверждающая сила народного устремления к правде и добру. Поэт принадлежал к правящей верхушке современного ему общества, но в своих заботах о благе страны он оказался выразителем интересов народа.

Мотивы заботы о людском счастье в стихах Цюй Юаня неразрывно связаны с китайскими преданиями, верованиями, с родной природой. Народность Цюй Юаня — и в новой форме его стихов. Го Мо-жо справедливо называет Цюй Юаня самым великим революционным поэтом, писавшим на байхуа, то есть на языке, служившем народу в повседневном общении.

Поэт силой своего гения открыл новый чудесный мир. Он показал, сколько поэзии в песнях, которые поет народ, как благозвучен язык, на котором он говорит, и сколько очарования заключено в окружающей природе. Стихи его воспитали много поколений китайских поэтов.

Не одно исследование посвящено Цюй Юаню, и много еще работы предстоит тем, кто возьмет на себя трудную и почетную задачу изучения жизни и творчества великого поэта, но и сейчас уже прекрасным памятником ему явилась историческая драма «Цюй Юань», написанная Го Мо-жо в 1942 году. Ежедневно ставилась эта пьеса, и ежедневно театр был заполнен людьми, переживавшими вместе с Цюй Юанем историю его борьбы и страданий.

Го Мо-жо воссоздал образ поэта-борца против кровавых распрей, человека, отдавшего весь свой дар народу. «Бежать? — говорит он в тюрьме.— Но я не в силах расстаться с княжеством Чу». Не в силах расстаться, потому что для него княжество Чу не князь и не свора придворных, а сам народ, для блага которого он трудился, у которого учился песням, чтобы затем подарить ему свои стихи. Таков Цюй Юань, прочитанный Го Мо-жо у Сыма Цяня и объясненный китайскому народу в те дни, когда на призыв Коммунистической партии Китая всемерно укреплять единый фронт во всенародной войне с Японией гоминдановское правительство отвечало преследованием коммунистов, предательством национальных интересов. В мрачные годы гоминдановской реакции Го Мо-жо поднял образ Цюй Юаня как знамя патриотизма.

И теперь, когда в Китае победил народ, в ряду великих борцов за грядущее счастье одним из первых стоит поэт, некогда убитый жестокой злобой ненавидевших его правителей. Стихи Цюй Юаня и память о нем в сердцах людей будут жить вечно!

Л. ЭЙДЛИН

ЦЮЙ ЮАНЬ

Гадание о жилье

Когда Цюй Юаня изгнали, он целых три года не мог снова свидеться с князем своим. Он истощал свой ум, все сердце выложил свое и все-таки был отстранен и затемнен клеветником. В сердце было совсем неспокойно, и в думе заботной — смущенье большое: не знал он, за кем и за чем идти. И направился он повидаться с Великим Гадателем — Чжэн Чжань-инем — и сказал ему так: «У меня на душе есть сомненья. Поэтому я бы хотел, чтобы Вы, уважаемый, их разрешили». Чжань-инь тогда торжественно и чинно раскладывать стал «цэ» — гадальную траву — и пыль отер с гадального щита священной черепахи «гуй». Сказал: «Почтеннейший, Вы что такое изволите мне приказать?» А Цюй Юань: «Мне быть ли искренне-искренним, честно-открытым, с простым и преданным сердцем? Иль мне не отойти в суету и заботы мирские, чтоб этим нужду прекратить? Заняться ли мне очисткой земли от травы, сорняков, чтобы после усердно пахать? Или мне обойти всех могущественных людей, чтобы имя составить себе? Мне стоит ли словом прямым говорить, без утайки, и за это опять подвергаться беде? Иль надо идти за пошлым богатством и чином, чтоб было приятно пожить кое-как? Мне стоит ли, право, высоко вздыматься и там пребывать, чтобы правду свою уберечь? Или мне говорить «да» и «так», льстя другим, «хи-хи-хи», «хе-хе-хе» и подслуживаться к влиятельным женам? Мне нужно ли честным быть, чистым, прямым и негнущимся мужем, чтобы вечно себя сохранять в чистоте? Иль нужно всегда извиваться, скользить и крутиться, как жир помады, как гладкий ремень, чтоб обвить, округлить все углы и уступы? И должен ли я горделиво, достойно держаться, словно скакун, пробегающий тысячу ли? Иль, быть может, мне лишь полоскаться, нырять в воде, словно утке какой-то? Идти за волною то вверх, то вниз, воровато себе свою жизнь сохраняя? Мне стоит ли соперничать в той же упряжке с известнейшим Цзи-рысаком? Иль мне лишь плестись по следам бесполезной, усталой клячи? Мне нужно ли будет в размахе сравниться с крыльями Желтой Цапли? Иль надо мне с курочкой-утицей вместе драться за пищу свою? Вот в этом всем — что принесет мне счастье и что грозит мне неудачей? Что надо отвергнуть, что надо принять мне? Весь мир пребывает в грязи и нечист. И крылья цикады тяжелыми стали, а тысячи «цзюней» (мера веса.— **Ред.**) легки. Желтого золота колокол брошен, разрушен совсем, котел же из глины громами гремит. Клеветник воспарил и занял все выси, а достойный ученый остался бесславным. О горе, о горе! Кому ведома честность моя, чистота?» Чжань-инь тут, стебли отложив гадальных трав, отказался от дела, сказал: «Говорят, что и «чи» может быть коротенек и «цунь» («чи» и «цунь» — меры длины. — **Ред.**) может быть длинноват. Бывает и с вещью, что нужного в ней не хватает, бывает и с мудрым, что он кое в чем не прозорлив. Бывает с гадальным расчетом, что он не доходит до дела. Бывает, что духи в иных вещах не прозрели. Вашу душу, почтенный, учесть, намеренья Ваши, почтеннейший, осуществить — не может об этом дознать совершенно ни щит черепахи, ни стебель травы...»

Перевод академика
В. М. АЛЕКСЕЕВА.

Смерть за родину

В руках наших Уские копья,
На нас носорожьи латы.

Столкнулись в бою колесницы,
И мы врукопашную бьемся.

Знамена закрыли солнце,
И враг надвигается тучей.

Летят отовсюду стрелы.
К победе воины рвутся.

Но враг в наш отряд вклинился,
Ряды наши смять он хочет.

В упряжке падает левый,
Конь правый мечом изранен.

Увязли в земле колеса,
Как в путах, коней четверка.

Вперед! И нефритовой палкой
Я бью в барабан звучащий.

Нахмурилось темное небо,
Разгневался Дух Великий.

Суровые воины пали.
Тела их лежат на поле.

Кто вышел, уже не вернется:
Ушедшие не приходят.

Померкла для них равнина,
Исчезла дорога в далях.

Они не расстались с мечами,
Не бросили Циньских луков.

И пусть обезглавлено тело,—
Душа не хранит упрека.

Мужи настоящей отваги,
Высокой воинской чести!

Их — сильных и непреклонных —
Никто покорить не может.

Пусть умерло смертное тело,
Но дух остается вечным.

Отважные души павших
Уже навсегда герои.

Перевод Л. ЭЙДЛИНА.



КЛУБ В МОРЕ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Стоит этому судну показаться на горизонте, как среди рыбаков Каспия быстро разносится весть:

— Идет...

Люди, проводящие в море бо́льшую часть своей жизни, еще издали распознают силуэт парохода «Иосиф Сталин» среди тысяч корабельных силуэтов, возникающих над безбрежной водной равниной. Его не спутаешь ни с парусной реюшкой, ни с моторным сейнером, ни с транспортной рыбницей.

На просмоленных стойках, всю путину стоящих на якорях рядом со ставными неводами, на палубах пловучих заводов — везде, где трудятся рыбаки, месяцами оторванные от берега, с нетерпением ждут этот пароход.

Расцвеченный флагами, украшенный плакатами и лозунгами, одним своим видом пароход создает праздничное настроение. Ветер доносит музыку из репродукторов, установленных на широкой палубе.

На промысловом рейде, у острова Тюлений или где-нибудь близ устья Урала,— всюду на борт судна являются делегации от ловецких бригад, колхозов, судовых команд.

В гости к рыбакам на этом пароходе прибывают ансамбль песни и пляски Каспийского бассейна, лекторий и пловучая библиотека. Здесь же — поликлиника и рентгеновский кабинет, баня и парикмахерская, кинопередвижка и магазин.

Каждый рейс парохода «Иосиф Сталин» можно уподобить дальнему плаванию. От ранней весны и до поздней осени культполитэкспедиция обслуживает путину.

Труженики моря любят свой пловучий клуб. Когда «Иосиф Сталин» приходит в район промысла, у бортов парохода тотчас швартуется множество рыбачьих судов. Как бы ни было холодно, рыбачки обязательно сменят стеганые ватники на цветастые кофты, резиновые сапоги на туфли с высокими каблуками. Мужчины, явившись на борт, первым делом разыскивают парикмахерскую. Юная мастерица Аня Мурадьянц стрижет и бреет, бреет и стрижет без устали.

— А ну, покрути пластиночку,— требуют гости от киномеханика В. Аймухамедова.

Радиола запущена, и кормовая

Показывается пароход «Иосиф Сталин». Рыбаки его приветствуют.

палуба превращается в танцевальную площадку. В салоне тем временем собираются шахматисты. В читальне нарасхват свежие газеты. Судовой библиотекарь Н. Н. Безверхова снабжает новыми книгами передвижки пловучих заводов.

Хоть рыбаки и не любители лечиться — народ все крепкий, закаленный,— но они иногда заходят и в кабинеты терапевта М. К. Чеботаревой и рентгенолога И. И. Медведевой. Кто собирается поехать в санаторий или в дом отдыха,— нужна курортная карта, у кого зубы разболелись, а кому следует посоветоваться с врачом.

На корме бойко торгует магазин. Здесь можно купить и обувь, и ткани, и готовое платье, и белье.

Впрочем, бытовыми и хозяйственными де-



Зрители довольны...







Ансамбль песни и пляски рыбаков
Каспийского бассейна дает концерт
в открытом море на промысле.



Начальник культполитэкспедиции Г. Н. Банцеков проводит с рыбаками беседу о международном положении



Парус реюшки служит экраном.

лами гости занимаются, так сказать, мимоходом. Все торопятся наверх. Там, на открытой эстраде, концерт.

Весенним солнцем позолочен
Каспий.
Сияют голубые небеса.
Простую песню о рыбацком
счастье
Поет попутный ветер парусам.

Многие певцы и певицы хора сами недавно рыбачили и, прежде чем стать профессиональными артистами, выступали в рабочих и колхозных клубах. Зрители тепло встречают исполнительницу частушек, потомственную рыбачку Анну Тренину, шумно аплодируют «Шуточному матросскому переплясу» Виктора Нечаева и Павла Кодина.

На палубе тесновато, зато в море просторно, и зрители расширяют свой «зал». Кроме «партера» — скамеек, почти вплотную пододвинутых к самой эстраде,— есть здесь и «бельэтаж» — на капитанском мостике — и «галерка» — на мачтах пришвартованных рыбниц.

Кто слушает лекцию, кто смотрит кинофильм. Большая каюта не в состоянии вместить всех желающих. Когда темнеет, механик выносит кинопередвижку на палубу, и экраном служит парус стоящей рядом реюшки. На другом рыбачьем судне лектор развешивает на мачтах географические карты и начинает беседу о международном положении.

Иной раз, случается, задует или норд-ост или моряна. Волны сердито раскачивают корпус парохода. Бьются у бортов рыбачьи суда, но ни артистов, ни зрителей это не беспокоит. На то и море, чтобы штормить.

Поздней ночью, когда заканчиваются концерты и киносеансы, с палубы пловучего клуба можно наблюдать необычный «театральный разъезд». Стучат моторы, скользят надутые ветром паруса, далеко над морем разносятся рыбачьи песни и звуки гармоники.

С. МОРОЗОВ

Приятно освежиться после бритья... Моторист рыбницы «Стерлядь» М. А. Жиляев и судовой парикмахер Аня Мурадьянц.



НОВЫЙ ГОД

Рассказ

Леонид **ВОЛЫНСКИЙ**

Рисунки П. Пинкисевича.

— Этак-то мы с волками Новый год встретим,— сказал генерал Рязанцев, когда шофер Перегуда в третий раз затормозил, чтобы счистить рукавицей снег с ветрового стекла.

— Да ведь сыплет, как на зло, откуда только берется! — сердито сказал Перегуда, садясь в машину, и захлопнул дверцу.

Он подул на пальцы и включил скорость. Машина пробуксовала и натужно рванулась с места, заглатывая фарами крутящиеся снежинки.

Генерал взглянул на часы. По старой кавалерийской привычке он их носил так, что циферблат приходился с внутренней стороны руки. Светящиеся стрелки показывали половину одиннадцатого.

— Поспеем,— сказал Перегуда.

Генерал ничего не ответил.

Кругом лютовала метель. Еще днем в воздухе появились первые снежинки. Маленькие и робкие, они осторожно ложились на задубевшую землю, за ними падали все более и более крупные, и за какой-нибудь час все потонуло в белом крошеве — окостеневшая грязь на дорогах, искореженные пушки, серые ободранные автомобили, сваленные набок, дырявые бронетранспортеры с черными крестами.

Но снег продолжал падать, начисто заметая следы бегства немцев, ибо это отступление уже нельзя было назвать иначе.

Яростно огрызаясь арьергардами, немцы делали все возможное, чтобы оторваться от наступающих частей, и вот уже вторую неделю слово «передислокация» было самым популярным в корпусе генерала Рязанцева. Никто не ночевал дважды на одном и том же месте, и даже люди, привыкшие к сравнительно тихой жизни корпусного тыла, были захвачены общим порывом большого наступления.

— С дороги не собьемся?—спросил генерал.

Перегуда промолчал. Это был вопрос обидный, и генерал мог бы не задавать его.

— Мы в тридцать втором по этой дороге из Киева в Проскуров грузовые «зисы» своим ходом перегоняли,— сказал потом Перегуда.

— Ну, брат, я тут пораньше был. В двадцатом.

— Пилсудскому жизни давали? — спросил Перегуда.

— Ага. Меня как раз в этих местах ранило. Я с одним уланом сцепился, а другой меня сзади шашкой достал. Ну, с госпиталями тогда не очень было, так меня тут на хуторе одном и оставили. Три месяца провалялся, молодой был, зажило.

— М-да,— неопределенно сказал Перегуда, испытывая известное удовлетворение оттого, что узнал происхождение шрама, пересекавшего затылок генерала от уха до уха.

— Вишенки хутор назывался, — сказал генерал. — И черт его знает, где он! Сегодня по карте искал: нету — и все.

— А может, он где в стороне остался? — сказал Перегуда из вежливости.

— Да нет, не должно быть,— сказал генерал.— Меня, как выздоровел, подводой в Старо-Константинов отвезли, полдня всего ехали и как раз по этому шоссе, тут он где-то, а на карте нет.

Перегуда помолчал, думая, что бы ответить генералу, но в это время впереди, в желтом свете фар, появилась фигура солдата в полушубке и густо присыпанной снегом ушанке, с красным флажком в протянутой руке. Шофер затормозил. Солдат подошел поближе. Перегуда узнал Слыщенко, регулировщика штабного КПП. Слыщенко разглядел генеральскую машину и подбежал, увязая валенками в снегу и придерживая левой рукой повешенный через шею автомат.

Генерал приоткрыл дверцу машины и, не ожидая, пока Слыщенко поприветствует его, строго спросил:

— Ну что, далеко еще этот Красный Луч?

— Да вот он, товарищ гвардии генерал-майор,— сказал Слыщенко, указывая скрученными флажками в темноту, — полкилометра всего, за снегом не видно.

Генерал захлопнул дверцу, Перегуда включил скорость, машина забуксовала. Слыщенко обежал кругом, чтобы подтолкнуть ее сзади, но Перегуда включил дупликатор, и машина, обдав Слыщенко мелкой снежной пылью из-под всех четырех колес, двинулась вперед, и уже через пять минут генерал увидел первые хаты села Красный Луч, куда сегодня передислоцировался штаб корпуса. У въезда в село стоял еще один регулировщик. Перегуда затормозил, чтобы спросить у него насчет размещения, но в это время из темноты вынырнул комендант штаба капитан Колбасьев.

— Здравия желаю, товарищ гвардии генерал-майор! — закричал он еще издали.— Давай по этому порядку, двадцать восьмой дом,— сказал он Перегуде, понизив голос. — С наступающим вас, товарищ генерал-майор! — начал он снова на повышенных тонах, но машина уже тронулась, и генерал только кивнул в ответ.

По всему порядку на белых стенах хат были выведены углем большие номера, видные даже в темноте. Перегуда затормозил у большой аккуратной хаты; Колбасьев всегда выбирал для генерала такие. Генерал вылез из машины, предвкушая тепло и отдых: несмотря на полушубок, валенки, ушанку и меховой жилет, он порядком промерз и устал от поездки

в штаб армии и главным образом от неприятного разговора с командующим.

В сенях при скудном свете гильзовой коптилки два связиста возились с аппаратами. Увидев генерала, они вскочили; он махнул рукой, сказал «продолжайте» и вошел в приотворенную дверь налево. Это была большая и чистая горница, увешанная рушниками, с иконами в красном углу и множеством фотографий. Фотографии висели на стенах под рушниками, стояли на комоде в затейливых рамочках, присыпанных толченой ракушкой. В печи потрескивали дрова, а у накрытого стола адъютант генерала капитан Кириллов раскупоривал банку рыбных консервов. На столе стояли яркий карбидный фонарь, бутылка водки и несколько тарелок с закусками.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор! — сказал Кириллов.— А я уже думал, вас командующий у себя оставит Новый год встречать.

— Да, с ним встретишь...— неопределенно сказал генерал. Он бросил на скамью полушубок, ушанку, перчатки и, подумав секунду, снял подбитый белым кроличьим мехом жилет и подошел к лежанке, протягивая к теплу большие красные руки. Капитан Кириллов промолчал и снова принялся за банку.

— Ну, как расположились? — спросил генерал.

— Нормально,— сказал Кириллов.

— Соедините-ка меня с начальником штаба.

Капитан Кириллов вышел в сени, генерал услышал, как он крутит ручку аппарата.

— Третий,— сказал он.— Николай Александрович, я Кириллов, с вами сейчас первый говорить будет.

Генерал вышел и взял трубку.

— Николай Александрович, здравствуйте,— сказал он.— Да, только что. Снимал стружку по первой категории. Да все то же. Почему даем оторваться? Считает, что фон Боку этот драп слишком дешево обходится. Да, и насчет тылов. В общем, по всем швам. По сути, он, конечно, прав, ничего не скажешь. Да, да, конечно, я докладывал, но все же... Ну, конечно. Приказ довели до всех хозяйств? Ну, очень хорошо. Значит, до утра. Хотел вас пригласить на рюмочку чаю, тут у меня Кириллов сообразил кое-что, — он взглянул на стоявшего рядом капитана,— ну, да, видно, не выйдет, у вас там дела до утра хватит. Спасибо, вам также.

Генерал положил трубку и вернулся в горницу.

— Дай-ка карту,— сказал он Кириллову.

Кириллов вынул из планшета карту, расстелил ее на лежанке, поставил сюда же фонарь; генерал наклонился, положив руки на карту, с удовольствием ощущая, как нагревается бумага. Он поискал глазами.

— Вот, — сказал он, — извольте отметить, Яблоневка. — Он показал пальцем на карте.

— Когда? — спросил капитан Кириллов, понимая, что речь идет о новой передислокации.

— Да на рассвете,— сказал генерал; капитан вздохнул и украдкой глянул на часы.

— Яблоневка, Яблоневка, а где же Вишенки? — пробубнил генерал, еще ниже наклоняясь над картой.

Бумага уже совсем нагрелась и припекала ладони.

— Пятнадцать минут осталось, товарищ генерал, — сказал капитан Кириллов.

— Как? — переспросил генерал.

— Я говорю, без четверти двенадцать уже.

— А-а... Ну, что же, так мы с тобой вдвоем и будем?

Кириллов пожал плечами. Генерал выпрямился, потер горячими ладонями бритую голову.

— А хозяева тут есть?

— Да, старик и старуха.

— Ну что ж, что старик и старуха. Зови.

— Да спят уж, наверно.

— А ты разбуди. Дело такое.

Кириллов направился к двери.

— Да посмотри у меня там под сиденьем бутылочку, — сказал ему вдогонку генерал и рассмеялся.— Командующий на прощание дал.

Кириллов вышел. Генерал прошелся по горнице, посмотрел фотографии. Они были такие же, как и во многих других горницах, где приходилось ему стоять: круглолицые девушки в жакетах мужского покроя; парни в вышитых рубашках; гладко стриженные новобранцы в мешковатых гимнастерках. Чувствовалось, что все они похуже, чем в жизни,— напряженные, застывшие, с выпученными глазами. На одной из фотографий был запечатлен бородач в лейб-гвардейской форме.

«Наверное, хозяин», — с удовлетворением подумал генерал. Он любил поговорить за рюмочкой со всякими людьми, которые мелькали на его длинном военном пути, но более всего любил видавших виды стариков.

Вошел капитан Кириллов с бутылкой шампанского подмышкой.

— Ну что? — спросил генерал.

— Старуха больна,— сказал Кириллов.— А старик сейчас придет. Собирается. Она ему там штаны ищет.

— Как? — переспросил генерал.

— Да так,— сказал Кириллов.— Я,— говорит,— в этих штанах не пойду. Это,— говорит,— стыд и позор к генералу в таких штанах являться. Шукай мне,— говорит,— гвардейские.

— Старик правильный, — сказал генерал.

Капитан Кириллов посмотрел на часы.

— Боюсь, что он до следующего года собираться будет.

Но тут в дверь постучали, и в горнице появился высокий сутулый старик в пиджаке, черной рубашке с множеством белых пуговиц и в довольно новых шароварах гвардейского сукна, заправленных в стоптанные яловые сапоги. Жидкая борода его была наспех расчесана, точь-в-точь как на фотографии.

— Здравия желаю! — произнес он, останавливаясь у двери.

— Здравствуйте, папаша, проходите,— сказал генерал, идя ему навстречу и протягивая руку.

Старик протянул жесткую ладонь, по дороге шаркнув ею о гвардейские штаны.

— Вот посидите с нами часок, папаша,— сказал генерал, ведя старика на середину комнаты.— Все-таки Новый год.

— А чего же не посидеть! — сказал старик.

— А что ж ваша хозяюшка? — спросил генерал.

— Э, бабские дела! — сказал старик.— То болит, это болит.

Капитан Кириллов перенес фонарь на стол, глянул на часы и принялся откупоривать шампанское. Он ободрал с пробки серебряную бумагу, раскрутил проволочную петлю, пошевелил пробку и наклонил бутылку под углом в 45 градусов, терпеливо наблюдая, как газ выталкивает толстую пробку. Наконец раздался хлопок, пробка ударилась о противоположную стенку и покатилась. Капитан разлил шампанское в граненые стаканы.

— Дело мастера боится, — сказал старик.

Генерал взял стакан, посмотрел на часы.

— С Новым годом, папаша! — сказал он.— За ваше здоровье!

— Спасибо,— сказал старик.— Что мое здоровье, я уже свое отвоевал, вот вам дай бог здоровья, чтоб паразита прогнать и до дому вернуться. С Новым годом вас!

Он единым духом опрокинул стакан, из вежливости крякнул и покосился на водку. Генерал тоже выпил сразу. Кириллов медленно цедил холодное шампанское, мысленно оценивая всю торжественность минуты и радуясь тому, что командующий наградил генерала этой бутылочкой. Ему было двадцать два года, он любил всяческие церемонии и с удовольствием думал, как когда-нибудь расскажет об этой встрече Нового года.

— Ну, давай московской, что ли,— сказал генерал, нарушая торжественный строй его мыслей.— А то с этой шипучки толку мало, верно, папаша?

— Як уже по правде сказать,— оживился старик,— то самое лучшее дело — это первачок. С хорошего буряка, да два раза перегнать, ну это ж, я вам скажу, одно удовольствие — чистый, как слеза, а горит...

Старик собрался пуститься в длинные рассуждения о самогоне, но в это время фонарь мигнул два раза и погас.

— Н-да,— сказал генерал.

— Сию минуту,— сказал Кириллов, мысленно проклиная себя за забывчивость: он еще с утра имел в виду заправить фонарь. Светя карманным фонариком, он взял нещадно коптившую гильзу и прошел в сени.— Сейчас заправим,— сказал он, вернувшись.

— Одно слово — карбид, — сказал старик.— Беда без электрики!

— А у вас разве была? — спросил генерал.

— А як же?

Только сейчас генерал заметил, что с потолка свешивалась на шнуре лампочка.

— Пока хуторами жили, то не было,— сказал старик. — А потом как соединились до купы, в тридцать первом, то поставили движок, ну на целый день, конечно, не хватало, а вечером светили, аж пока паразит не сничтожил. У нас тут до колхозов три хутора было,— старик провел на скатерти кружок корявым ногтем. — Вот это, где мы с вами, Гладковщина, а вот тут, как бы сказать, Грушки,— он провел второй кружок,— а вот тут, через яр, Вишенки.

— Та-ак,— сказал генерал,— понятно.

— Ну, как до купы объединились, то вышло такое ходатайство, чтоб называться нам «Красный луч», бо мы первые на весь район электрику заимели.

Кириллов внес зажженный фонарь. Генерал сидел, наклонившись над столом, хмурясь и потирая рукой багровый шрам на затылке. Капитан приписал это случаю с фонарем и еще раз обругал себя. Он живо раскупорил московскую и налил в стаканы. Генерал приподнял стакан и внимательно посмотрел водку на свет.

— А что, папаша,— сказал он,— не знаете вы в Вишенках такую — Оксану Пимоненко?

— Оксану Пимоненко? — повторил старик. Кириллов насторожился, удивленно смотря на генерала. — Оксану Пимоненко? А-а! — старик просиял, обнаружив под усами прокуренные щербатые зубы.— Демида Пимоненка дочка?.. У нас там Пимоненков полный куток, так мы по-уличному,— пояснил он.— Такая чернявая та высокая?

— Да... чернявая,— сказал генерал.

— Эге... — сказал старик.— Давно она уже не Пимоненко. Васильченкова она. Я еще як с гражданской пришел, то у них на свадьбе гулял. Эге,— повторил он,— Пимоненко! У ней уже сынов двое в армии, дочка...

— Н-да,— сказал генерал.— Значит, жива она?

— А як же! — сказал старик.

— Ну, давай выпьем,— сказал генерал.

У Кириллова уже давно водка в стакане дрожала мелкой дрожью. Все выпили. Генерал поискал глазами закуску — на тарелках лежали ломтики голландского сыра, грудинка, тонко нарезанная колбаса «салями», стояла баночка зернистой икры. Генерал положил себе рыбных консервов — любимых им бычков в томате.

— Может, помидорчиков внести? — предложил старик, адресуясь к капитану Кириллову.— У нас помидорчики в этом году удались, ну, как вино...

— Помидорчиков-то не надо... — задумчиво сказал генерал.

— Не уважаете? — спросил старик.

— Да нет, уважаю,— сказал генерал.— Очень даже уважаю. Только я сейчас к вам, папаша, другую просьбу имею. Вы мне ваше имя-отчество скажите...

— Халимон Григорьевич,— сказал старик.

— Так вот, Филимон Григорьевич, — генерал взглянул на часы,— не могли бы вы меня проводить в Вишенки, мне бы эту самую Оксану Пимоненко повидать надо.

Бутылка, которую капитан Кириллов подносил через стол к стакану генерала, замерла и вернулась обратно.

— С утра? — сказал Филимон Григорьевич.

— Да нет, сейчас,— сказал генерал.

— Ага,— сказал Филимон Григорьевич. Он на секунду растерялся, но сразу же овладел собой.— Кх-м. Конечно, а чего же,— оживленно заговорил он, более всего опасаясь, чтобы генерал не заподозрил, что он интересуется причиной такого визита.— А як же, пойдем. Тут недалечко, прямо через яр, версты две будет, не больше... — Он засуетился, встал, похлопал себя по карманам, вытащил кисет с махоркой.— Так вы одевайтесь, а я сейчас... Минут пять...

Он вышел из горницы. Генерал надел жилет, полушубок, перчатки. Капитан Кириллов молчал. Он чувствовал себя глубоко обиженным, а выпитая водка с шампанским придавали этой обиде жертвенный оттенок. Он не хотел ни о чем спрашивать, раз ему не доверяют, но когда генерал взялся за ручку двери, он все-таки не выдержал:

— А может, машиной?

— Да нет уж, мы пешочком,— сказал генерал.

— А может, мне с вами?

— Отдыхайте, — ответил генерал. И, как бы поняв мысли Кириллова, добавил: — Кто будет спрашивать, скажите: отлучился по личному делу. Понятно? Отсылайте всех к Николаю Александровичу; он на месте и, ручаюсь вам, трезв, как стеклышко.

— Да и мы тоже нельзя сказать, чтобы того...

— Ну и очень хорошо,— сказал генерал и вышел.

Метель улеглась. Ветром разогнало облака, все вокруг сияло и переливалось под лунным светом. Дверь скрипнула, на пороге хаты появился Филимон Григорьевич. Он был в кожушке, валенках и огромной заячьей шапке с торчащими в стороны ушами, а в руке держал длинную палку.



— Вот палку взял, может, где напрямик придется,— сказал Филимон Григорьевич.— А то еще влезем да не вылезем.

Они пошли вдоль длинного ряда домов. Снег ровно поскрипывал под ногами. То там, то здесь звучали баяны, из затемненных хат доносились обрывки песен: штабисты — кто как мог — праздновали Новый год. По дороге им встретился патруль, солдаты приветствовали генерала.

— С Новым годом! — сказал он.

— Спасибо, вас также! — хором ответили солдаты.

В конце улицы стоял пьяный капитан Колбасьев. Завидев генерала, он неестественно вытянулся и приложил ладонь к ушанке.

— П-позвольте п-приветствовать вас с Новым годом! — сказал Колбасьев.

— Вы пьяны? — строго спросил генерал.

— Кто? Я? — сказал Колбасьев, не опуская руки.— Товарищ гвардии генерал-майор, разрешите доложить: все обеспечено, люди размещены, пищеблок продуктами снабжен, никаких происшествий не случилось, докладывает комендант штаба капитан Колбасьев.

За время этой длинной тирады он успел основательно протрезветь и понял, что возмездие неминуемо.

— Идите проспитесь, а к восьми ноль-ноль явитесь ко мне,— сказал генерал.

Колбасьев, не опуская руки, повернулся через левое плечо и зашагал, стараясь держаться как можно ровнее.

Генералу было неприятно, что старик видел это, но Филимон Григорьевич и ухом не повел. Он все время без умолку говорил о постороннем: о том, что вот деревья мохнатые— урожай хороший будет, о том, что у него сын в армии, а невестка с внуками эвакуировалась, а дочка на доктора выучилась, да померла перед войной — царствие ей небесное! О том, как под Гитлером жилось, и о том, как еще в ту войну от германа натерпелись, и о том, как он в лейб-гвардии Кексгольмском полку Георгия заработал, и как выкинул его в семнадцатом году, и еще о многом другом.

Тем временем они прошли напрямик через яр, проваливаясь по колено в снег, и поднялись в Вишенки.

— Во-он та хата, под железом,— сказал Филимон Григорьевич, указывая палкой.

Генерал посмотрел. Вовсе не видно было, под железом или под соломой была та хата, на которую указывал старик,— на всех лежали одинаковые снежные шапки. Они подошли поближе. Где-то заливисто, с подвыванием пролаяла собака. В хате было темно. Филимон Григорьевич заглянул в окно, приник лицом к стеклу, подставив ко лбу козырьком ладонь в рукавице.

— Спят, видно.

— Буди,— сказал генерал.

Старик кашлянул, поправил зачем-то ушанку, снял рукавицу и осторожно забарабанил пальцами по стеклу.

— Оксано,— тихо сказал он,— эгей, Оксано, чуешь?

Генерал полез в карман, вытянул коробку «Казбека» и, отвернувшись, впервые за весь вечер закурил, глубоко затягиваясь, держа папиросу огоньком вовнутрь сложенной корабликом ладони.

Старик еще раз тихонько пробарабанил и позвал:

— Эгей, Оксано!

На сей раз в хате зашевелились. Что-то упало, кто-то сказал «о, господи!», и в окне появилось расплывчатое белое пятно.

— Ты, Оксано? — сказал Филимон Григорьевич.

— А кто там? — ответили из хаты.

— То я, Халимон,— сказал старик.

— А, это вы, дядько Халимон! Что случилось?

— Да тут, понимаешь... — старик замялся.— Тут до тебя пришли... Военный человек, одним словом, до тебя. Открывай, не бойся.

— Сейчас,— ответили из хаты.

— Ну, вы можете идти, Филимон Григорьевич, — сказал генерал, не глядя на старика, втаптывая в снег окурок. — Спасибо вам. Обратно я сам доберусь, так что увидимся.

— Ага... Кх-м. Конечно. Так что спасибо вам за компанию... — совсем некстати сказал Филимон Григорьевич.

Он поспешно пошел, почти побежал обратно по улице, как бы боясь, что генерал погонится за ним. В хате вздули тусклый огонь, потом в сенях лязгнула щеколда.

— Входите,— позвали из сеней.

Генерал вошел, прикрыл за собой дверь.

— Дядько Халимон? — позвали из комнаты.

— Он ушел,— ответил из сеней генерал, стуча ногой об ногу, чтоб оббить снег с валенок. Помимо воли он старался делать это как можно дольше.

— А вы ночевать? — продолжала женщина.— Заходите. Позавчера у нас двое стояло офицеров, молоденькие, уехали, бедолашные.

Генерал вошел в комнату. Это была обычная сельская комната: налево печь с лежанкой, направо шкаф с посудой, скамья углом, стол, четыре окна, рушники, фотографии. На столе стояла коптилка — пузатая аптечная склянка с фитильком, продетым сквозь жестяную трубочку. От движения воздуха пламя заколебалось, женщина прикрыла его согнутой ладонью и посмотрела на генерала. Они плохо видели друг друга; судя по ее наморщенному лбу и прищуренным глазам, ей трудно было его разглядеть. Но генерал уже ни в чем не сомневался. Он снял шапку и тихо сказал:

— Ксана!

Женщина отняла ладонь от коптилки и прижала руку к груди.

— Господи, кто это? — сказала она.

— Ксана! — повторил генерал.

— Степа? — спросила женщина.

Она сделала два шага в сторону, как слепая, и опустилась на скамью.

— Что ты, Ксана? — сказал генерал.

Он все еще стоял в углу, у печки, сжимая обеими руками ушанку.

— Ничего,— ответила она.— Пройдет. Ну, что ты стоишь там, проходи поближе, дай я хоть посмотрю на тебя.

Она все время теребила рукой завязку холщовой кофты у шеи и наконец порвала ее. Генерал прошел, не видя, куда ступает, и остановился у стола. Оксана встала. Они были почти одинакового роста — оба высокие, крепкие, широкие в кости. Он посмотрел ей в глаза, прежние глаза, — черные, как поздняя украинская вишня. Он выронил ушанку и обнял Оксану.

— Не надо, Степа,— сказала Оксана. Она осторожно освободилась и отошла в сторону.— Что было, то минулось.— Она села на скамью.— Садись.

Он сел поодаль, у стола. Оксана наклонилась, подняла с пола ушанку.

— Шапка у тебя добрая.

— Ничего.— сказал генерал.

Оксана прищурилась на его полевые погоны. Генерала словно в сердце кольнул этот милый прищур: она всегда была немного близорука.

— До майора, значит, дослужился? — сказала она.

— Ага.

— Ну, молодец. Раздевайся, я сейчас покушать соберу.

— Спасибо, я уже ужинал. Я ведь у Филимона Григорьевича остановился.

— А ко мне, выходит...

— К тебе — в гости.

— Значит, знал, куда шел?

— А как же.

— Ну, а зачем так поздно?

— С утра двинемся, Ксана.

— А-а...

— Ну, вот, зашел поговорить, узнать, как живешь.

— А моя какая жизнь? Вот, видишь...— Оксана повела рукой.

— Муж твой где?

Похоронила я мужа, Степа.— Оксана поднялась и прошла по комнате.— Дорогой был человек.

Она сняла со стены две фотографии, подошла к генералу и одну положила перед ним.

— Вот. Васильченко, Андрей Кузьмич. Не помнишь его?

— Нет,— сказал генерал.

— Ах, да! — сказала Оксана. — Он, когда ты у нас лежал, как раз на действительную ушел. Года на два он моложе тебя. Ну, а вернулся — в комнезамах был, потом колхоз организовывал, в тридцатом его куркули из обреза ранили, ну, а Гитлер-таки его решил.

— А чего не эвакуировался? — спросил генерал.

— А он в партизанах был,— строго ответила Оксана.

— А-а, понятно,— сказал генерал.

Оксана отодвинула в сторону фотографию мужа и положила перед генералом другую. С нее смотрел парень в пилотке, с двумя треугольничками на петлицах.

— Кто это, Оксана?

— То сын твой, Степа.

Она умолкла. Генерал сидел, понурив голову, и смотрел в глаза сыну, которого он не видел и, судя по траурной рамке, никогда уже не увидит. Он сидел так до тех пор, пока что-то не прорвалось в нем, как нарыв. Он увидел, как капля упала на скатерть и растеклась широким круглым пятном.

— Прости меня, Ксана,— сказал он.

Она погладила рукой его голову, еще и еще раз, так же, как тогда, давно, ощупала своими огрубевшими, но все еще нежными пальцами рубец на его затылке и сказала:

— А знак-таки добрый остался.

— Прости меня, Ксана,— сказал он снова.

— Не надо, Степа.— Она подняла обеими руками его голову, заглянула ему в глаза.— Старый ты стал. Совсем не такой. Бритый, голомазый какой-то,— сказала она и отошла в сторону. Она взяла со стола фотографии.

— У тебя нету другой? — спросил он.

— Нету, Степа. И не надо тебе.

— А он знал?

— Кто?

— Андрей.

— Андрей знал. А сын не знал.

— Как его звали?

— Степан. Степан Андреевич Васильченко.

Оксана повесила фотографии на место.

— А вот младший мой,— сказала она.

Генерал поднялся и посмотрел фотографию паренька в вышитой рубашке. При слабом, неверном свете коптилки он не мог хорошо разглядеть его, но Оксана не снимала фотографии, и он не решился попросить ее об этом.

— Живой? — спросил он.

— Пока живой,— сказала Оксана.— Как наши явились, сразу в армию ушел. Как раз его года подоспели, он у меня с двадцать пятого. Три дня, как проводила.

Она вздохнула и отошла от стены. Генерал постоял немного, посмотрел фотографии. Они расположились веером под рушником с красными петушками, а чуть пониже висела большая застекленная рамка. Генерал наклонился и разобрал тускло отсвечивавшее золотом слово «Диплом».

— А это что у тебя? — спросил он.

— А это я на Сельскохозяйственной выставке получила, — отозвалась Оксана. — Золотую медаль и диплом вот этот. В Москву ездила... А при немцах пришлось под печью держать.

Оксана вздохнула. В памяти генерала вдруг ярко всплыла праздничная пестрая картина Сельскохозяйственной выставки и экскурсия слушателей Академии имени Фрунзе. Ох-хо-хо, пять лет...

— Ты в тридцать девятом медаль получила?

— Ага, — сказала Оксана.— Три года подряд по семнадцать деловых поросят с каждой матки брала. Ферма у нас была — дай боже! Все разорил, гад!

— Да-а...— сказал генерал, поймав себя на том, что не знает, что такое деловой поросенок.

— Ферму-то построим,— сказала Оксана.— А вот Андрея и Степу кто мне вернет?

— Я слышал, у тебя дочь есть? — сказал генерал.

— Есть,— сказала Оксана.

— Где же она? — спросил генерал.

— Новый год встречает.

— Жаль. Я б на нее глянуть хотел.



— Раньше утра не придет. Это — уже дело такое...

— Жаль...— Он посмотрел на часы. Было сорок минут четвертого.— А мне уже пора. Надо идти.

— Так и не покушал ничего, — сказала Оксана.— Тебе, может, собрать чего-нибудь в дорогу; я же ваши казенные харчи знаю, одна консерва. Я тебе яичек десяток сварю, это быстро, сальца кусочек...

— Спасибо, Ксана, не надо. У меня все есть.— Он поднялся и взял ушанку.

— Ну как хочешь. Ты подожди, я с тобой выйду.

Она натянула валенки, надела кожушок, повязала темный суконный платок, взяла рукавицы.

— Ну пойдем,— сказала она. Они вышли.

— Меня сюда Филимон Григорьевич напрямик вел,— сказал генерал.

— Через яр? — спросила Оксана.

— Ага. А теперь я хочу кругом вернуться. Вишенки посмотреть хочу.

— Пойдем, покажу. А то ты еще заблудишься.— Она заперла хату.— Забыл, небось, дорожки здешние?

— Забыл,— признался генерал.

— Ну пойдем...

Они пошли по улице, вдоль темных, спящих под белыми шапками хат.

— Ксана,— тихо сказал генерал. — Дойдем до вашей хаты.

— Сгорела наша хата,— сказала Оксана.

Они оба замолчали, вспоминая об одном и том же, и Оксана, чтобы прервать эти щемящие воспоминания, сказала:

— Весь тот куток сгорел, и школу новую спалили, паразиты, и больницу.

— А больницу когда построили? — спросил генерал.

— В тридцать втором,— сказала Оксана.— Так что теперь тебе не пришлось бы по хатам лежать.

Они снова помолчали. Тропинка, протоптанная в снегу, сузилась, и генерал пропустил Оксану вперед.

— А вот это клуб наш, сельбуд,— сказала Оксана.

Генерал посмотрел на двухэтажное кирпичное здание, на площадь, на хаты вокруг. Он ничего не узнавал здесь — то ли потому, что все изменилось, то ли потому, что была зима, а он помнил только кипенье цветущих вишен, а может быть, потому, что прошло уже двадцать четыре долгих года.

Они пересекли площадь и свернули у клуба вправо, спускаясь вниз по отлогой, широкой улице. Слева маячило кладбище — из-под холмистого снега торчали верхушки покосившихся в разные стороны крестов. Оксана вздохнула.

— Старики мои тут отдыхают,— сказала она.

Генерал ничего не ответил. Он вспомнил отца и мать Оксаны, и чистую, выскобленную бедность их хаты, и картошку в мундире, и домотканную сорочку, которую они ему подарили на прощанье. Он скрипнул зубами и полез в карман за папиросами. Где-то поблизости растянули на все лады баян. Долгий аккорд растворился в морозном воздухе, потом послышался смех и снова аккорд баяна, затем в два голоса запели:

На позицию де-евушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилися
На ступеньках крыльца...

— Красивая песня,— сказала Оксана.— Мы такой вроде до войны не слышали.

— Это новая.

— Песни новые, люди другие, все переменилось,— вздохнула Оксана.

Голоса приближались, и теперь уже было слышно, что поют парень и девушка; парень выводил уверенно, а девушка осторожно вторила красивым грудным контральто, как бы знакомясь с мелодией.

— О господи, да это же Галя! — сказала Оксана.

Она сделала несколько шагов, заглянула за угол дома и поманила рукой генерала. Он подошел и увидел, как по улице слева приближается группа молодежи, впереди солдат с баяном через плечо,— кажется, это был Слыщенко с штабного КПП,— а рядом с ним идет

Оксана. Нет, не Оксана, а другая... нет, как раз не другая, а именно Оксана. Он снова услышал, как колотится сердце.

— Галю! — позвала Оксана.

— Мамо! Тю, с Новым годом вас!

Девушка кинулась к матери, обняла ее. Генерал отступил назад, в тень, и смотрел, не отрываясь, в лицо своей Оксаны — молодое, свежее, румяное, без единой морщинки, совсем такое, каким оно было двадцать четыре года тому назад. Белые снежинки лежали на ее смоляных волосах, а одна повисла на брови, и растаяла, и сверкала, как драгоценный камень.

— Ну, как гуляли, доню? — спросила Оксана.

— На пять с плюсом. А чего это вы тут среди ночи, мамо?

— Да вот вышла человека проводить, дорогу показать,— сказала Оксана.

Генерал выступил вперед. Слыщенко обмер. Он живо передвинул баян на бок, вытянулся и гаркнул:

— Здравия желаю, товарищ гвардии генерал-майор, с Новым годом вас!

— Спасибо, вас также,— сказал генерал.



— Вот оно как! — протяжно сказала Оксана.— Будь знакома, Галя, то мой давний приятель один.

— Рязанцев,— сказал генерал, пожимая негнущуюся галину ладонь.

— Ну, мы пошли, мамо,— сказала Галя.— Ты скоро до дому?

— Скоро, доню.

— Разрешите идти? — рявкнул Слыщенко.

— Идите,— сказал генерал.

Он смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом.

— Сколько ей? — спросил он у Оксаны.

— А как раз столько, сколько мне было,— ответила она, угадав его мысли.

Они пошли дальше молча. Луна зашла, все кругом потускнело. Где-то пропел петух. На улицах началась подготовка к передислокации. Кое-где шоферы прогревали моторы. Хмурые, невыспавшиеся штабные писари грузили свое скучное имущество: маленькие несгораемые сундучки, счеты, коптилки, арифмометры и пишущие машинки. Завидев генерала, они вытягивались в струнку и громко приветствовали его, с недоумением посматривая на шагавшую рядом с ним высокую женщину в полушубке. И Оксане это было приятно.

Навстречу им попался капитан Колбасьев. Он быстро шел с двумя лейтенантами и старшиной, отдавая на ходу какие-то приказания. При виде генерала он сразу примолк, но генерал не остановил его. У двадцать восьмого дома Перегуда копался в моторе машины, стоявшей с задранным капотом.

— Здравия желаю, товарищ гвардии генерал-майор! — сказал он, выпрямившись. — С Новым годом вас!

— Спасибо, вас также,— сказал генерал.— Что это вы так рано?

— Свечи меняю,— сказал Перегуда.

Они вошли в дом. Связисты, сидя, дремали у аппарата, они сразу же встрепенулись, он махнул им рукой. В горнице в полсвета горел карбидный фонарь. Капитан Кириллов спал на лежанке, выставив из-под шинели босые ноги и причмокивая губами во сне. Закуски на столе были прикрыты вчерашним номером корпусной газеты, всю первую страницу которой занимал новогодний рисунок — Москва, Красная площадь в снегу. Водки в бутылке оставалось на треть.

— Ну все,— шепотом сказала Оксана.— До дома тебя довела, теперь пойду.

— Посиди, — сказал генерал. — Кто его знает, когда увидимся.

— Та, мабуть, никогда,— усмехнулась Оксана.— Разве что до третьей войны доживем.— Она развязала платок, сняла полушубок.

— Я ведь тебя и с Новым годом не поздравил,— сказал генерал. Он снял со стола газету, налил в стаканы водку. — Выпьем, Ксана...

Оксана взяла стакан, посмотрела на генерала.

— За что ж мне с тобой выпить, Степа? — сказала она.

— Так уж и не за что? — сказал генерал.

— Давай выпьем, Степа, за деток наших, которые живы. У тебя-то дети есть?

— Есть.

— Ну, вот. Будь здоров, с Новым годом тебя!

Они выпили. Оксана поставила стакан, вытерла губы ладонью.

— Закуси, Оксана,— сказал генерал.

— Нет, спасибо. Пойду.

Она поднялась, надела кожушок. Капитан Кириллов, успевший уже втянуть босые ноги под шинель, еще сильнее зачмокал губами, зажмурился и глубоко задышал. Генерал накинул на плечи полушубок и вышел вслед за Оксаной. На дворе Перегуда закрывал капот мотора.

— Сменил свечи? — спросил генерал.

— Так точно,— сказал Перегуда.

— Вот отвезешь Оксану Демидовну домой и сразу возвращайся, собираться будем.

— Тю,— сказала Оксана,— это зачем?

— Езжай, езжай,— строго сказал генерал.— Он тебя живо довезет.

Перегуда сел в машину, пофыркал стартером, мотор взвыл и сразу мягко заворчал на низких нотах.

— Ну, прощай! — сказал генерал.— Рядом с ним садись, дорогу покажешь.

Он секунду помедлил, потом притянул к себе Оксану и крепко поцеловал ее в мягкие, пахнувшие далеким, родным домом губы.

— Прощай, Степа!

Она отвернулась и привычным женским движением утерла глаза уголком платка.

Перегуда захлопнул дверцу, и генерал смотрел вслед машине, пока она не скрылась за поворотом.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

«Незабываемые дни»

Одной из характерных особенностей развития белорусской литературы в послевоенный период является заметный рост прозы. Особенно активно и широко освещается в прозе история партизанской борьбы белорусского народа против фашистов.

Славным делам белорусских партизан посвящен и новый роман Михася Лынькова—«Незабываемые дни»,— недавно опубликованный Воениздатом на русском языке.

Михась Лыньков не новичок в литературе: он отдал ей больше двадцати пяти лет своей жизни. Его перу принадлежат несколько повестей, много рассказов и очерков. М. Лыньков одним из первых в белорусской литературе отобразил жизнь рабочего класса.

Вышедшая из печати первая часть романа охватывает события с начала Великой Отечественной войны до февраля 1942 года. Писатель обстоятельно показывает, как развертывалось всенародное партизанское движение в Белоруссии. На борьбу с врагом поднялись все честные советские люди — жители города и колхозного села. Героические действия отдельных лиц и групп постепенно перерастают в активные действия больших отрядов и соединений. Этот замечательный рост особенно наглядно виден на примере отряда Мирона. Удары партизан по крупному железнодорожному узлу и заводам усиливаются, дополняются операциями в селах. Координирует и направляет деятельность народных мстителей партийный центр, возглавляемый секретарем обкома партии Василием Ивановичем Соколовым. В романе отчетливо показана роль Коммунистической партии в организации и руководстве партизанским движением в Белоруссии.

«Незабываемые дни» — роман о народе на войне. Автор сумел нарисовать выразительные портреты, показать в действии представителей всех слоев населения: рабочих (Лагуцька, Чмаруцька, Чичин), колхозников (Канапелька, Сымон и его жена Ганна), интеллигенции (врач Артем Исакович, студентка Надя). Наиболее удачны образы секретаря обкома партии Соколова и инженера-железнодорожника Заслонова. Образ легендарного героя белорусского народа Константина Заслонова нарисован М. Лыньковым по-настоящему глубоко, мастерски. Заслонов выступает как талантливый, волевой организатор, бесстрашный, умный боец и обаятельный человек.

М. Лыньков показывает советских людей во всей их духовной красоте, особенно полно раскрывшейся в трудную для Отчизны годину. Интересы Родины, интересы борьбы за свободу и независимость они ставят выше всего. Их не могут сломить никакие преследования и испытания.

Фигурируют в романе и отщепенцы. Автор разоблачает предателей: начальника полиции Клопикова, старосту Сипака, бездушного палача Семку Бугая и других. Народ презирает их. Нет и не может быть им поддержки в народе, и потому отщепенцы обречены на гибель, их не могут спасти ни полиции, ни эсэсовцы. Раскрывая подлые действия врагов, методы их преступной работы, автор воспитывает чувство бдительности, непримиримости к ротозейству и благодушию.

В романе выведены представители вражеской армии — жестокие, фанатичные исполнители воли гитлеровских мракобесов. Жаль только, что некоторые образы немцев (шеф депо Штрипке и командир группы парашютистов - диверсантов Шницке) излишне утрированы, оглуплены.

Есть в романе и другие недостатки. На наш взгляд, растянута, рыхловата его композиция. Событиям начального периода борьбы автор посвятил около пятидесяти печатных листов! Некоторые незначительные эпизоды, второстепенные сюжетные линии могли быть с успехом опущены (весьма растянута и неясна, например, линия «перековывающейся» Любки). Есть в романе герои, совершенно не раскрытые в действии. В поверхностно-очерковом плане показаны, например, «неизменный весельчак и балагур Гудима, и задумчивый Слышеня, и стеснительный с виду Бохан, и непоседливый Ельский». Характерно, что эти персонажи все время подаются как некая неразрывная группа, словно никаких индивидуальных черт у них и не существует. Порой они даже и говорят... хором. Вот Соколов «зашел в шалаш, в котором разместились Слышеня, Бохан и Гудима.

— Как вы смотрите на это происшествие?—в один голос встретили его товарищи» (разрядка моя.— И. К.).

Хотелось, чтобы автор более ощутимо показал связь партизан с действующей армией.

Но все эти недостатки устранимы. Роман М. Лынькова «Незабываемые дни»— значительное произведение о жизни и борьбе белорусского народа в грозные дни Великой Отечественной войны.

Читатели с интересом будут ждать продолжения этой книги.

И. КАРАБУТЕНКО

Михась Лыньков. Незабываемые дни. Роман. Воениздат. М. 1953. 680 стр.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Рассказ

Шакир НАСЫРОВ

Рисунки О. Верейского.



Чего уж тут скрывать: из-за этой летучей мыши я чуть было не попал в беду.

Я, конечно, не знаю, приходилось ли вам бывать в нашем селе Акташ, но если вы бывали у нас, то вам, наверное, известно, что в прежние времена почти все здешние жители имели прозвища. Одного называли Волом, другого Волком, третьего еще каким-то чертом... Чего только не придумают люди! Правду сказать, и меня ведь называли не иначе, как «Астель-Асат», что означает «Асат-злоязычный». Ладно, пускай злоязычный, если уж у меня такой язык, но почему Асат, когда мое имя — Асгат? Хорошо, что в нашей стране к человеку относятся с уважением. Все эти прозвища мало-помалу забылись. Теперь ведь и я, если хотите знать, не какой-нибудь там «злоязычный» и не Асат, а Асгат Яруллин. Это очень хорошо!

Но, как говорится, язычок введет в грешок. Не случилось бы со мной беды, когда б не язык.

Я работаю в кузнице. А в кузнице — кто же этого не знает? — всегда полно народу: есть ли у человека дело, нет ли, а уж раз идет мимо, обязательно заглянет. Вот я и возьми однажды да и ляпни на людях про нашу Шамсибанат-килен [1], которая живет на том конце села: Шамсибанат-ярганат, то есть Шамсибанат — летучая мышь... А уж если что вылетело из-за тридцати зубов, долетит до тридцати человек. Так и пошло гулять по селу: летучая мышь да летучая мышь... Я этому никакого значения не придал, тем более, что это ведь правда. Живет Шамсибанат точь-в-точь, как летучая мышь, — скрытно, тишком делишки свои обделывает в укромных углах, тянет ее ко всему темному, старому. Да и допекла она меня в тот вечер.

Привез тогда товарищ Хатмуллин — председатель нашего колхоза — барабан от молотилки. У барабана все зубья сломаны. «Так и так,— говорит,— делайте, что хотите, но чтобы к утру было готово!» А мы-то уж знаем, когда наступает утро у товарища Хатмуллина. Не успеешь оглянуться, он уж тут как тут. Очень беспокойный человек. Да и то сказать — уборка!

Приступили мы со Степаном Петровичем к работе (мы с ним вдвоем работаем в кузнице). Торопимся, конечно. А тут, нá тебе, Шамсибанат-килен пожаловала.

— Как тебя... Асгат-агай [2],— говорит,— приладь, пожалуйста, вот это ушко,— и достает из какой-то тряпки старое коровье ботало.— Не знаю уж,— не хуже того ботала трещит она,— ребятишки баловались или еще почему, но только оторвалось ушко от колокольчика. Совсем было потерялся. Уж я его искала, искала... Еле-еле за озером нашла... Приладь, пожалуйста.

— Ладно,— говорю,— положи вон туда.

От этих моих слов Шамсибанат-килен даже подпрыгнула. Такая упрямая женщина! Опять пошла трещать — ушам больно!

— Зачем,— говорит, —туда? И для чего я это буду класть! Тут,— говорит,— всей работы — раз плюнуть.

Степан Петрович посмотрел на нее с удивлением:

— Зачем оно тебе, это ботало? Другие ведь обходятся без него.

— Как зачем! — затараторила Шамсибанат.— Да я, если хотите знать, без него, все равно что без ушей. Я, если хотите знать, даже когда сплю, слышу, где ходит моя корова. Как только ботало перестает звенеть, я вскакиваю с постели. Не случилось ли, думаю, чего, не стряслась ли какая беда с моей буренушкой? Ко мне и сон не идет, пока не услышу, как снова зазвенит ботало... Оно же мне весть подает о моей кормилице!

— Ловко это ты придумала,— говорит Степан Петрович.

— Ловко там или не ловко, — отвечает Шамсибанат-килен,— а вы уж приладьте мне ушко, почините ботало.

Такая она въедливая, наша Шамсибанат! Если ей чего-нибудь втемяшится в голову, нипочем не отстанет. Но только до нее ли нам, когда надо срочно отремонтировать барабан?

— Оставь,— говорю.— Освободимся — сделаем. Видишь, заняты мы. Из-за этого барабана в поле работа стоит.

А она продолжает твердить свое. «Я,— говорит,— на вас надеялась... Я,— говорит,— в такую темень пришла... Мне,— говорит,— без ботала никак нельзя». Какое ей дело до того, что барабан от колхозной молотилки сломался! Сидит себе и сидит, все уши нам прожужжала. Так и не ушла, пока не закончили мы ремонт барабана. Ох, и надоела! Пришлось, только бы поскорее отвязаться, починить этот ее колокольчик. Взяла она его и пошла себе. На дворе ночь, темень, а она идет и звенит своим боталом.

Тут как раз бригадир Хасан с ребятами пришел за барабаном.

— Кто это,— спрашивает, — трезвонит в темноте?

— Шамсибанат-килен, — отвечаю.— Она же, как летучая мышь, темноту любит. Приспосабливается,— говорю,— к темноте. Шамсибанат-ярганат!..

Один из парней, на беду мою, сразу же и подхватил это прозвище.

— Шамсибанат — летучая мышь,— рассмеялся он.— Летучая мышь!

С этого и пошло.

По совести говоря, метко это было сказано. Ну как ее не сравнить с летучей мышью, если она настоящая летучая мышь! Кого ни спросите, каждый вам подтвердит.

Но имел ли я право давать человеку прозвище, унижать его достоинство? Об этом-то я и не подумал. Так, по старой привычке, сболтнул. Хочешь не хочешь, а моя вина.

Встречает она меня однажды на улице, Шамсибанат, останавливает и говорит:

— Товарищ Асгат!..

«Смотри-ка,— думаю,— с почтением обращается!»

— Товарищ,— говорит,— Асгат... Ты что... забыл, что сейчас не старые времена? Какое ты имеешь право,— берет она меня в оборот,— давать людям прозвища?

И пошла про советские законы говорить, про Конституцию. А я совсем растерялся, стою и не знаю, что ей ответить. Еле-еле с мыслями собрался:

— Возможно, Шамсибанат-килен, что-нибудь и было сказано. Разве упомнишь?

А ей, видно, только это и надо было.

— Ну,— грозится она,— ты еще меня попомнишь! — и пошла восвояси.

Что и говорить, она права. Не в такое мы время живем, чтобы унижать человека; в нашей стране человек окружен уважением, почетом. Но если подумать, так ведь не всякий человек. Если разобраться, то вроде я и правильно назвал ее летучей мышью.

В самом деле, кто она такая, эта Шамсибанат?

Если вы бывали в нашем селе Акташ, то, конечно, обратили внимание на один из домов, окруженный высоким забором с тяжелыми воротами. Он стоит неподалеку от клуба, у самой дороги, ведущей к озеру, как раз по соседству с домом дедушки Зиннатуллы. Ставни в этом доме закрыты зимой и летом,— не то от солнца, не то, чтобы кто-нибудь посторонний не заглянул. Вот здесь и живет Шамсибанат со своим мужем Галяви. Детей у них нет и не было: хлопотное, считают, занятие — растить детей. Живут они в полном достатке: есть и скотина, есть и птица, имеются пчелы, на огороде овощи, ягоды... Целый день, вроде земляных жуков, копошатся Шамсибанат и Галяви у себя на усадьбе. Нельзя сказать, чтобы они нарушали Устав: все у них в хозяйстве, как и положено колхознику. Придет время переписи скота, к ним не придерешься. Какая скотина была сверх нормы, успели заколоть и продать, глядишь: все сходится. Но корова-то у них стельная, овца суягная, теленок еще не успел превратиться в двухгодовалую телку, а телка еще не стала коровой. Прошла перепись, все это начинает телиться, ягниться, расти — опять полон двор скотины. Порядочно у них хлопот, трудолюбивые они люди, Шамсибанат и ее муженек Галяви!

И только когда надо идти на колхозную работу, начинают они затылки чесать, еле-еле ноги передвигают, и кряхтят, и потягиваются... Если что-либо из колхозного добра лежит неприбранное, ни Шамсибанат, ни муженек ее не подумают нагнуться, чтобы убрать на место. Другое дело, если поблизости никого нет и оставленную вещь можно унести домой, — посмотрели бы вы, как быстро начинают двигаться их руки и ноги!

Иные из колхозников попросту не замечают всего этого, другие делают вид, что не замечают (ну ее, эту Шамсибанат, свяжешься — не отстанет), а третьи не верят, что она на такое способна, очень уж она умеет зубы заговаривать. Как говорит старик Масалим: «Чистый дипломат!» Да и с начальством она хорошо знакома. Кто бы ни приехал в колхоз — Шамсибанат тут как тут. Расскажет приезжему все

[1] Килен — невестка.
[2] Агай — обращение к пожилому мужчине.

колхозные новости, одобрит его замечания, два—три слова ввернет о недостатках, да так, будто болеет о колхозных делах. Так и влезет в душу человека, все у него выспросит, обо всем разузнает. И пойдет о ней повсюду молва: «Шамсибанат — активистка!»

Попробуй-ка придерись к ней, к этой Шамсибанат!

Пригрозила она мне: «Попомнишь!» И после этого, чувствую, таит против меня злобу. Уж я и так и эдак, пробую все в шутку обратить. Куда там! «Личность,— говорит,— закон,— говорит,— я тебя,— говорит,— проучу!» «И чего ты,— стараюсь я ее успокоить,— сердишься, Шамсибанат-килен? Летучая мышь — это же совершенно безвредное существо, так сказать, не животное, не птица. Стоит ли из-за нее шум поднимать?» Нет, и слушать не хочет.

Вызвали меня по ее жалобе в правление колхоза. Пошел. Гляжу: собралось довольно много народу. За столом сидит председатель колхоза товарищ Хатмуллин. И председатель сельсовета товарищ Галин тоже тут. Конечно, и Шамсибанат-килен красуется, принаряженная, губы от злости надула. Посмотрел я на нее, сразу понял: «Ох, и взгреют!» Зачитывают жалобу. Крепко написано. Ничего не забыла, проклятая, даже старое мое прозвище вспомнила. «Советская власть,— пишет,— и самого-то Асата-злоязычного человеком сделала, Асгатом... Какое же право имеет товарищ Асгат Яруллин оскорблять члена колхоза, советского гражданина?» Знает-таки, чертовка, за что ухватиться. «Поделом тебе, думаю, Асат-злоязычный, попал теперь в капкан!» А товарищ Галин тем временем спрашивает:

— Ну, как? Правда это, товарищ Яруллин? Чего уж тут скрывать, правда ведь.

— Был такой грех,— отвечаю,— виноват.

Тут и товарищ Хатмуллин вмешался, покачал головой:

— Ты это как: не подумав сказал или обдумав?

Ну, я врать не люблю: умел сказать, сумей и ответ держать.

— Если сказал, конечно, подумал.

Стали тут меня отчитывать, только держись! Так, мол, и так, говорят, унижаешь личность, старые, говорят, пережитки вспоминаешь. В пух и прах разнесли.

«Накликал,— думаю,— беду на свою голову!»

Наконец товарищ Хатмуллин посмотрел на Шамсибанат и предложил:

— Может, поладите между собой, миром кончите?

— Нет, нет и нет,— затрещала Шамсибанат-килен.— Он из меня посмешище сделал, и чтобы я мирилась с ним! Да провались я на этом месте!

«Пожалуй,— думаю,— маленько ошибся я: ты не то что мышь летучая, а змея гремучая! Но лучше бы мне с тобой не связываться».

А товарищ Галин, словно угадав мои мысли, как бы между прочим заметил:

— Почему, собственно, летучая мышь? Почему, скажем, не кукушка или, допустим, утка? — и улыбнулся.

Остальные, ожидая, что я отвечу, тоже улыбаются.

— Видите ли,— отвечаю,— Шамсибанат-килен вроде боится дневного света, не особенно любит, чтобы люди видели, как она живет. Должно быть, поэтому и было сказано. К тому же и с именем ее схоже — Шамсибанат-ярганат.

Некоторые из сидевших в правлении не удержались, так и прыснули. А Шамсибанат-килен глянула на меня со злостью и говорит:

— Что у него на уме, то и на языке.

Я, что ж, я, конечно, помалкиваю.

А товарищ Галин, не будь глуп, возьми да спроси у товарища Хатмуллина:

— Кстати, а как Шамсибанат в колхозе работает?

Наша Шамсибанат, сами понимаете, не такой человек, чтобы дожидаться, пока про нее скажут. И слова вымолвить товарищу Хатмуллину не дала, вперед вылезла.

— Да я бы,— говорит,— без колхоза и дня не прожила... Колхоз,— говорит,— человеком меня сделал... Мне ли не любить колхоз!..

— Постой-ка, Шамсибанат, погоди минутку,— остановил ее товарищ Галин.— Любовь любовью, а работа работой. Вот я и спрашиваю у товарища Хатмуллина, как ты работаешь.

Шамсибанат опять норовит сама ответить:

— Да уж от работы не бегаю...

А глаза ее так и шныряют по сторонам. Беспокоится, видать. Мне, понятно, полегчало. Ну, раз уж о работе пошел разговор,— язык ее укоротится. Все же ее знают. С благодарностью посмотрел я на товарища Галина. «Пронесет беду»,— думаю себе.

— По силе возможности стараюсь,— повторила Шамсибанат.

И хорохориться перестала. Вроде даже с лица она пожелтела, щеки дрожат. Эге, в самое больное место угодили! Была, можно сказать, индейка, а стала мокрой курицей.

— Она у нас,— сказал наконец товарищ Хатмуллин,— как говорится, законница. Есть закон, чтобы минимум трудодней выработать, вот и опасается она нарушить его.

Товарищ Галин улыбнулся, тут и другие стали улыбаться. А эта Шамсибанат, не разобравшись толком, выпалила на радостях:

— Правильно! По закону работаем. Где это видано, чтобы нарушать закон.

После этих ее слов все уже откровенно рассмеялись.

— Так ведь, Шамсибанат,— говорит товарищ Галин,— закон в данном случае не в твою пользу. Видишь ли...

— Как это не в мою? — перебила его Шамсибанат и давай опять горячиться: — Да что это вы говорите такое? Все советские законы в нашу пользу!

«Ну,— думаю,— коли на то пошло, свила ве-



Чайхана

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Вы когда-нибудь в колхозной чайхане
Под навесом камышовым, на ковре,
Чай зеленый распивали при луне
Или в полдень, забывая о жаре!

Тут, за пестрой занавеской, у плиты,
Необъятный самовар заполыхал.
Расцветают, словно майские кусты,
Горы чайников и маленьких пиал.

На кошме, на возвышенье земляном,
Дыни бурые и желтые лежат,
И соседствует с душистым кипятком
Сизо-розовый прохладный виноград.

Здесь узорные лепешки подают,
Что дымящегося чая горячей.
Здесь тенистый обеспечили уют
Кроны пыльных, но густых карагачей.

Здесь урючины с орехом обнялись
Над щебечущим, как птица, ручейком,
А бездонную полуденную высь
Отражает неглубокий водоем.

Здесь беседуют о жизни старики,
А в обед, народом плотно окружен,
Агитатор от строки и до строки
Вслух прочитывает «Кзыл Узбекистон».

Часто юноши, пристроившись в углу,
Тут склоняются над шахматной доской.
И, пахучую отставив пиалу,
Каждый молча ход обдумывает свой.

Академик и поэт Гафур Гулям
Здесь читал стихотворения свои,
«Танец сборщицы» плясала Мукаррам —
Балерина из театра Навои.

Каждый жест ее был дорог и знаком,
Словно сборщицей и впрямь она была,
И над ней, как над раскрывшимся цветком,
Зачарованная плавала пчела.

Здесь конструктор с «Ташсельмаша»
разъяснял,
Как машиной можно хлопок убирать.
Есть приемник замечательный «Урал»,
Так что людям не приходится скучать.

За порогом — орошенная земля,
Первый трепет рано вспыхнувшей звезды,
Окаймленные тутовником поля,
Обнесенные дувалами сады.

Вдалеке сугроб нетающий растет,
И полуторки, груженные сырцом,
Мчась на хлопкоочистительный завод,
Огибают чайхану и водоем.

За развилкою в пыли стихает гул.
Завершается большой и знойный день.
Над водою ветку гибкую пригнул
На урючину повешенный кетмень.

Предвечерний ветерок — бесценный дар.
Где-то бубен будоражит тишину,
А в пристройке полыхает самовар.
Заходите, заходите в чайхану!

ревку из ржаного теста, теперь сама попадет в капкан».

— Что верно, то верно,— поддакивает товарищ Галин.— Советское правительство всегда выносит законы для пользы народа. Но ведь закон не запрещает никому работать лучше. Вот это и имел в виду товарищ Хатмуллин.

— Вот те на!— вспыхнула Шамсибанат.— Не скажет такого наш председатель. Он ведь знает, что у меня трудодней не бывает меньше минимума.

И несет, и несет, сама не знает, что говорит. Вот уж язык, прости господи! На свою голову мелет... Мне даже жалко ее стало.

— Хватит! — хлопнул ладонью по столу товарищ Галин.— Понятно! Минимум, конечно, лучше, чем ничего. Однако честные колхозники думают о максимуме.

Шамсибанат-килен, как норовистый конь, встрепенулась и понесла.

— Как вам это нравится?! — накинулась она на председателя сельсовета.— Меня обидели, меня оскорбили, и я же, выходит, виновата!

Екнуло мое сердце. Опять, значит, примутся за меня.

— Так как же, товарищ председатель колхоза? — спрашивает товарищ Галин.— Как вы смотрите на вопрос о летучей мыши?

— Не знаю, что и сказать,— отвечает товарищ Хатмуллин. — Действительно ли это такое оскорбление — назвать человека летучей мышью?

Тут наш бухгалтер достает из шкафа довольно толстую книгу. Он у нас, бухгалтер, занятный человек: любит, чтобы все как по писаному было. Встретится какой-нибудь непонятный вопрос — сейчас же в книгу полезет. Так и в данном случае: достал книгу и протягивает ее товарищу Хатмуллину.

— Здесь должно быть написано про летучую мышь,— говорит он,— посмотрите.

Председатель колхоза улыбнулся, взял книгу, начал листать.

— Ну-ка, ну-ка,— бормочет,— интересно, что тут написано! По-башкирски — ярганат, выходит, по-русски — летучая мышь. Ла... ла... ле... лет...

А люди столпились вокруг, тоже в книгу заглядывают.

Гляжу: Мирсей, сосед Шамсибанат-килен, входит в правление. Я потому обратил на это внимание, что не любит он Шамсибанат, как мышь с кошкой живут они. Если дело примет для меня дурной оборот, Мирсей обязательно скажет два — три слова в мою пользу.

— Та-ак... — ищет между тем товарищ Хатмуллин.— Лет... лету... Летучая мышь... Нашел! — Он начинает читать и тут же переводит с русского на башкирский.— Глядите, оказывается, она похожа и на мышь и на птицу. Тут сказано про нее, что любит она темноту, живет, сказано, в укромных местах...

Слышу, народ начинает тихонько посмеиваться.

— Вон как! — перешептываются люди. — Подходяще написано!



— Предпочитает жить в одиночку, нежели сообществами,— читает председатель.

— Очень правильно сказано! — не утерпел Мирсей.

— Питается разными насекомыми, растениями...

— Выходит, что ни попадется ей на глаза, то и хапает,— сказал кто-то.

И опять все рассмеялись, но только уже громко, не таясь.

— Шея короткая, рот большой...

— Ну если уж насчет рта, так он у нее лопатой продырявлен,— снова перебил Мирсей и еще ближе придвинулся к столу.— Смотри-ка, знающие люди писали!

— Зубы хорошо развиты, слух острый...

Тут уж никто не сдерживался, как грохнут — стены задрожали. А Шамсибанат наша: то ее в жар кинет, то побледнеет и никак на месте не усидит.

— Один из видов летучей мыши порой издает свистящий звук, а порой — душераздирающий крик.

— Вот, вот, это когда заходит речь насчет работы в колхозе,— под общий хохот сказал Мирсей.

И все заговорили сразу, хохоча, перебивая друг друга:

— Ну и ну! Здорово ведь совпадает!

— Точь-в-точь вылитая она...

Люди начали вспоминать различные проделки Шамсибанат и ее муженька Галяви.

Шамсибанат-килен, не выдержав, как вскочит — и давай бог ноги вон из правления.

Я было обрадовался: миновала гроза. Куда там, все ж таки взгрели меня! Хорошо еще, что я как-никак обозвал ее по заслугам. А то была бы такая выволочка! Пора, конечно, отвыкать от старой привычки давать людям прозвища. Не в такое время живем. Нельзя унижать достоинство человека. Но, с другой стороны, пусть не будет и летучих мышей. Правильно я говорю или нет?

Вот так-то!

Авторизованный перевод с башкирского Ефима ДОРОША.

Хорошие знакомые

Иван РЯДЧЕНКО

КОМСОРГ

— До чего ж зоркий глаз! —
говорят о комсорге.
Все ребята у нас
от комсорга
в восторге.

— Комсомольцы, вперед! —
призывает он в речи
и берет
в оборот
тех, кто ленью отмечен.

Ну и критика, брат,
невзирая на лица!
Адресат ее рад
от стыда
провалиться.

— Селезнев опоздал...
Думал: «Будет негласно...»
А кому это наруку!
Кажется, ясно!..

Что ты скажешь в ответ!
Неприятно и горько.
Все считают, что нет
лучше Маши-комсорга.

До чего ж хороша
в синем платьице Маша!
Вроде наша душа,
вроде молодость наша!

Только чуткости к нам
у нее маловато...
И не спят по ночам
холостые ребята!

ВЫ ВИДИТЕ, ТОВАРИЩИ...

Вы видите, товарищи:
за спину руку сунувши,
веселый, напевающий
спешит вихрастый юноша.

Шагает, улыбается,
под фонарями жмурится,
не там, где полагается,
пересекает улицы.

Идет, поет заливисто
и не жалеет голоса.
Всей пятерней порывисто
приглаживает волосы.

Ну, что же в том хорошего!
Зачем такие шалости!
Толкнул в толпе прохожего,
сказал ему «пожалуйста»...

Он движется стремительно.
И молча строголицая
глядит неодобрительно
на юношу
милиция.

А он вина не пробовал
от самого рождения.
А просто есть особая
причина поведения.

Не студит ветер дунувший
любовь неопалимую.
Впервые в жизни юноша
поцеловал любимую!



А. И. Лактионов. В НОВУЮ КВАРТИРУ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.



А. М. Гуревич, И. И. Юхно. НА КОЛХОЗНОМ СТАДИОНЕ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Там, где труд — проклятье

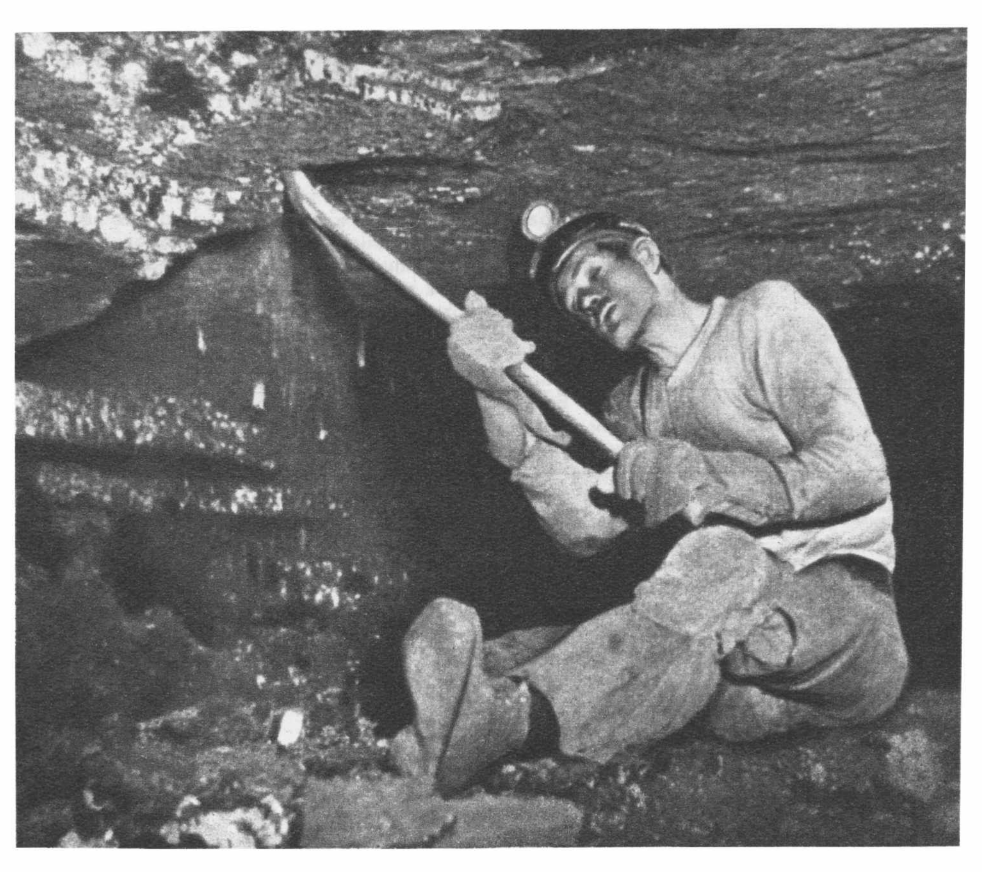
Заметки журналиста

В. МОРЕВ

На чикагские бойни мы отправились в зимний день. Поезд подземки долго мчался, громыхая, под землей. Промелькнули однообразные, выложенные мелкими кафельными плитками станции. На Южной стороне, у самых боен, поезд вынырнул на поверхность, на высокую эстакаду, и пронесся мимо деревянных домишек негритянской бедноты. За ними сразу же потянулись бесконечные загоны для скота. Наконец покидаем вагон и идем в указанном нам направлении.

Невдалеке по наклонным мосткам (они тянутся целый километр, поднимаясь с земли до высоты примерно четвертого этажа) сплошным потоком бредет, натужно мыча, «говядина на копытах» — так здесь называют убойный скот. По другим таким же мосткам с визгом и хрюканьем поднимаются свиньи...

У высокого кирпичного здания бойни стоит густой запах паленого рога и горелого мяса. В небольшой комнате на четвертом этаже, специально отведенной для туристов, собралась группа американских провинциалов. Они приехали, чтобы установить лично, каким образом мычащие, визжащие, хрюкающие четвероногие превращаются в сосиски и колбасу. На столе лежат рекламные проспекты и карты, на которых яркими квадратиками отмечены бойни и мясозаводы. Карты Соединенных Штатов и Канады сплошь испещрены такими квадратиками...



Более 6 тысяч американских шахт лишены современной механизации. На снимке: допотопные методы добычи угля в одной из шахт Харлем Каунти (штат Кентукки).

Посетителям предлагают слегка поджаренные сосиски. Но запах бойни вызывает тошноту, и все отказываются от дарового рекламного угощения.

Появляется только что проводивший предыдущую группу туристов служащий. Он приглашает следовать за ним — туда, где происходит разделка свиных туш.

Мы наблюдаем за конвейером. Подвешенная на крюк туша катится по монорельсу на ролике. За те секунды, в течение которых она проходит мимо рабочих, стоящих на узких, скользких от воды и крови мостках, каждый из них должен выполнить определенную операцию.

Я слежу за пожилым в белом халате рабочим. Узким длинным ножом он срезает с туши длинную полосу мяса и кожи. Срезает с усилием, резким движением руки: вверх и тотчас же вниз. Я гляжу на часы: взмах и спуск каждые пять секунд. Но вот рука задержалась на какой-то момент — то ли нож подвернулся, то ли кожа попалась толстая. А туша продолжает двигаться. Рабочий до предела наклоняется и наконец-то, с большим трудом, срезает злополучную полоску. Но в это время на него уже надвинулись две другие туши.

Взмахи руки с ножом учащаются, движения становятся резче. А туши все идут и идут по конвейеру. Резчик не может сойти с места, чтобы догнать их: рядом стоит другой рабочий, выполняющий следующую операцию. Решив, что ему не нагнать конвейер, резчик переводит две туши на запасной боковой рельс, имеющийся возле каждого рабочего. Затем, лихорадочными движениями, наклоняясь всем телом влево, он старается поскорее срезать свою полоску с туш, которые еще только подходят к нему. На лбу его крупные капли пота, но вытереть их некогда: конвейер продолжает свое неумолимое, стремительное движение. Наконец удается создать «задел» и сэкономить несколько секунд для того, чтобы срезать проклятую полоску с одной из туш, стоящих на запасном рельсе... Она уходит на основной конвейер, но вторая все еще висит... Рабочий украдкой, с тревогой оглядывается: не заметил ли случайно мастер, что он не справляется с конвейером? Резчик удесятеряет усилия, руки уже не поднимаются, а летят вверх, как птицы. Вскоре удается обработать и возвратить на конвейер и вторую тушу. Улучив мгновение, рабочий рукавом вытирает пот со лба. А на него напирает уже новая масса свиных туш. И снова взлетает занемевшая рука, снова блестит в ярком электрическом свете узкий тяжелый нож.

Мы задаем экскурсоводу несколько вопросов. Сперва он уклоняется от разъяснений, но затем признает, что резчик, работающий на конвейере, почти не имеет возможности в течение двух часов опустить руки и вынужден все время держать их высоко над головой.

В соседнем отделении та же картина. По конвейеру идут части свиной туши, разделываемой под бекон. Каждая часть весит 10 — 12 килограммов. Ребра уже перепилены, отделены от позвоночника, и теперь их надо вырезать из туши изогнутым ножом с двумя ручками. Мы стоим напротив рабочего, выполняющего эту операцию... У него руки атлета (слабые здесь не выдерживают, признает экскурсовод). Непрерывно вздуваются бугры мускулов, напрягаются вены. Сильным рывком рабочий вырезает ребра и бросает обработанную часть туши на цинковую ленту конвейера. Но в это время подошла следующая — для отдыха остаются считанные доли секунды...

Через широкое стеклянное окно, прорезанное у самого потолка, мы смотрим на операционный зал, где развешивают бекон. На высоких стульях сидят девушки-работницы. С быстро движущейся ленты конвейера они берут ломти бекона, кладут их на пергаментную, расцвеченную яркими красками рекламы бумагу и бросают на весы, то добавляя, то отбавляя немного, чтобы выровнять вес...

Вот одна из работниц замешкалась, и ломти бекона уже проходят мимо нее, не взвешенные, не упакованные. К ней подходит надсмотрщица и что-то сердито говорит... Девушка волнуется, беконные ломтики валятся у нее из рук. Надсмотрщица хватает бекон с ленты и бросает на соседний конвейер — там сидит более проворная. Затем она сердитым жестом подзывает одну из упаковщиц и указывает ей на высокий стул, где сидит окончательно растерявшаяся работница. Та отходит, вытирая слезы, а ее преемница быстро занимает ее место. Надсмотрщица жестом показывает плачущей девушке дверь огромного зала — за расчетом...

— Выгнали,— весело поясняет нам гид, и на его откормленном лице расплывается глупая улыбка.

Осмотрены огромные коптильни. Нас ведут в подвалы, где сколачивают деревянные ящики. Тут темно и сыро, сквозь незакрывающуюся дверь тянет морозный сквозняк. В углу, рядом с конвейером, уносящим вверх готовые ящики, стоит машина для сколачивания досок.

Рабочий наклоняется, берет со штабеля развертку ящика, резким движением рук складывает ее и подставляет под машину. Частыми ударами бойка она заколачивает гвозди, предварительно обертывая их проволокой. Сильные удары передаются рукам рабочего. Он шатается, еле держится на полусогнутых ногах. Мы смотрим на часы. Два десятка ударов бойка, пятнадцать секунд,— ящик готов. Рабочий бросает его на конвейер, а затем быстрым рывком хватает новую развертку. Пятнадцать секунд, два десятка быстрых ударов,— ящик готов. Новый рывок, два десятка ударов,— ящик готов...

Это не работа — это бешеная гонка. Норма огромная. Не выполнишь — за ворота! Всегда



Бастующие рабочие медных рудников в одном из американских штатов своими телами преграждают грузовому составу путь к руднику.

найдутся голодные люди, готовые за гроши занять твое место у этой изматывающей, убивающей человека, непрерывно движущейся ленты...

Резервная армия безработных всегда стоит у ворот, способствуя самим фактом своего существования бесчеловечной эксплуатации тех, кому удалось получить работу. Именно так и оценил роль армии безработных бывший президент США Трумэн, заявивший в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс»: «Это хорошо, когда поиски работы продолжаются во все времена. Это здоровый фактор для экономического организма...»

Даже американская печать, далеко не склонная показывать всему миру язвы капитализма, вынуждена писать о том, что потогонная система, царящая на предприятиях США, калечит и губит американских рабочих. Недавно в одном из журналов появилось письмо работницы-текстильщицы Голдштейн из городка Лоуренс в штате Массачузетс. Текстильщица указывала, что на их фабрике прядильщицы не в состоянии справиться с работой и падают в изнеможении. «Одна повредила себе спину,— писала она,— другая растянула сухожилие, многие падают в обморок. Прядильные ватеры двигаются так быстро, что нельзя отойти, чтобы выпить глоток воды. Мы подали жалобу. Представитель профсоюза в ответ на это заявил: «Либо вы будете обслуживать эти станки либо потеряете работу...» Единственно, что сделала компания в связи с этой жалобой,— поставила в цехе носилки для тех, кто не выдерживает гонки».

Жертвами свирепой потогонной системы на американских заводах и фабриках становятся миллионы людей. В одном только 1951 году в промышленности США от несчастных случаев пострадали 2 миллиона человек. 16 тысяч из них погибли. Бывший президент Трумэн в одном из своих публичных заявлений признал, что несчастные случаи в США стали «потрясающей национальной трагедией...»

* * *

Кто не помнит Чарли Чаплина в фильме «Новые времена»? Талантливый американский актер выразительно показал, как рабочий становится жалким придатком конвейера, выматывающего из него все силы, выжимающего его, как мочалку, сводящего с ума, после чего фирма безжалостно выбрасывает на улицу человека, потерявшего силы и здоровье.

Но не везде для эксплуатации рабочего в Америке применяют машину. Там, где для босса выгоднее использовать живую рабочую силу, до сих пор живут старые, допотопные приемы ручного труда. Сотни тысяч сельскохозяйственных рабочих-батраков — в их числе многие тысячи детей — собирают на полях южных и западных штатов хлопок; десятки тысяч негров трудятся на скипидарных фабриках во Флориде; десятки тысяч портовых грузчиков работают на восточном, западном и южном побережьях — и все это тяжелый ручной труд. Более шести тысяч американских шахт лишены современной механизации.

Ранней весной 1950 года мне довелось встретиться с бастующими американскими шахтерами в горняцких поселках южной Пенсильвании и западной Виргинии. В одном из небольших поселков на берегу мутной быстрой реки Мононгахела я разговорился со старым горняком. Его большие, мускулистые руки дрожали от долгих лет тяжелого труда. Горняк сидел на пороге дощатой хижины, в которой жил он сам и его сын с женой и детьми... Мой собеседник говорил медленно, часто останавливаясь, чтобы изъеденными туберкулезом и угольной пылью легкими вдохнуть воздух. Под землей он не работал уже несколько лет, и теперь лишь изредка выпадала на день — два работа по сортировке угля.

— У нас здесь еще ничего,— говорил он.— Какие ни есть, а механизмы. Только за креплением да газом надо следить, чтобы не пришибло обвалом или взрывом. А вот работал я в Иллинойс (штат Иллинойс. — **В. М.**), там все вручную — и уголь рубят и вагонетки откатывают. Компания могла, конечно, купить врубовые машины, наладить механическую откатку. Но шахтенка была маленькая, вот и гнули мы спину, чтобы норму выдать. Да еще прикатишь вагонетку, а учетчик кричит: «Не засчитываю, породы много у тебя!» Хочется его, проклятого хозяйского прихвостня, кайлом стукнуть, да нельзя... Вот и терпишь до забастовки...

В поселке Мартинтаун — типичном «компанейском» (то есть принадлежащем промышленной компании) городке — я увидел допотопную коксовую батарею, названную «бихайв» (пчелиный улей). Это примитивное кирпичное сооружение тянулось вдоль всего поселка. Бастующие шахтеры рассказали мне, что уголь в круглые цилиндрические печи батареи загружается вручную. Рабочему, стоящему у печей (на каждого приходится по 2—3 печи), в зной и в стужу без какого-либо прикрытия приходится за день загружать лопатой 20—22 тонны угля и выгребать 14—15 тонн кокса. От такого адского труда люди быстро надрываются, заболевают, теряют здоровье.

Хмурым, туманным днем в городке Юнионтаун в Пенсильвании я разговорился со старым рабочим. Он стоял, прислонившись к шершавой бетонной стене меллоновского банка, и щурил глаза на улицу, по которой непрерывным потоком катились автомобили: через городок проходила крупная шоссейная дорога, соединяющая район Чикаго с восточным побережьем. Сложив на палке узловатые, натруженные руки, старик часто моргал веками. Мой собеседник отработал на заводах Пенсильвании и западной Виргинии сорок лет...

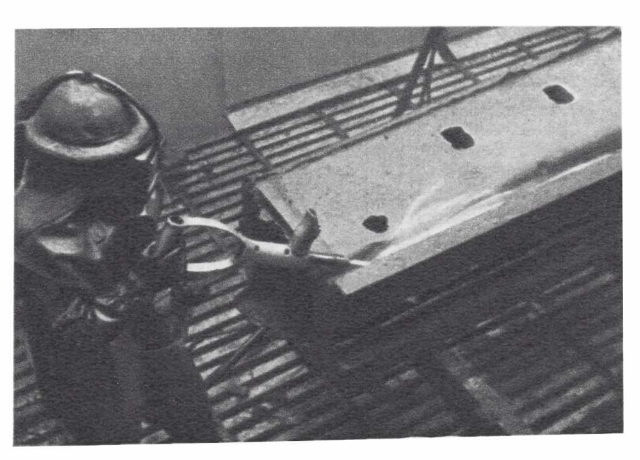
— Сколько тут,— старик постучал локтем о стену банка,— моего труда и пота вложено! А хозяин всему — Меллон. Прочел я как-то в одной газете, что с каждого рабочего они получают («Компания», — ответил он хмуро на мой вопрос, кто это «они») в год две с половиной тысячи долларов прибыли. Значит, за сорок лет сто тысяч долларов моих тут положено... А у меня и цента медного нет за душою...

Старик замолчал. Глаза его сверкнули ненавистью.



На чехословацком заводе

С воодушевлением трудятся чехословацкие рабочие на предприятиях, принадлежащих народу. Среди заводов тяжелого машиностроения Чехословакии передовое место занимает коллектив народного предприятия Ковосвит в городе Сезимово Усти: план первого квартала 1953 года выполнен на 102,5 процента. Рабочих вдохновляет сознание того, что продукция их завода идет и в другие страны народной демократии, способствуя укреплению уз дружбы между народами лагеря мира.



Очистка чугунного литья при помощи струи воды под давлением 100 атмосфер. Применение этого метода дает 40 процентов экономии рабочего времени.



←

Этот токарный станок-автомат предназначен для Китайской Народной Республики. К маю завод отправил в Китай уже десять таких станков.

Фото Чехопресс.

Когда зритель ВЗВОЛНОВАН...

Эм. МИНДЛИН

Фото Н. Савченко.



«Маринэ (Стрекоза)» — комедия М. Бараташвили. Сцена из 1-го действия. Бабушка Ефросинэ — заслуженная артистка УССР Л. Криницкая, Маринэ — заслуженная артистка УССР П. Куманченко.

Свыше тридцати лет (с 1922 года) существует в Харькове Академический украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко. Успех его у зрителей очевиден: театр хорошо знает и глубоко чувствует то, о чем говорит.

Ближе всего театру и, значит, лучше всего удаются ему спектакли четких драматургических жанров. Коли комедия, так чтоб смех в ней до слез! Коли драма, так чтоб на сцене действовали герои с могучими характерами и страстями! И каждый раз театр заставляет своего зрителя уходить после спектакля взволнованным и размышляющим.

Идет новая комедия советского украинского драматурга В. Минко «Не называя фамилий». Не сменяется табличка над кассой: «Билеты все проданы». Взрывы веселого, раскатистого смеха то и дело раздаются в многолюдном зрительном зале. Да и как не смеяться, когда молодую героиню, без счета меняющую наряды и женихов, зовут не как-нибудь,— Поэма! Ее мамашу — Диана, братца — Жанек! А отца — Карпа Карповича — Кик! Братец Жанек с дикими воплями носится по деревьям и по крышам дач и мечтает во всем походить на свой идеал — кинематографического Тарзана. Поэма Карповна (заслуженная артистка УССР О. Валуева) и ее подружка Бэла (О. Тимофиенко) только и говорят о нарядах да женихах. Эстетические их вкусы удовлетворяются пошлыми романсиками, вроде «О, эти черные глаза!» А убогий, исковерканный язык, которым изъясняются девушки, выражает их духовную нищету. Мамаша Диана Михайловна (заслуженная артистка УССР В. Чистякова) корчит из себя светскую даму, хамски помыкает домашней работницей и покорно терпит грубость своих детей. Жанеку она добывает незаслуженные им пятерки, воздействуя на слишком податливых учителей авторитетом мужа. Поэме подыскивает женихов, которые отвергаются один за другим, как только выясняется, что брачная жизнь с очередным кандидатом не сулит квартиры в столичном городе, собственного автомобиля, возможности блистать нарядами.

Всё в этих людях смешно: их претензии на положение «избранных», их представление о счастье, их мещанские вкусы. Потешаясь над ними, сначала не задумываешься, в какое время и где живет эта смешная семья чванливых и, несмотря на все их жеманство, грубых и примитивных людей.

Но вот на дачу приезжает из деревни старик Карп Сидорович с внучкой Галей — отец и племянница главы семейства. Диана Михайловна и ее дочка Поэма в ужасе: «простые» люди приехали в тот момент, когда на даче ждут гостей! Невозможно прогнать этих «простых», невозможно не посадить их за общий стол: ведь Карп Сидорович — отец Кика! Хороша родня — из деревни! Что скажут гости?.. Тут веселый смех в зале обрывается. Да что ж это за семья, наконец? Вот он, ее глава, только что прибыл из города,— Карп Карпович (народный артист УССР Д. Антонович), заместитель министра! Перед нами, стало быть, советская семья! Ее глава сам вышел из деревни, мальчишкой бегал бос и голоден; народу обязан он своим возвышением, благоденствием! Он рад отцу, приятно сейчас вспомнить родную деревню. Д. Антонович искусно показывает, как в «сановнике» просыпается милый, настоящий, живой человек. Правда, милого этого человека уже не раз пробирали в газетах за чванство, за бюрократизм — и отец требует от своего Карпуши ответа.

Беседа отца с сыном, однако, прервана телефонным звонком. Карпуша на глазах отца преображается: телефонный звонок действует, как условный рефлекс. «Сановник» намеренно не спешит поднять трубку — привычка заставлять собеседника ждать! Голос меняется, появляются сановитость, нотки высокомерия. Узнав, что звонит кто-то из «малых сих», гневается: кто разрешил беспокоить его на даче! Швыряет трубку. Ошеломленный отец-колхозник зрит сына в новом обличье. Откуда это барство в его Карпуше, бывшем комсомольце, бывшем комиссаре, вояке? И опять



«Не называя фамилий» — комедия В. Минко в постановке Харьковского академического украинского драматического театра имени Т. Г. Шевченко. Сцена из 1-го действия. Бэла (О. Тимофиенко), Диана Михайловна (заслуженная артистка УССР В. Чистякова), ее дочь Поэма Карповна (заслуженная артистка УССР О. Валуева) растроены известием о приезде родственников из деревни.

нет места для смеха в зрительном зале. Зритель призадумывается вместе с Карпом Сидоровичем. А в дальнейшем задумается и над словами Максима Кочубея, бывшего жениха Поэмы: «Кто ее, эту Поэму, так воспитал? Школа? Комсомол? Нет, конечно. Так кто же?»

Конечно, Карп Карпович поплатится за то, что позабыл, откуда вышел и кому обязан служить, поплатится он и за ротозейство. Лица, которым он по глупости доверял и которым мирволила его супруга Диана (в их числе последний претендент на руку дочери — Поцелуйко), оказываются жуликами. Поэма так и остается с разбитыми надеждами на «красивую» жизнь. Увядающая, служит она в загсе, регистрируя чужие браки. Нисколько не изменив прежних своих мещанских представлений о счастье, ловит она очередного жениха.

Постановщик спектакля (В. Оглоблин) и артисты саркастически обличают тех, которые, выйдя из народа и обязанные ему всем, оторвались от масс, возомнили себя «избранниками», вознесенными над «простыми» людьми! С настоящим увлечением художников, знающих, чего хотят и к чему стремятся, поставили эту комедию в театре имени Шевченко.

С таким же увлечением представлена веселая комедия грузинского драматурга М. Бараташвили «Маринэ» (идущая на русской сцене под названием «Стрекоза»).

Дружба советских народов проявляется в различных формах общения, в том числе и в таких, как постановка грузинской пьесы на сцене украинского театра.

Спектакль искрится юмором, весь пронизан музыкальностью. Украинские художники и зрители находят в нем свое, близкое: танцы и пение — элементы мастерства как грузинского, так и украинского драматического артиста. А поэтизация труда в этой пьесе близка духу каждого советского театра, в какую бы национальную форму ни было облечено его искусство.

Стрекозу-Маринэ играет заслуженная артистка УССР П. Куманченко, вызывая у зрителей неподдельный восторг жизненностью, правдивостью, точностью передачи всей душевной жизни попрыгуньи-певуньи. Звук голоса с прорывающимися еще детскими интонациями, танцующая походка девчонки, еще не привыкшей к тому, что она уже взрослая, трогательная непосредственность первой любви — все в этом образе полно юности, свежести, чистоты.

По забавному стечению обстоятельств, так веселящих зрителя, Маринэ приняли за ее тезку — прославленную Героиню Социалистического Труда. Певунье-попрыгунье приходится поразмыслить: а кто же она сама по себе? В чем смысл ее жизни на белом свете? Попрыгунья Стрекоза сначала в смятении. Но она не ломает, а лишь находит себя, когда отдается пленившей ее красоте труда. Такова мысль этого радостного, веселого и поэтического спектакля, поставленного Е. Киншиной.

Действие пьесы Ярослава Галана «Любовь на рассвете» происходит в Западной Украине, близ Гуцульщины, в селе Яснычи, весной 1949 года, незадолго до того, как автор пьесы был убит агентами Ватикана. Пьеса осталась незавершенной. Украинскому писателю Владимиру Беляеву принадлежит та редакция, в которой ныне идет «Любовь на рассвете».

В доме агронома Мыколы Воркалюка, старого коммуниста, перенесшего ужасы Освенцима, живут самые различные люди. Штефан Петрич — отец его покойной жены, бывший кулак, стяжатель, ростовщик, мироед (народный артист СССР И. Марьяненко). Окаменевшее, широкое, красное лицо. Над мутными глазами косматые седые брови. Тяжкий, «стопудовый» шаг. Ненавистник людей, он сам жалкий раб темной, стяжательской страсти, превратившей его в «аспида», по выражению его старухи-жены. С потрясающей силой изображает его И. Марьяненко. Что ему, уже стоящему одной ногой в могиле, деньги, земля, власть, богатство? А нет же, не унимая дрожи в руках, глотая слова, торопливо он молит бога о том, чтобы хоть перед смертью почувствовать себя «хозяином над хозяевами», припасть к земле и сказать ей: «Моя!» В этой судорожной, хриплой молитве собственника вся сущность образа Штефана.

Олена, его жена (народная артистка УССР С. Федорцева), замучена, истерзана им. Трагической маской кажется ее бледное, худое лицо с падающими на него прядями жидких седых волос. Это она похищает спрятанные Штефаном вещи и передает их священнику Юлиану — на колокол. Отец Юлиан (заслуженный артист УССР Г. Козаченко) узнал вещи: они принадлежали когда-то родителям маленькой Параски, убитым при гитлеровцах. Так начинает распутываться темный клубок преступлений, приподымается завеса над прошлым. В спектакле дана развязка событий, происшедших задолго до начала действия пьесы.

Параску удочерила учительница Варвара (заслуженная артистка УССР Н. Герасимова) — племянница участкового агронома Мыколы. Параску играет уже знакомая нам П. Куманченко. Ее Маринэ — лирически комедийный образ, полный веселья и жизни. В образе же Параски — черты горькой судьбы, недетская скорбь в уголках по-детски полуоткрытого рта. Не по-детски наморщен лоб, но по-детски выразительны жесты, как бы договаривающие то, для чего у ребенка не хватает слов.

Люди, живущие под одной кровлей со старым Штефаном, чужды ему. Близок ему только Лука (артист Я. Геляс), сын агронома Мыколы — возвращенец из западной зоны. Один Штефан знает: Лука — гитлеровец, это он, Лука, убил родителей Параски, это он только что выпустил льва из клетки странствующего зверинца, чтоб навести страх на деревню и сорвать первую посевную в молодом еще колхозе. Одному Штефану известно, что Лука — тайный враг всем окружающим, начиная с собственного отца...

— Волк! — с восхищением говорит о нем дед.

Лука собирается убить Семена Негрича, который подозревает его и грозит разоблачить. Параска случайно узнает об этом и спешит предупредить Семена. Лука стреляет в разоблачителя и попадает в Параску. Мыкола приносит убитую Параску в дом; он видел, кто убил девочку: его сын! Дрожащими руками старый Штефан приподнимает тяжелую крышку кованого сундука и достает из него две свечи, чтобы зажечь их у изголовья покойницы. Скупец, скаред, даже в такую минуту он с сожалением расстается с «добром», со свечами, сохраненными в сундуке! Но на этот раз дрожит он не только от жадности. Радость при мысли, что волк Лука начал действовать, мешается в нем со страхом перед возмездием. Чувство страха берет верх. Штефан прячется от людей.

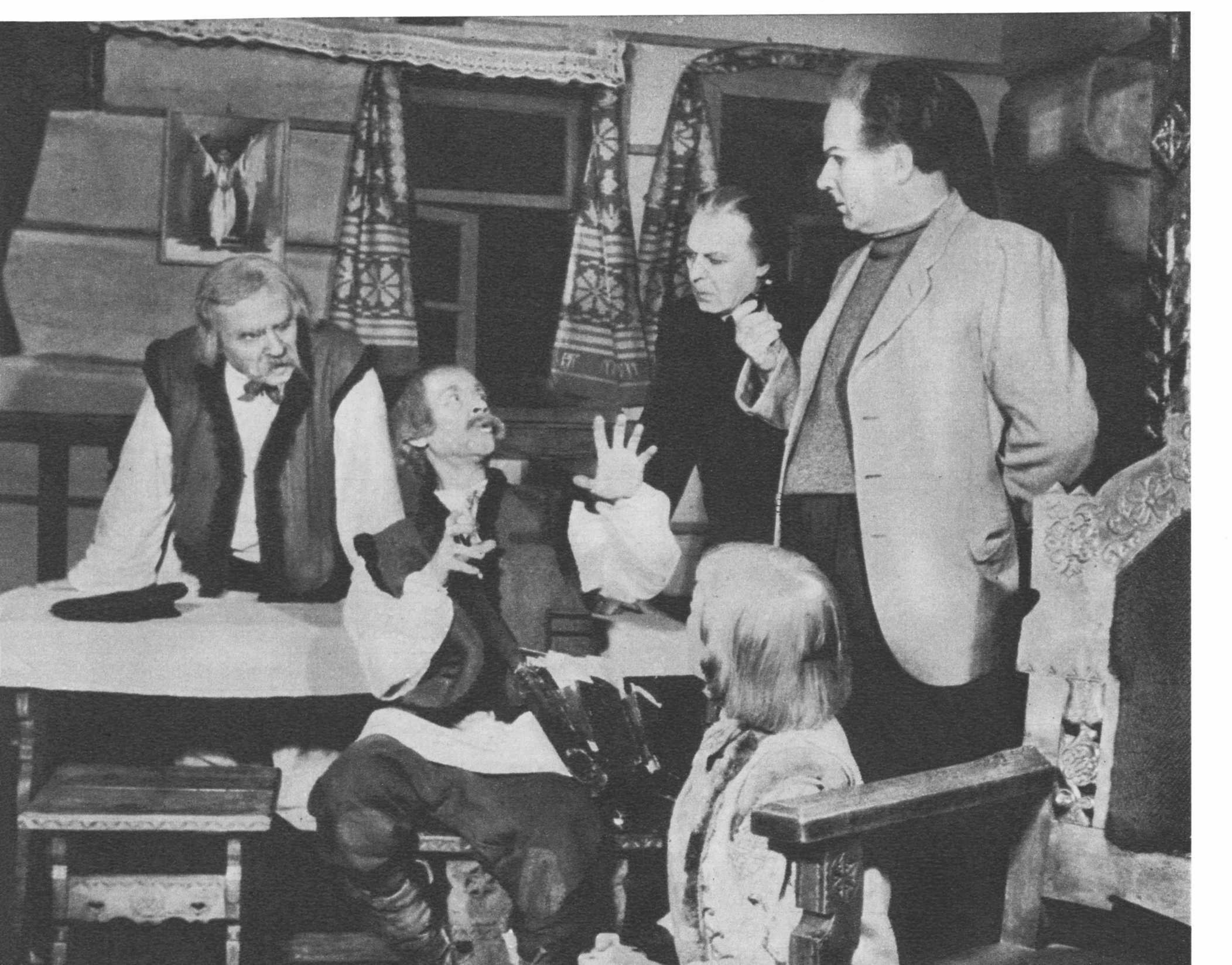
События нарастают. Лука разоблачен. Мыкола (народный артист СССР А. Сердюк) вырывает из сердца последние чувства отцовства: он стреляет в преступника-сына. Лука ранен, но не убит. Смертельную пулю посылает ему Варвара, женщина, которую он любил. Всю силу своей женской любви Варвара мужественно переключает на ненависть...

Приходит прощаться с телом Параски отец Юлиан. Он поднимает руку осенить себя крестным знамением — и не доносит ее до лба. Все происшедшее под кровлей дома Мыколы открыло глаза отцу Юлиану. По-новому понял он, в чем заключена истинная любовь к человеку. И Юлиан отказывается от сана: он начнет новую жизнь...

Зритель потрясен смертью Параски, героическим поступком Мыколы, личной драмой Варвары. И вместе с тем зритель радостно аплодирует торжеству правды в этом спектакле (постановка Б. Норда). Скульптурно вылеплены образы героев. Непримиримо схватываются в борьбе словно резцом очерченные характеры. И как во всякой настоящей народной трагедии, кто б ни погиб,— торжествует правда!

Зритель смотрит этот превосходный спектакль с таким же волнением, с каким замечательные артисты играют его. Зрители и художники отлично понимают друг друга.

Хорошо зрителю с такими художниками, и хорошо художникам с таким зрителем!



«Любовь на рассвете» Я. Галана. Сцена из 1-го действия. Штефан Петрич (народный артист СССР И. Марьяненко), почтарь Федор (А. Свистунов), отец Юлиан (заслуженный артист УССР Г. Козаченко), Параска (заслуженная артистка УССР П. Куманченко), Мыкола Воркалюк (народный артист СССР А. Сердюк).

Альбом Федора Баганца

Старинный, в коричневом переплете альбом. На слегка пожелтевших листах ватмана акварелью написаны виды Петербурга середины прошлого века. Но это не тот Петербург, который сравнительно широко представлен на картинах, рисунках и гравюрах мастеров минувшего столетия, запечатлевших парадные части города, торжественные церемониалы, прогулки разряженной петербургской знати...

На 29 листах этого альбома художник изобразил тогдашние окраины Петербурга: Озерной и Ковенский переулки, Преображенскую улицу, Невский проспект от Аничкова моста в сторону Лиговского канала... В этих строках нет описки: эта часть Невского проспекта в то время была окраиной.

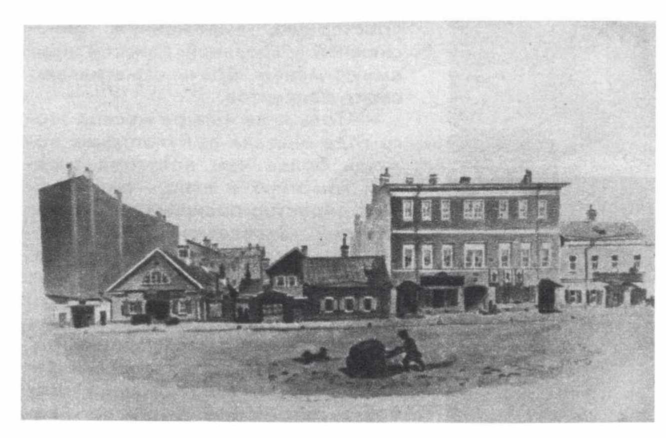
Альбом акварелей незаурядного мастера городского пейзажа, воспитанника Академии художеств Федора Баганца (1834—1873) запечатлел не только облик рядовой петербургской застройки, но и городской быт середины XIX века. На акварелях изображены водовозы, служебные дворовые постройки, кабаки, деревянные мостки тротуаров, подслеповатые окна полуподвальных квартир, «уличный быт» трудового населения города.

Около столетия прошло со времени работы Баганца над акварелями, ныне хранящимися в Государственном музее истории Ленинграда. Сильно изменился за это время облик города, неузнаваемы стали почти все места, изображенные художником. Но некоторые рисунки все же сразу ориентируют человека, бывавшего в Ленинграде. Он, например, узнает место, изображенное Баганцем,— вид на Михайловскую улицу (ныне улица Бродского) со зданием, позже перестроенным под Европейскую гостиницу, с портиком торговых рядов у Гостиного двора на Невском проспекте и пятиугольной каланчой на старом здании Городской думы.

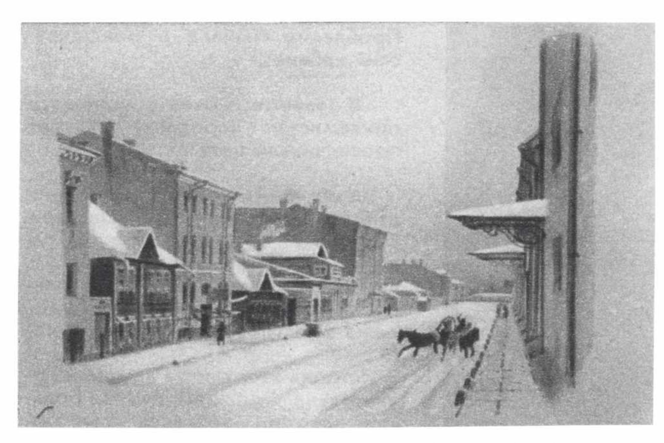
Н. ГРИГОРЬЕВ



Михайловская улица (ныне улица Бродского) в сторону Невского проспекта. Акварель 50-х годов XIX века.



М. Итальянская улица (ныне улица Жуковского). Акварель 60-х годов XIX века.



Спасская улица (ныне улица Рылеева). Акварель 60-х годов XIX века.

Разлука

Слова Евг. ДОЛМАТОВСКОГО.

Музыка Юрия МИЛЮТИНА.

Moderato

1. Ска-жи мне ми-ла-я по-дру-га, бы-ла ль ты в жиз-ни влюб-ле-на, ска-жи от-веть, за-чем раз-лу-ка о-ста-лась в на-ши вре-ме-на. Ска-жи от-веть, за-чем раз-лу-ка о-ста-лась в на-ши вре-ме-на. 2. Раз-лу-ка // -да!

Для повторения · Для окончания

Скажи мне, милая подруга,
Была ль ты в жизни влюблена,
Скажи, ответь, зачем разлука
Осталась в наши времена.

Разлука разная бывает,
С давнишних пор о ней поют —
Одни учиться уезжают,
Другие в армию идут.

В такой разлуке-расставанье
Сердцам согласным горя нет:
Любовь летит сквозь расстоянья
С такой же скоростью, как свет.

Но есть разлука и такая,
Когда вы рядом, ты и он,
Но он тебя не понимает,
С тобой душою разлучен.

Вот это — горе, это мука,
Вот это, девушки, беда.
С такой неправильной разлукой
Расстаться надо навсегда.

СИНИЙ ✚ КРЕСТ

...По улицам столицы мчится автомобиль. Прорезая городские магистрали, он сворачивает в переулок и въезжает в распахнутые ворота. В заводском дворе машина замедляет свой бег и останавливается. К ней подходит группа озабоченных людей.

— Синий крест приехал? Просим сюда.

Вышедшие из машины два человека в белых халатах с маленькими чемоданчиками в руках торопливо идут по двору.

Грустно поглядывает в их сторону, тихо перебирая ногами, жеребенок, к которому и прибыли ветеринарные врачи.

После осмотра четвероногого пациента врач советует поскорее привезти его в лечебницу. Быстрому — кличка жеребенка — нужна операция.

Врачи садятся в автомобиль с синим крестом — знаком ветеринарной лечебной помощи — и покидают обширный двор завода «Бумлитье».



...Ветеринарная поликлиника Октябрьского района Москвы. В эту своеобразную «лечебницу Айболита» ежедневно доставляют из города и Подмосковья лошадей, коров, свиней, гусей, кур, голубей, собак, кошек. Их приводят на поводке, приносят в корзинке, привозят в машине «Скорой помощи» Городской ветеринарной санитарной станции.

...К 9 часам утра на скамейках у дверей рассаживаются хозяева собак, кошек, голубей. Во дворе на привязи лошади и козы. В «приемную» провели кабана. У подъезда фургон с тяжело заболевшей буренкой. Ее привезли из совхоза.

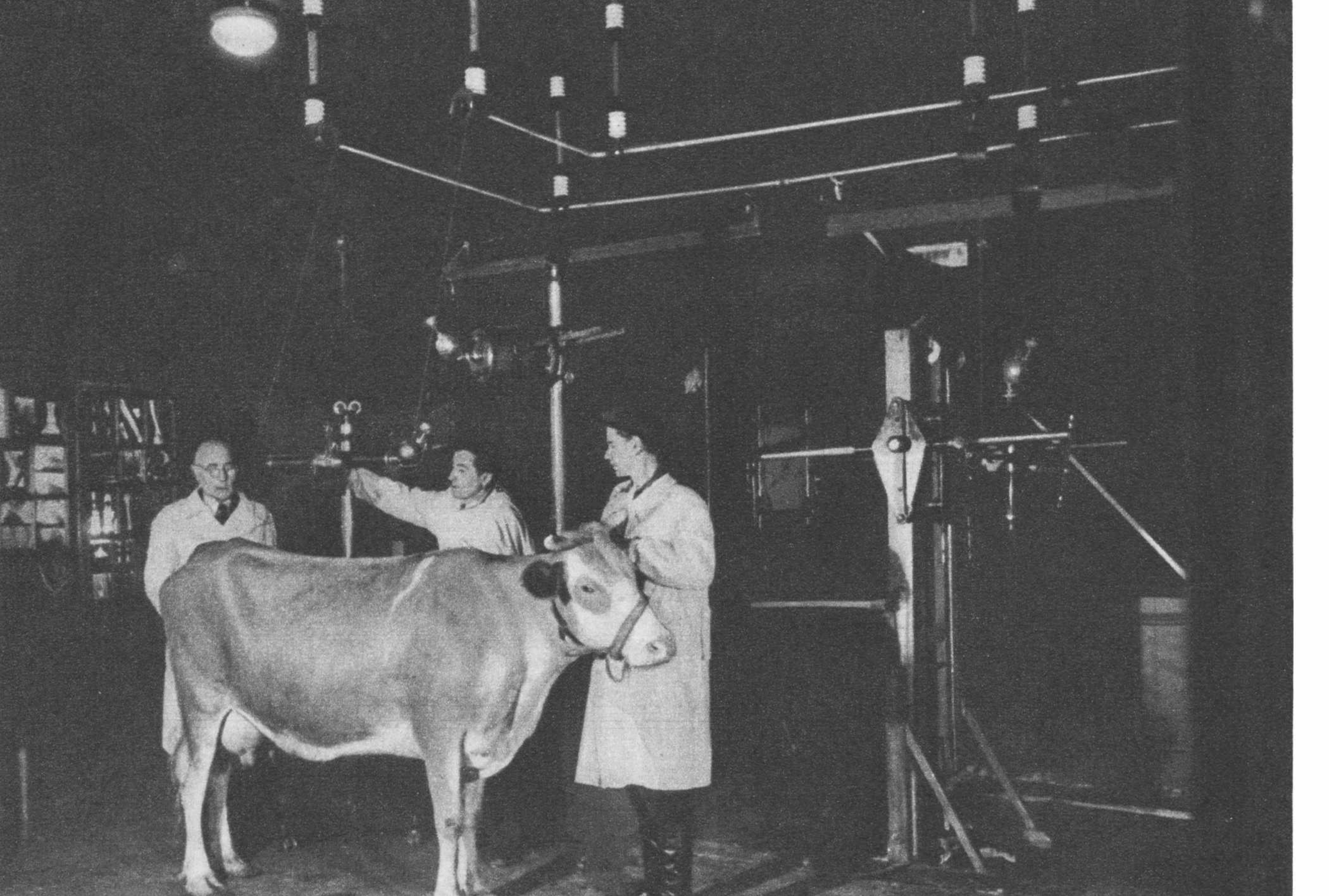
Весело помахивая хвостиком, во двор ворвался щенок, удравший с чьих-то колен. Городской житель, щенок впервые за свою трехмесячную жизнь увидел коров. Громадные «чудовища» поразили его — он было залаял на них. Но ответное мычание рогатых страшилищ испугало щенка, и он счел за благо удалиться. Знакомство не состоялось!

...Лай, мяуканье, визг оглашают просторную, выложенную белоснежной кафельной плиткой приемную-манеж. Врачи осматривают своих пациентов.

— Только за четыре месяца этого года оказана амбулаторная помощь более чем полутора тысячам животных и птиц, —рассказывает директор поликлиники хирург Леонтий Яковлевич Алферов.— Сделано двести двадцать операций, три тысячи профилактических и диагностических исследований и прививок. Животных привозят из колхозов, совхозов, птицеферм, подсобных хозяйств заводов и фабрик, конных заводов, цирка, зоопарка, питомников служебного собаководства.

— А как лечат животных?

— Всеми средствами современной медицины и ветеринарии. Пройдемте сначала в рентгеновский кабинет.



...В темноте кабинета виднелась приземистая коровенка. У нее просвечивали ногу.

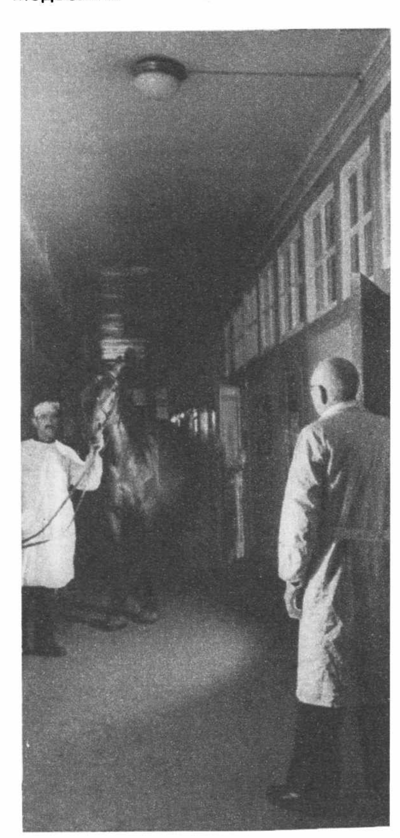
На стене — витрины освещенных изнутри рентгеновских снимков. Переломы, трещины... Тут же серия снимков желудков: прорисовываются иголки, шарики настольного биллиарда, наперстки, дробь, даже крестообразный нож мясорубки.

История этого ножа кратка и поучительна. Однажды в кухне большой квартиры вертелся лохматый пес. На столе разбирали и чистили мясорубку. Нож ее с приставшим

мясом упал на пол. Трезор молниеносно кинулся к куску и... проглотил его.

В тот же день хирург поликлиники извлек этот нож.

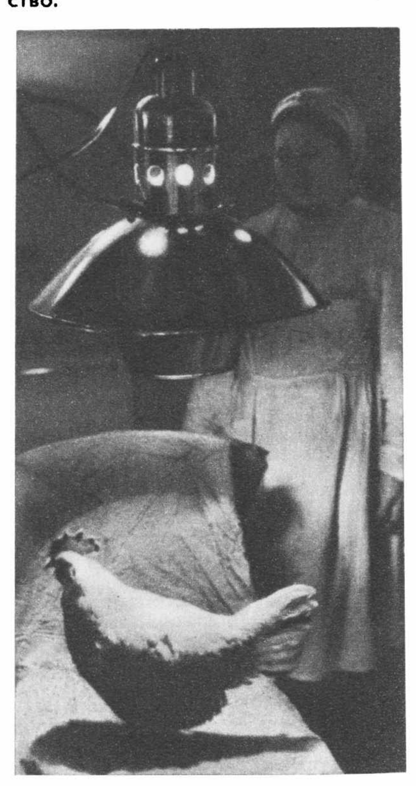
Один из рентгенологов рассказывает, как ему пришлось просвечивать цирковую обезьяну и двух медведей.



Направляемся в диагностический кабинет, затем в хирургический. Навстречу нам по коридору ведут лошадь для рентгеносъемки.

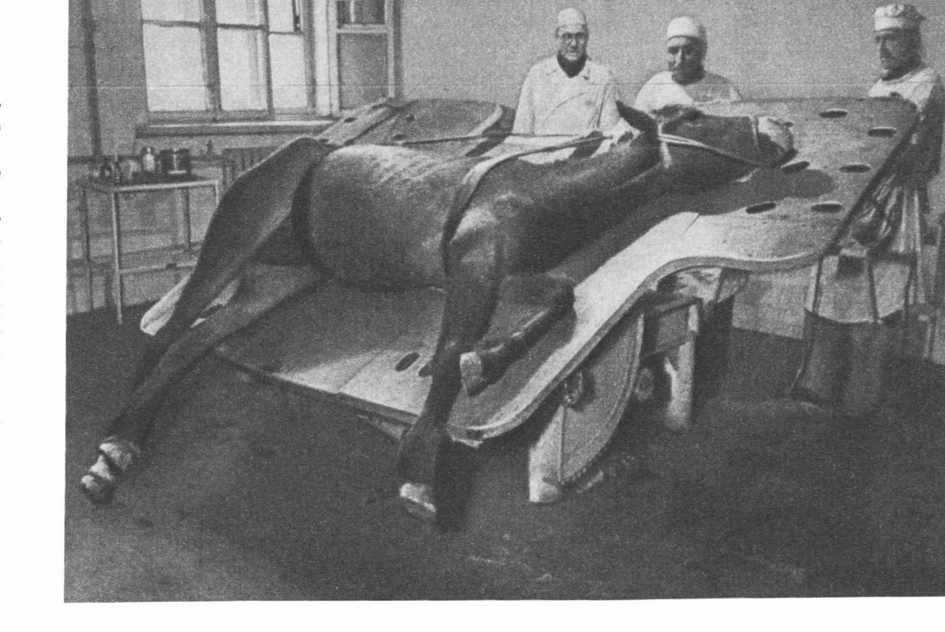
В кабинете физиотерапии под лучами солюкса нежится белая курица.

— Больная — большой цены птица. Она несет «золотые яйца»,— поясняет дежурная санитарка.— На птицеферме очень беспокоятся, как бы не пропала такая яйценосная хохлатка. От хорошей курицы — хорошее потомство.



В операционной комнате привязывают к столу жеребенка. Это Быстрый с завода «Бумлитье».

Стол особенный. С помощью электричества его вращающаяся крышка переводится в вертикальное положение. Жеребенка привязывают сбоку к стоящей крышке. Животному дают наркоз... Крышка медленно поворачивается вместе с конем и вновь принимает горизонтальное положение. Можно приступить к операции.

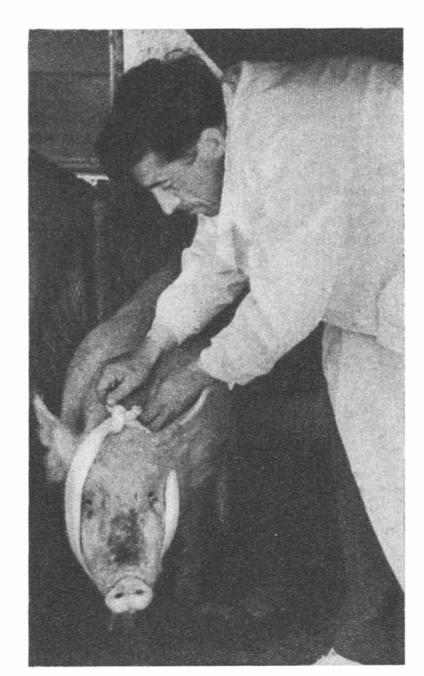


Аптека поликлиники. В ее шкафах — все новейшие лекарства. Из аптеки идем в палаты. Вдоль небольшого коридора разместились удобные стойла.

Отсюда дверь ведет в другой стационар.



...Перед нами легкомысленный котенок: шалун «съел» пуговицу.



В соседнем помещении ветфельдшер перевязывает хавронью...

Снова приемная. Телефонные звонки. Вызывают ветеринарных врачей. А в это время в поликлинику приехал для консультации и осмотра коров профессор кафедры эпизоотологии Московской ветеринарной академии М. С. Ганушкин.

Приходят на практику студенты ветеринарного института. Около них сгруппировалась экскурсия зоотехников Московской области.

...Больше месяца пробыла в поликлинике собака Лада. И вот сейчас происходит трогательная встреча Лады с ее маленькой хозяйкой Валерочкой, пришедшей забрать домой свою выздоровевшую любимицу...

С. БОГОРАД

Фото Галины САНЬКО.





Рисунок Е. Ведерникова.

«Самая крупная рыба»

Если вас спросят: «Какая на свете самая крупная рыба?»,— не смущаясь, отвечайте: «Та самая, которая сорвалась у рыбака с удочки».

Чего только не наговорит возбужденный и расстроенный рыбак о сошедшей с крючка или оборвавшей леску рыбе! Яркие и убедительные слова подберет он для описания ее цвета, размеров, увертливости, силы. Восклицания, мимика, жесты — весь арсенал изобразительных средств обычно пускается в ход, чтобы вы представили себе, как трещало изогнутое в дугу удилище, как закипела вода в реке, как дрожала едва сдерживающая напор мечущейся рыбы рука рыбака...

Слушая эти приподнятые, романтические рассказы, трудно подчас бывает решить, где тут правда, а где игра воображения. Возражать в таких случаях бесполезно, проверить — невозможно: она ведь сорвалась. Но жизнь полна неожиданностей...

Вот какую забавную историю рассказал мой приятель-сибиряк:

«...Мы ловили хариусов в горных притоках Енисея. С нами был один начинающий рыболов. Ловля хариуса на мушку — увлекательнейшее занятие даже для много-опытного рыбака. А что можно сказать о новичке, когда он видит, как рядом с упавшей на поверхность реки мушкой вдруг выскакивает сильная серебристая рыба, ударяет хвостом мушку и потом, схватив ее, сама засекается на крючке!..

В разгар ловли ко мне подбежал новичок с таким лицом, точно его по меньшей мере укусила ядовитая змея. «Сорвалось!» — замирающим голосом пролепетал он и показал обрывок лески.

Пока я оборудовал ему новую снасть — новичок немыслим без шефа, — он восторженно рассказывал о сорвавшемся хариусе. Из рассказа я заключил, что этот хариус был всем хариусам хариус, что его прыжок из воды был рекордным, удар хвостом по мушке — оглушительным, что взвешивать его надо было чуть ли не килограммами, а измерять...

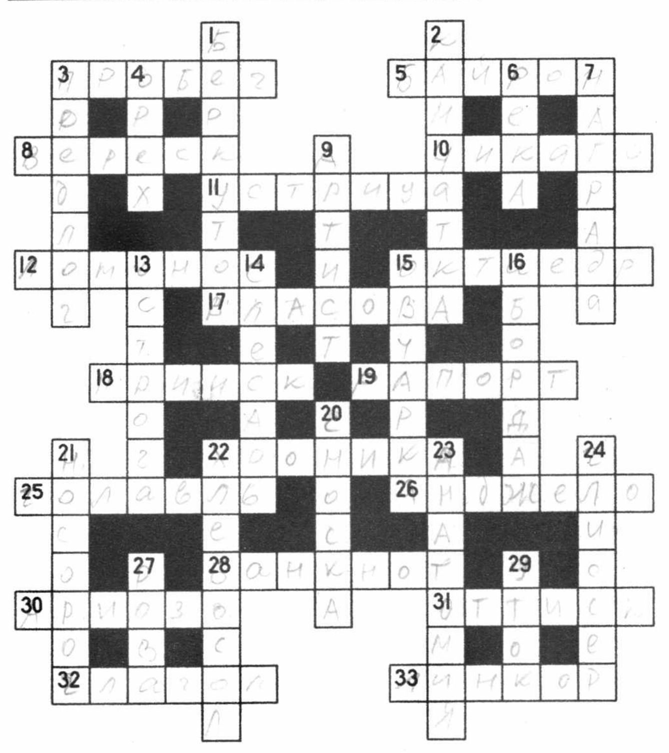
Ловля была удачной. Настало время возвращаться к месту привала.

Последний мой заброс дал необычный результат: я вытащил небольшого, величиной в одну пядь, тощего хариуса, во рту которого был крючок и обрывок лески. Леска мне показалась знакомой. Я подозвал новичка и, спрятав в руке рыбу, спросил: «Твоя это леска?» «Моя»,— сказал ничего не подозревающий рыбак. «А рыбка твоя?» Растерянно глядя на жалкого хариуса, новичок после долгой паузы пробормотал: «Кажется, не моя».

После этой истории он весь день был хмурым и молчаливым и даже избегал встречаться взглядом со своими товарищами».

Я. ФИЛИППОВ

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Спортивное состязание. 5. Английский поэт. 8. Вечнозеленый кустарник. 10. Крупный город в США. 11. Съедобный морской моллюск. 12. Травянистое вьющееся растение. 15. Правильный восьмигранник. 17. Героиня произведения М. Горького «Мать». 18. Место разработки драгоценных ископаемых. 19. Донесение. 22. Отдел в газете. 25. Рыба. 26. Поэма А. С. Пушкина. 28. Кредитный билет. 30. Вокальное произведение. 31. Отпечаток. 32. Часть речи. 33. Военный корабль.

По вертикали:

1. Персонаж из комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 2. Полуостров на северо-востоке СССР. 3. Повод. 4. Плод некоторых деревьев. 6. Водоем. 7. Особая благодарность. 9. Работник искусств. 13. Рыболовное орудие. 14. Специальность рабочего. 15. Порода собак. 16. Старинный способ морского боя. 20. Вид пояснительного текста. 21. Млекопитающее южных стран. 22. Гостеприимный человек. 23. Наука. 24. Быстроходное судно. 27. Цветок. 29. Поперечные нити ткани.

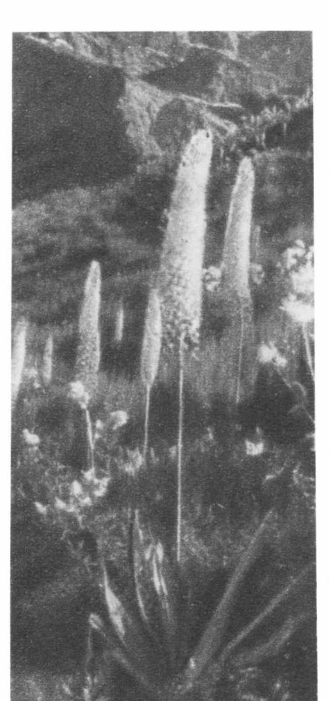
ОТВЕТ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

4. Калитва. 9. Идиома. 10. Теллур. 11. Линза. 12. «Буря». 13. Бьеф. 15. Острава. 18. Контракт. 20. Аномалия. 22. Переполох. 23. Чебутыкин. 25. Фигурист. 28. Послание. 30. Траверз. 31. Рейн. 33. Слог. 34. Хурал. 35. Дергач. 36. Юпитер. 37. Черевик.

По вертикали:

1. Баталист. 2. «Мизантроп». 3. Цветаева. 5. Удмурт. 6. Гойя. 7. «Хлеб». 8. Сулема. 14. Соление. 15. Окулист. 16. Анабиоз. 17. Никитин. 19. Репер. 21. Метол. 24. Товаровед. 26. Умелец. 27. Трехчлен. 28. Прелюдия. 29. Апогей. 32. Нуга. 33. Слип.



Стебли эремуруса достигают 2—3 метров высоты.

Из почты «Огонька»

ЭРЕМУРУС

Как только солнце начнет по-весеннему пригревать землю, среди проталин появляются остроконечные, упругие зеленые ростки. И хотя по ночам температура нередко падает до 10 и более градусов ниже нуля, ростки день ото дня поднимаются над землей. Затем росток распадается на толстые остроконечные листья. В конце апреля из середины растения появляется стебель. Во второй половине мая в основании цветочной кисти появляются бледнорозовые цветы. Через месяц на месте первых цветов образуются зеленые шарики плодов, а наверху кисти еще продолжается полное цветение.

Это растение — эремурус.

Ботаник Б. А. Федченко переводит слово «эремурус» с греческого, как «хвост пустыни». В Средней Азии эремурус можно встретить на высоте 2,7 тысячи метров над уровнем моря. На северных склонах эремурусы образуют особенно густые заросли. Над яркозеленым высокогорным лугом поднимаются высокие султаны этого растения. Цветы его бывают различных оттенков — чисто белые, желтые, бурые, розовые, темно-красные.

Эремурус — великолепное декоративное растение.

В Таджикистане встречается один из наиболее красивых видов эремуруса — робустус, дающий стебли до 2—3 метров высоты; цветы у него розовые.

Молодые корни робустуса в вареном виде идут в пищу. Цветы — хороший медонос. Из корней изготовляют также клей. Он используется в кустарной промышленности для склейки кожи.

Владимир РАЦЕК
Ташкент.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Ю. С. Подлясского «Клевер убирают», С. Н. Шильникова «Студенты», А. И. Лактионова «В новую квартиру», А. М. Гуревич, И. И. Юхно «На колхозном стадионе» и четыре страницы цветных фотографий.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ ОБ ОКРУЖНОСТИ

Длина окружности — 82 метра.

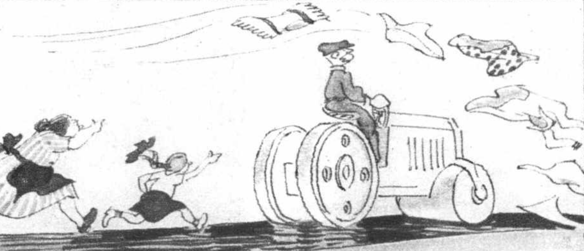
РЕШЕНИЕ

Согласно условию, длина каждой дуги дважды входит в состав трех сумм, так как дуга последующая первой — вторая, второй — третья, третьей — первая.

Отсюда, сложив три суммы, приведенные в условии (53 + 65 + 46), получим число 164, являющееся удвоенной длиной окружности.

Размер окружности — 164 : 2 = 82 метра.







Изошутка Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 02824. Подп. к печ. 9/VI 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 480. Заказ № 1233. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



В центральной столовой № 1 Московского автозавода имени И. В. Сталина. Старший повар П. Л. Харитонов и повар Е. П. Кондратьева готовят закуски к обеду. Петр Леонтьевич Харитонов работает поваром более 40 лет, он обучил своему искусству немало молодых работников, в их числе и комсомолку Екатерину Кондратьеву. П. Л. Харитонов и Е. П. Кондратьева — члены кулинарного совета заводского комбината общественного питания.

Фото П. Евгеньева.


Цена 3 руб.